

OLIBRARIIS

PIE TORI

1871

1871	1871
1871	1871
1871	1871

1871

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Страхъ.—Разсказъ неизвѣстнаго человѣка.—Хорошіе люди.—Вабье царство.—
Поиргунья.—Черный монахъ.—Скрипка Ротшильда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

АНТ. П. РЕХОВА.

КОПИЯ

ВЫДАНА ИЗДАТЕЛЬСТВУ

Артистическое заведение Т ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

СТРАХЪ.

(РАЗСКАЗЪ МОЕГО ПРЯТЕЛЯ).

Дмитрій Петровичъ Силинъ кончилъ курсъ въ университетѣ и служилъ въ Петербургѣ, но въ 30 лѣтъ бросилъ службу и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Хозяйство шло у него не дурно, но все-таки мнѣ казалось, что онъ не на своемъ мѣстѣ и что хорошо бы онъ сдѣлалъ, если бы опять уѣхалъ въ Петербургъ. Когда онъ, загорѣлый, сѣрый отъ пыли, замученный работой, встрѣчалъ меня около воротъ или у подъѣзда и потомъ за ужиномъ боролся съ дремотой, и жена уводила его спать, какъ ребенка, или когда онъ, осиливъ дремоту, начиналъ своимъ мягкимъ, душевнымъ, точно умоляющимъ голосомъ излагать свои хорошія мысли, то я видѣлъ въ немъ не хозяина и не агронома, а только замученнаго человѣка, и мнѣ ясно было, что никакого хозяйства ему не нужно, а нужно, чтобъ день прошелъ — и слава Богу.

Я любилъ бывать у него и, случалось, гостилъ въ его усадьбѣ дня по два, по три. Я любилъ и его домъ, и паркъ, и большой фруктовый садъ, и рѣчку, и его философію, немножко вялую и витіеватую, но ясную. Должно-быть, я любилъ и его самого, хотя не могу сказать этого навѣрное, такъ какъ до сихъ поръ еще не могу разобраться въ своихъ тогдашнихъ чувствахъ. Это былъ умный, добрый, нескучный и искренній человѣкъ, но помню очень хорошо, что когда онъ повѣрялъ мнѣ свои сокровенныя тайны и называлъ наши отношенія дружбою, то это неприятно волновало меня, и я чувствовалъ неловкость. Въ его дружбѣ

ко мнѣ было что-то неудобное, тягостное, и я охотно предпочелъ бы ей обыкновенныя пріятельскія отношенія.

Дѣло въ томъ, что мнѣ чрезвычайно нравилась его жена, Марія Сергѣевна. Я влюбленъ въ нее не былъ, но мнѣ нравились ея лицо, глаза, голосъ, походка, я скучалъ по ней, когда долго не видалъ ея, и мое воображеніе въ то время никого не рисовало такъ охотно, какъ эту молодую, красивую и изящную женщину. Относительно ея я не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній и ни о чемъ не мечталъ, но почему-то всякій разъ, когда мы оставались вдвоемъ, я вспоминалъ, что ея мужъ считалъ меня своимъ другомъ, и мнѣ становилось неловко. Когда она играла на роялѣ мои любимыя пьесы, или рассказывала мнѣ что-нибудь интересное, я съ удовольствіемъ слушалъ и въ то же время почему-то въ мою голову лѣзли мысли о томъ, что она любитъ своего мужа, что онъ мой другъ и что она сама считаетъ меня его другомъ, настроеніе мое портилось, и я становился вялъ, неловокъ и скученъ. Она замѣчала эту переменъ и обыкновенно говорила:

— Вамъ скучно безъ вашего друга. Надо послать за нимъ въ поле.

И когда приходилъ Дмитрій Петровичъ, она говорила:

— Ну, вотъ теперь пришелъ вашъ другъ. Радуйтесь.

Такъ продолжалось года полтора.

Какъ-то разъ въ одно изъ іюльскихъ воскресеній я и Дмитрій Петровичъ, отъ нечего дѣлать, поѣхали въ большое село Клушино, чтобы купить тамъ къ ужину закусокъ. Пока мы ходили по лавкамъ, зашло солнце и наступилъ вечеръ, тотъ вечеръ, котораго я, вѣроятно, не забуду никогда въ жизни. Купивши сыру, похожаго на мыло, и окаменѣлой колбасы, отъ которой пахло дегтемъ, мы отправились въ трактиръ спросить, нѣтъ ли пива. Нашъ кучеръ уѣхалъ въ кузницу подковывать лошадей, и мы сказали ему, что будемъ ждать его около церкви. Мы ходили, говорили, смѣялись надъ своими покупками, а за нами молча и съ таинственнымъ видомъ, точно сыщикъ, слѣдовалъ человѣкъ, имѣвшій у насъ въ уѣздѣ довольно странное прозвище: Сорокъ Мучениковъ. Этотъ Сорокъ Мучениковъ былъ не кто иной, какъ Гаврила Сѣверовъ, или попросту, Гаврюшка, служившій у меня недолго лакеемъ и уволенный мною за пьянство. Онъ служилъ и у Дмитрія

Петровича и имъ тоже былъ уволенъ все за тотъ же грѣхъ. Это былъ лютый пьяница, да и вообще вся его судьба была пьяною и такою же безпутною, какъ онъ самъ. Отецъ у него былъ священникъ, а мать дворянка, значитъ, по рожденію принадлежалъ онъ къ сословію привилегированному, но какъ я ни всматривался въ его испитое, почти-тельное, всегда потное лицо, въ его рыжую уже сѣдьющую бороду, въ жалкенькій рваный пиджакъ и красную рубаху навывускъ, я никакъ не могъ найти даже слѣда того, что у насъ въ общежитіи зовется привилегіями. Онъ называлъ себя образованнымъ и рассказывалъ, что учился въ духовномъ училищѣ, гдѣ курса не кончилъ, такъ какъ его уволили за куреніе табаку; затѣмъ пѣлъ въ архіерейскомъ хорѣ и года два жилъ въ монастырѣ, откуда его тоже уволили, но ужъ не за куреніе, а за «слабость». Онъ исходилъ пѣшкомъ двѣ губерніи, подавалъ зачѣмъ-то прошенія въ консисторіи и въ разныя присутственныя мѣста, четыре раза былъ подъ судомъ. Наконецъ, застрявши у насъ въ уѣздѣ, онъ служилъ въ лакеяхъ, лѣсникахъ, псаряхъ, церковныхъ сторожахъ, женился на гулящей вдовѣ-кухаркѣ и окончательно погрязъ въ холуйскую жизнь и такъ сжился съ ея грязью и дрызгами, что уже самъ говорилъ о своемъ привилегированномъ происхожденіи съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, какъ о какомъ-то мнѣѣ. Въ описываемое время онъ шатался безъ мѣста, выдавая себя за коновала и охотника, а жена его пропадала гдѣ-то безъ вѣсти.

Изъ трактира мы пошли къ церкви и сѣли на паперги въ ожиданіи кучера. Сорокъ Мучениковъ сталъ поодаль и поднесъ руку ко рту, чтобы почтительно кашлянуть въ нее, когда понадобится. Было уже темно; сильно пахло вечерней сыростью и собиралась восходить луна. На чистомъ, звѣздномъ небѣ было только два облака и какъ разъ надъ нами: одно большое, другое поменьше; они одинокія, точно мать съ дитятею, бѣжали другъ за дружкой въ ту сторону, гдѣ догорала вечерняя заря.

— Славный сегодня день, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— До чрезвычайности...—согласился Сорокъ Мучениковъ и почтительно кашлянулъ въ руку.—Какъ это вы, Дмитрій Петровичъ, изволили надумать сюда пріѣхать? — спросилъ

онъ върадливымъ голосомъ, видимо, желалъ завязать разговоръ.

Дмитрій Петровичъ ничего не отвѣтилъ. Сорокъ Мучениковъ глубоко вздохнулъ и проговорилъ тихо, не глядя на насъ:

— Страдаю единственно черезъ причину, за которую долженъ дать отвѣтъ Всемогущему Богу. Оно, конечно, человѣкъ я потерянный и неспособный, но вѣрьте совѣсти: безъ куска хлѣба и хуже собаки... Простите, Дмитрій Петровичъ!

Силинъ не слушалъ и, подперевъ голову кулаками, о чемъ-то думалъ. Церковь стояла на краю улицы, на высокомъ берегу, и намъ сквозь рѣшетку ограды были видны рѣка, заливные луга по ту сторону и яркій, багровый огонь отъ костра, около котораго двигались черные люди и лошади. А дальше за костромъ еще огоньки: это деревушка... Тамъ пѣли пѣсню.

На рѣкѣ и кое-гдѣ на лугу поднимался туманъ. Высокіе, узкіе клочья тумана, густые и бѣлые, какъ молоко, бродили надъ рѣкой, заслоняя отраженія звѣздъ и цѣпляясь за нвы. Они каждую минуту мѣняли свой видъ и казалось, что одни обнимались, другіе кланялись, третьи поднимали къ небу свои руки съ широкими поповскими рукавами, какъ будто молились... Вѣроятно, они навели Дмитрія Петровича на мысль о привидѣніяхъ и покойникахъ, потому что онъ обернулся ко мнѣ лицомъ и спросилъ, грустно улыбаясь:

— Скажите мнѣ, дорогой мой, почему это, когда мы хотимъ рассказать что-нибудь страшное, таинственное и фантастическое, то черпаемъ матеріалъ не изъ жизни, а непременно изъ міра привидѣній и загробныхъ тѣней?

— Страшно то, что непонятно.

— А развѣ жизнь вамъ понятна? Скажите: развѣ жизнь вы снимаете больше, чѣмъ загробный міръ?

Дмитрій Петровичъ подсѣлъ ко мнѣ совсѣмъ близко, такъ что я чувствовалъ на своей щекѣ его дыханіе. Въ вечернихъ сумеркахъ его блѣдное, худощавое лицо казалось еще блѣднѣе, а темная борода—чернѣе сажки. Глаза у него были грустные, искренніе и немножко испуганные, какъ будто онъ собирался рассказать мнѣ что-нибудь страшное. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и продолжалъ своимъ, по обыкновенію, умоляющимъ голосомъ:

— Наша жизнь и загробный міръ одинаково непонятны и страшны. Кто боится привидѣній, тотъ долженъ бояться и меня, и этихъ огней, и неба, такъ какъ все это, если вдуматься хорошенько, непостижимо и фантастично не менѣе, чѣмъ выходцы съ того свѣта. Принцъ Гамлетъ не убивалъ себя потому, что боялся тѣхъ видѣній, которыя, быть-можетъ, посѣтили бы его смертный сонъ; этотъ его знаменитый монологъ мнѣ нравится, но, откровенно говоря, онъ никогда не трогалъ меня за душу. Признаюсь вамъ, какъ другу, я иногда въ тоскливыя минуты рисовалъ себѣ свой смертный часъ, моя фантазія изобрѣтала тысячи самыхъ мрачныхъ видѣній, и мнѣ удавалось доводить себя до мучительной экзальтациі, до кошмара, и это, увѣряю васъ, мнѣ не казалось страшнѣе дѣйствительности. Что и говорить, страшны видѣнія, но страшна и жизнь. Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни. Не знаю, быть-можетъ, я больной, свихнувшійся человекъ. Нормальному, здоровому человеку кажется, что онъ понимаетъ все, что видитъ и слышитъ, а я вотъ утерять это «кажется» и изо дня въ день отравляю себя страхомъ. Есть болѣзнь—боязнь пространства, такъ вотъ и я боленъ боязнью жизни. Когда я лежу на травѣ и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимаетъ, то мнѣ кажется, что ея жизнь состоитъ изъ сплошного ужаса, и въ ней я вижу самого себя.

— Что же собственно вамъ страшно?—спросилъ я.

— Мнѣ все страшно. Я человекъ отъ природы не глубокой и мало интересуюсь такими вопросами, какъ загробный міръ, судьбы человечества, и вообще рѣдко уношусь въ высь поднебесную. Мнѣ страшна главнымъ образомъ обывденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. Я неспособенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня; я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи. Сегодня я дѣлаю что-нибудь, а завтра ужъ не понимаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Поступилъ я въ Петербургъ на службу и испугался, пріѣхалъ сюда, чтобъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, и

тоже испугался... Я вижу, что мы мало знаемъ и поэтому каждый день ошибаемся, бываемъ несправедливы, клеветемъ заѣдаемъ чужой вѣкъ, расходуемъ всѣ свои силы на вздоръ который намъ не нуженъ и мѣшаетъ намъ жить, и это мнѣ страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому все это нужно. Я, голубчикъ, не понимаю людей и боюсь ихъ. Мнѣ страшно смотрѣть на мужиковъ, я не знаю, для какихъ такихъ высшихъ цѣлей они страдаютъ и для чего они живутъ. Если жизнь есть наслажденіе, то они лишніе, ненужные люди; если же цѣль и смыслъ жизни— въ нуждѣ и непроходимомъ, безнадежномъ невѣжествѣ, то мнѣ непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиція. Никого и ничего я не понимаю. Извольте-ка вы понять вотъ этого субъекта! — сказалъ Дмитрій Петровичъ, указывая на Сорокъ Мучениковъ.— Вдумайтесь!

Замѣтивъ, что оба мы посмотрѣли на него, Сорокъ Мучениковъ почтительно кашлянулъ въ кулакъ и сказалъ:

— У хорошихъ господъ я всегда былъ вѣрной слугой, но главная причина — спиртные напитки. Ежели бы мнѣ теперь уважили, несчастному человѣку, и дали мѣсто, то я бы образъ поцѣловалъ. Слово мое твердо!

Церковный сторожъ прошелъ мимо, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ и сталъ дергать за веревку. Колоколь медленно и протяжно, рѣзко нарушая тишину вечера, пробилъ десять.

— Однако, уже десять часовъ! — сказалъ Дмитрій Петровичъ. — Пора бы ужъ намъ ѣхать. Да, голубчикъ мой, — вздохнулъ онъ: — если бы вы знали, какъ я боюсь своихъ обыденныхъ, житейскихъ мыслей, въ которыхъ, кажется, не должно быть ничего страшнаго. Чтобъ не думать, я развлекаю себя работой и стараюсь утомиться, чтобъ крѣпко спать ночью. Дѣти, жена — у другихъ это обыкновенно, но у меня какъ это тяжело, голубчикъ!

Онъ помялъ руками лицо, крикнулъ и засмѣялся.

— Если бъ я могъ рассказать вамъ, какого я дурака разыгралъ въ жизни! — сказалъ онъ. — Мнѣ всѣ говорятъ: у васъ милая жена, прелестныя дѣти и сами вы прекрасный семьянинъ. Думаютъ, что я очень счастливъ, и завидуютъ мнѣ. Ну, коли на то пошло, то скажу вамъ по секрету: моя счастливая семейная жизнь — одно только печальное недоразумѣніе, и я боюсь ея.

Его блѣдное лицо стало некрасивымъ отъ напряженной улыбки. Онъ обнялъ меня за талію и продолжалъ вполголоса:

— Вы мой искренній другъ, я вамъ вѣрю и глубоко уважаю васъ. Дружбу посылаетъ намъ небо для того, чтобы мы могли высказываться и спасаться отъ тайнъ, которыя угнетаютъ насъ. Позвольте же мнѣ воспользоваться вашимъ дружескимъ расположеніемъ ко мнѣ и высказать вамъ всю правду. Моя семейная жизнь, которая кажется вамъ такою восхитительной, — мое главное несчастье и мой главный страхъ. Я женился странно и глупо. Надо вамъ сказать, что до свадьбы я любилъ Машу безумно и ухаживалъ за нею два года. Я дѣлалъ ей предложеніе пять разъ, и она отказывала мнѣ, потому что была ко мнѣ совершенно равнодушна. Въ шестой разъ, когда я, угорѣвши отъ любви, ползалъ передъ ней на колѣняхъ и просилъ руки, какъ милостыни, она согласилась... Такъ она сказала мнѣ: — «Я васъ не люблю, но буду вамъ вѣрна»... Такое условіе я принялъ съ восторгомъ. Я тогда понималъ, что это значитъ, но теперь, клянусь Богомъ, не понимаю. — «Я васъ не люблю, но буду вамъ вѣрна», — что это значитъ? Это туманъ, потемки... Я люблю ее теперь такъ же сильно, какъ въ первый день свадьбы, а она, мнѣ кажется, попрежнему равнодушна и, должно-быть, бываетъ рада, когда я уѣзжаю изъ дому. Я не знаю навѣрное, любить она меня, или нѣтъ, не знаю, не знаю, но вѣдь мы живемъ подъ одной крышей, говоримъ другъ другу ты, спимъ вмѣстѣ, имѣемъ дѣтей, собственность у насъ общая... Что же это значитъ? Къ чему это? И понимаете ли вы что-нибудь, голубчикъ? Жестокая пытка! Оттого, что въ нашихъ отношеніяхъ я ничего не понимаю, я ненавижу то ее, то себя, то обоихъ вмѣстѣ, все у меня въ головѣ перепуталось, я мучаю себя и тупѣю, а какъ на зло она съ каждымъ днемъ все хорошеетъ, она становится удивительной... По-моему, волосы у нея замѣчательные, а улыбается она, какъ ни одна женщина. Я люблю и знаю, что люблю безнадежно. Безнадежная любовь къ женщиѣ, отъ которой имѣешь уже двухъ дѣтей! Развѣ это понятно и не страшно? Развѣ это не страшнѣе привидѣній?

Онъ находился въ такомъ настроеніи, что говорилъ бы еще очень долго, но къ счастью послышался голосъ ку-

чера. Пришли наши лошади. Мы сѣли въ коляску, и Сорокъ Мучениковъ, снявъ шапку, посадилъ насъ обоихъ и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто давно уже ждалъ случая, чтобы прикоснуться къ нашимъ драгоценнымъ тѣламъ.

— Дмитрій Петровичъ, позвольте къ вамъ придти,—проговорилъ онъ, сильно моргая глазами и склонивъ голову на бокъ.— Явите Божескую милость! Пропадаю съ голоду!

— Ну, ладно, — сказала Силинъ. — Приходи, поживешь три дня, а тамъ увидимъ.

— Слушаю-съ! — обрадовался Сорокъ Мучениковъ. — Я сегодня же приду-съ.

До дому было шесть верстъ. Дмитрій Петровичъ, довольный тѣмъ, что, наконецъ, высказался передъ другомъ, всю дорогу держалъ меня за талию, и ужъ не съ горечью и не съ испугомъ, а весело говорилъ мнѣ, что если бы у него въ семьѣ было благополучно, то онъ вернулся бы въ Петербургъ и занялся тамъ наукой. То вѣяніе, говорилъ онъ, которое погнало въ деревню столько даровитыхъ молодыхъ людей, было печальное вѣяніе. Ржи и пшеницы у насъ въ Россіи много, но совсѣмъ нѣтъ культурныхъ людей. Надо, чтобы даровитая, здоровая молодежь занималась науками, искусствами и политикой; поступать иначе — значитъ, быть неразсчетливымъ. Онъ философствовалъ съ удовольствіемъ и выражалъ сожалѣніе, что завтра рано утромъ разстанется со мной, такъ какъ ему нужно ѣхать на лѣсные торги.

А мнѣ было неловко и грустно, и казалось мнѣ, что я обманываю человѣка. И въ то же время мнѣ было пріятно. Я смотрѣлъ на громадную, багровую луну, которая восходила, и воображалъ себѣ высокую, стройную блондинку, блѣднолицую, всегда нарядную, пахнущую какими-то особенными духами, похожими на мускусъ, и мнѣ почему-то весело было думать, что она не любитъ своего мужа.

Пріѣхавъ домой, мы сѣли ужинать. Марія Сергѣевна, смѣясь, угощала насъ нашими покушками, а я находилъ, что у нея въ самомъ дѣлѣ замѣчательные волосы и что улыбается она, какъ ни одна женщина. Я слѣдилъ за ней, и мнѣ хотѣлось въ каждомъ ея движеніи и взглядѣ видѣть то, что она не любитъ своего мужа, и мнѣ казалось, что я это вижу.

Дмитрій Петровичъ скоро сталъ бороться съ дремотой. Послѣ ужина онъ посидѣлъ съ нами минутъ десять и сказалъ:

— Какъ вамъ угодно, господа, а мнѣ завтра пужно вставать въ три часа. Позвольте оставить васъ.

Онъ нѣжно поцѣловалъ жену, крѣпко, съ благодарностью пожалъ мнѣ руку и взялъ съ меня слово, что я непременно приѣду на будущей недѣлѣ. Чтобы завтра не проспять, онъ пошелъ ночевать во флигель.

Марія Сергѣевна легла спать поздно, по-петербургски, и теперь почему-то я былъ радъ этому.

— И такъ?—началъ я, когда мы остались одни.—Итакъ, вы будете добры, сыграете что-нибудь

Мнѣ не хотѣлось музыки, но я не зналъ, какъ начать разговоръ. Она сѣла за рояль и сыграла, не помню что. Я сидѣлъ возлѣ, смотрѣлъ на ея бѣлыя, пухлыя руки и старался прочесть что-нибудь на ея холодномъ, равнодушномъ лицѣ. Но вотъ она чему-то улыбнулась и поглядѣла на меня.

— Вамъ скучно безъ вашего друга,—сказала она.

Я засмѣялся.

— Для дружбы достаточно было бы ѣздить сюда разъ въ мѣсяць, а я бываю тутъ чаще, чѣмъ каждую недѣлю.

Сказавши это, я всталъ и въ волненіи прошелся изъ угла въ уголь. Она тоже встала и отошла къ камину.

— Вы что хотите этимъ сказать?—спросила она, поднимая на меня свои большіе, ясные глаза.

Я ничего не отвѣтилъ.

— Вы сказали неправду,—продолжала она, подумавъ.— Вы бываете здѣсь только ради Дмитрія Петровича. Что жъ, я очень рада. Въ нашъ вѣкъ рѣдко кому приходится видѣть такую дружбу.

— Эге!—подумалъ я и, не зная, что сказать, спросилъ:— Хотите пройтись по саду?

— Нѣтъ.

Я вышелъ на террасу. По головѣ у меня бѣгали мурашки и мнѣ было холодно отъ волненія. Я уже былъ увѣренъ, что разговоръ нашъ будетъ самый ничтожный и что ничего особеннаго мы не сумѣемъ сказать другъ другу, но что непременно въ эту ночь должно случиться то, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать. Непременно въ эту ночь, или никогда.

— Какая хорошая погода!—сказалъ я громко.

— Для меня это рѣшительно все равно, — слышался отвѣтъ.

Я вошелъ въ гостиную. Марія Сергѣевна попрежнему стояла около камина, заложивъ назадъ руки, о чемъ-то думая, и смотрѣла въ сторону.

— Почему же это для васъ рѣшительно все равно? — спросилъ я.

— Потому что мнѣ скучно. Вамъ бываетъ скучно только безъ вашего друга, а мнѣ всегда скучно. Впрочемъ... это для васъ не интересно.

Я сѣлъ за рояль и взялъ нѣсколько аккордовъ, выжидая, что она скажетъ.

— Вы, пожалуйста, не церемоньтесь, — сказала она сердито глядя на меня и точно собираясь заплакать съ досады.—Если вамъ хочется спать, то уходите. Не думайте, что если вы другъ Дмитрія Петровича, то ужъ обязаны скучать съ его женой. Я не хочу жертвы. Пожалуйста, уходите.

Я не ушелъ, конечно. Она вышла на террасу, а я остался въ гостиной и минутъ пять перелистывалъ ноты. Потомъ и я вышелъ. Мы стояли рядомъ въ тѣни отъ занавѣсокъ, а подъ нами были ступени, залитыя луннымъ свѣтомъ. Черезъ цвѣточныя клумбы и по желтому песку аллея тянулись черныя тѣни деревьевъ.

— Мнѣ тоже нужно уѣзжать завтра, — сказалъ я.

— Конечно, если мужа нѣтъ дома, то вамъ нельзя оставаться здѣсь, — проговорила она насмѣшливо.—Воображаю, какъ бы вы были несчастны, если бы влюбились въ меня! Вотъ погодите, я когда-нибудь возьму и брошусь вамъ на шею... Посмотрю, съ какимъ ужасомъ вы побѣжите отъ меня. Это интересно.

Ея слова и блѣдное лицо были сердиты, но ея глаза были полны самой нѣжной страстной любви. Я уже смотрѣлъ на это прекрасное созданіе, какъ на свою собственность, и тутъ впервые я замѣтилъ, что у нея золотистыя брови, чудныя брови, какихъ я раньше никогда не видѣлъ. Мысль, что я сейчасъ могу привлечь ее къ себѣ, ласкать, касаться ея замѣчательныхъ волосъ, представилась мнѣ вдругъ такую чудовищной, что я засмѣялся и закрылъ глаза.

— Однако, уже пора... Спокойной, ночи, — проговорила она.

— Я не хочу спокойной ночи... — сказалъ я смѣясь и идя за ней въ гостиную.—Я прокляну эту ночь, если она будетъ спокойной.

Пожимая ей руку и провожая ее до двери, я видѣлъ по ея лицу, что она понимаетъ меня и рада, что я тоже понимаю ее.

Я пошелъ къ себѣ въ комнату. На столѣ у меня около книгъ лежала фуражка Дмитрія Петровича, и это напомнило мнѣ объ его дружбѣ. Я взялъ трость и вышелъ въ садъ. Тутъ ужъ подымался туманъ, и около деревьевъ и кустовъ, обнимая ихъ, бродили тѣ самыя высокія и узкія привидѣнія, которыхъ я видѣлъ давеча на рѣкѣ. Какъ жаль, что я не могъ съ ними говорить!

Въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ отчетливо выдѣлялись каждый листокъ, каждая росинка—все это улыбалось мнѣ въ тишинѣ, съ просонокъ, и, проходя мимо зеленыхъ скамей, я вспоминалъ слова изъ какой-то шекспировской пьесы: какъ сладко спитъ сіяніе луны здѣсь на скамьѣ!

Въ саду была горка. Я взошелъ на нее и сѣлъ. Меня томило очаровательное чувство. Я зналъ навѣрное, что сейчасъ буду обнимать, прижиматься къ ея роскошному тѣлу, цѣловать золотыя брови, и мнѣ хотѣлось не вѣрить этому, дразнить себя, и было жаль, что она меня такъ мало мучила и такъ скоро сдалась.

Но вотъ неожиданно послышались тяжелые шаги. На аллеѣ показался мужчина средняго роста, и я тотчасъ же узналъ въ немъ Сорокъ Мучениковъ. Онъ сѣлъ на скамью и глубоко вздохнулъ, потомъ три раза перекрестился и легъ. Черезъ минуту онъ всталъ и легъ на другой бокъ. Комары и ночная сырость мѣшали ему уснуть.

— Ну, жизни!—проговорилъ онъ.—Несчастливая, горькая жизни!

Глядя на его тощее, согнутое тѣло и слушая тяжелые, хриплые вздохи, я вспомнилъ еще про одну несчастную, горькую жизнь, которая сегодня исповѣдалась мнѣ, и мнѣ стало жутко и страшно своего блаженнаго состоянія. Я спустился съ горки и пошелъ къ дому.

«Жизнь, по его мнѣнію, страшна,—думалъ я:—такъ не церемонься же съ нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать отъ нея».

На террасѣ стояла Марія Сергѣевна. Я молча обнялъ ее и сталъ жадно цѣловать ея брови, виски, шею...

Въ моей комнатѣ она говорила мнѣ, что она любитъ меня уже давно, больше года. Она клялась мнѣ въ любви, плакала, просила, чтобы я увезъ ее къ себѣ. Я то и дѣло подводилъ ее къ окну, чтобы посмотрѣть на ея лицо при лунномъ свѣтѣ, и она казалась мнѣ прекраснымъ сномъ, и я торопился крѣпко обнять ее, чтобы повѣрить въ дѣйствительность. Давно ужъ я не переживалъ такихъ восторговъ... Но все-таки далеко, гдѣ-то въ глубинѣ души я чувствовалъ какую-то неловкость, и мнѣ было не по-себѣ. Въ ея любви ко мнѣ было что-то неудобное и тягостное, какъ въ дружбѣ Дмитрія Петровича. Это была большая, серьезная любовь со слезами и клятвами, а я хотѣлъ, чтобы не было ничего серьезнаго — ни слезъ, ни клятвъ, ни разговоровъ о будущемъ. Пусть бы эта лунная ночь промелькнула въ нашей жизни свѣтлымъ метеоромъ — и баста.

Ровно въ три часа она вышла отъ меня и, когда я, стоя въ дверяхъ, смотрѣлъ ей вслѣдъ, въ концѣ коридора вдругъ показался Дмитрій Петровичъ. Встрѣтись съ нимъ, она вздрогнула и дала ему дорогу, и во всей ея фигурѣ было написано отвращеніе. Онъ какъ-то странно улыбнулся, кашлянулъ и вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Тутъ я забылъ вчера свою фуражку...—сказалъ онъ, не глядя на меня.

Онъ нашель и обѣими руками надѣлъ на голову фуражку, потомъ посмотрѣлъ на мое смущенное лицо, на мои туфли и проговорилъ не своимъ, а какимъ-то страннымъ, сиплымъ голосомъ:

— Мнѣ, вѣроятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю васъ. У меня темно въ глазахъ.

И онъ вышелъ, покашливая. Потомъ я видѣлъ въ окно, какъ онъ самъ около конюшни запрягалъ лошадей. Руки у него дрожали, онъ торопился и оглядывался на домъ; вѣроятно, ему было страшно. Затѣмъ онъ сѣлъ въ тарантасъ и со страннымъ выраженіемъ, точно боясь погони, ударилъ по лошадямъ.

Немного погодя, уѣхалъ и я самъ. Уже восходило солнце и вчерашній туманъ робко жался къ кустамъ и пригор-

камъ. На козлахъ сидѣлъ Сорокъ Мучениковъ, уже успѣвшій гдѣ-то выпить, и молоть пьяный вздоръ.

— Я человѣкъ вольный!—кричалъ онъ на лошадей.—Эй, вы, малиновыя! Я потомственный почетный гражданинъ, ежели желаете знать!

Страхъ Дмитрія Петровича, который не выходилъ у меня изъ головы, сообщился и мнѣ. Я думалъ о томъ, что случилось, и ничего не понималъ. Я смотрѣлъ на грачей, и мнѣ было странно и страшно, что они летаютъ.

— Зачѣмъ я это сдѣлалъ?—спрашивалъ я себя въ недоумѣннн и съ отчаяннємъ.—Почему это вышло именно такъ, а не иначе? Кому и для чего это нужно было, чтобъ она любила меня серьезно и чтобъ онъ явился въ комнату за фуражкой? Причемъ тутъ фуражка?

Въ тотъ же день я уѣхалъ въ Петербургъ, и съ Дмитріемъ Петровичемъ и его женой ужъ больше ни разу не видѣлся. Говорятъ, что они продолжаютъ жить вмѣстѣ.

РАЗСКАЗЪ НЕИЗВѢСТНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

По причинамъ, о которыхъ не время теперь говорить подробно, я долженъ былъ поступить въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику, по фамилии Орлову. Было ему около тридцати пяти лѣтъ и звали его Георгіемъ Иванычемъ.

Къ этому Орлову поступилъ я ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я рассчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца.

Обыкновенно часовъ въ одиннадцать утра въ моей лакейской трещалъ электрической звонокъ, давая мнѣ знать, что проснулся баринъ. Когда я съ вычищеннымъ платьемъ и салогамъ приходилъ въ спальню, Георгій Иванычъ сидѣлъ неподвижно въ постели, не заспанный, а скорѣе утомленный сномъ, и глядѣлъ въ одну точку, не выказывая по поводу своего пробужденія никакого удовольствія. Я помогаль ему одѣваться, а онъ неохотно подчинялся мнѣ, молча и не замѣчая моего присутствія; потомъ съ мокрою отъ умыванья головой и пахнущій свѣжими духами, онъ шелъ въ столовую пить кофе. Онъ сидѣлъ за столомъ, пилъ кофе и перелистывалъ газеты, а я и горничная Поля почтительно стояли у дверей и смотрѣли на него. Два взрослыхъ человѣка должны были съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣть, какъ третій пьетъ кофе и грызетъ сухарики. Это, по

всей вѣроятности, смѣшно и дико, но я не видѣлъ для себя ничего унижительнаго въ томъ, что приходилось стоять около двери, хотя былъ такимъ же дворяниномъ и образованнымъ человѣкомъ, какъ самъ Орловъ.

У меня тогда начиналась чахотка, а съ нею еще кое-что, пожалуй, поважнѣе чахотки. Не знаю, подъ вліяніемъ ли болѣзни, или начинавшейся переменны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно. То мнѣ хотѣлось уйти въ монастырь, сидѣть тамъ по цѣлымъ днямъ у окошка и смотрѣть на деревья и поля; то я воображалъ, какъ я покупаю десятинъ пять земли и живу помѣщикомъ; то я давалъ себѣ слово, что займусь наукой и непременно сдѣлаюсь профессоромъ какого-нибудь провинціального университета. Я — отставной лейтенантъ нашего флота; мнѣ грезилось море, наша эскадра и корветъ, на которомъ я совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Мнѣ хотѣлось еще разъ испытать то невыразимое чувство, когда, гуляя въ тропическомъ лѣсу или глядя на закатъ солнца въ Бенгалскомъ заливѣ, зампраешь отъ восторга и въ то же время грустишь по родинѣ. Мнѣ снились горы, женщины, музыка, и съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, я всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а человѣкомъ, которому интересно все на свѣтѣ, даже Орловъ.

Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Описывать обыкновенную наружность едва ли и слѣдуетъ; къ тому же Петербургъ — не Испанія, наружность мужчинъ здѣсь не имѣетъ большого значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ и кучерамъ. Заговорилъ же я о лицѣ и волосахъ Орлова потому только, что въ его наружности было нѣчто, о чемъ стоить упомянуть, а именно: когда Орловъ брался

за газету или книгу, какая бы она ни была, или же встрѣчался съ людьми, кто бы они ни были, то глаза его начинали иронически улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣлки. Передъ тѣмъ, какъ прочесть что-нибудь или услышать, у него всякій разъ была уже готовъ иронія, точно щитъ у дикаря. Это была иронія привычная, старой закваски, и въ послѣднее время она показывалась на лицѣ уже безо всякаго участія воли, вѣроятно, а какъ бы по рефлексу. Но объ этомъ послѣ.

Въ первомъ часу онъ съ выраженіемъ ироніи бралъ свой портфель, набитый бумагами, и уѣзжалъ на службу. Обѣдалъ онъ не дома и возвращался послѣ восьми. Я зажигалъ въ кабинетѣ лампу и свѣчи, а онъ садился въ кресло, протягивалъ ноги на стулъ и, развалившись такимъ образомъ, начиналъ читать. Почти каждый день онъ привозилъ съ собой или ему присылали изъ магазиновъ новыя книги, и у меня въ лакейской въ углахъ и подъ моею кроватью лежало множество книгъ на трехъ языкахъ, не считая русскаго, уже прочитанныхъ и брошенныхъ. Читалъ онъ съ необыкновенною быстротой. Говорятъ: скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, кто ты. Это, быть можетъ, и правда, но судить объ Орловѣ по тѣмъ книгамъ, какія онъ читалъ, положительно нельзя. То была какая-то каша. И философія, и французскіе романы, и политическая экономія, и финансы, и новые поэты, и изданія «Посредника», — и все онъ прочитывалъ одинаково быстро и все съ тѣмъ же ироническимъ выраженіемъ глазъ.

Послѣ десяти онъ тщательно одѣвался, часто во фракъ, очень рѣдко въ свой камеръ-юнкерскій мундиръ, и уѣзжалъ изъ дому. Возвращался подъ утро.

Жили мы съ нимъ тихо и мирно и никакихъ недоразумѣній у насъ не было. Обыкновенно онъ не замѣчалъ моего присутствія и, когда говорилъ со мною, то на лицѣ у него не было ироническаго выраженія, — очевидно, не считалъ меня человѣкомъ.

Только одинъ разъ я видѣлъ его сердитымъ. Однажды, — это было черезъ недѣлю послѣ того, какъ я поступилъ къ нему, — онъ вернулся съ какого-то обѣда часовъ въ девять; лицо у него было капризное, утомленное. Когда я шелъ за нимъ въ кабинетъ, чтобы зажечь тамъ свѣчи, онъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ комнатахъ чѣмъ-то воняетъ.

— Нѣтъ, воздухъ чистъ,—отвѣтилъ я.

— А я тебѣ говорю, что воняетъ,—повторилъ онъ раздраженно.

— Я каждый день открываю форточки.

— Не разсуждай, болванъ!—крикнулъ онъ.

Я обидѣлся и хотѣлъ возражать, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы не вмѣшалась Поля, знавшая своего барина лучше, чѣмъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ, какой дурной запахъ!—сказала она, поднимая брови.—Откуда бы это? Степанъ, отвори въ гостиной форточки и затопи каминъ.

Она заахала, засуетилась и пошла ходить по всеѣмъ комнатамъ, шурша свѣжими юбками и шипя въ пульверизаторъ. А Орловъ все былъ не въ духѣ; онъ, видимо, сдерживая себя, чтобы не сердиться громко, сидѣлъ за столомъ и быстро писалъ письмо. Написавши нѣсколько строкъ, онъ сердито фыркнулъ и порвалъ письмо, потомъ началъ снова писать.

— Чортъ ихъ возьми!—пробормоталъ онъ.—Хотятъ, чтобы я имѣлъ чудовищную память!

Наконецъ, письмо было написано; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ты поѣдешь на Знаменскую и отдашь это письмо Зинаидѣ Ѳедоровнѣ Красновской въ собственныя руки. Но сначала спроси у швейцара, не вернулся ли мужъ, то-есть господинъ Красновскій. Если онъ вернулся, то письма не отдавай и поѣзжай назадъ. Постой!.. Въ случаѣ, если она спроситъ, есть ли кто-нибудь у меня, то ты скажешь ей, что съ восьми часовъ у меня сидятъ два какихъ-то господина и что-то пишутъ.

Я поѣхалъ на Знаменскую. Швейцаръ сказалъ мнѣ, что господинъ Красновскій еще не вернулись, и я отправился на третій этажъ. Мнѣ отворилъ дверь высокій, толстый, бурый лакей съ черными бакенами и сонно, вяло и грубо, какъ только лакей можетъ разговаривать съ лакеемъ, спросилъ меня, что мнѣ нужно. Не успѣлъ я отвѣтить, какъ въ переднюю изъ залы быстро вошла дама въ черномъ платьѣ. Она прищурила на меня глаза.

— Зинаида Ѳедоровна дома?—спросилъ я.

— Это я,—сказала дама.

— Письмо отъ Георгія Иваныча.

Она нетерпѣливо распечатала письмо и, держа его въ обѣихъ рукахъ и показывая мнѣ свои кольца съ брильянтами, стала читать. Я разглядѣлъ бѣлое лицо съ мягкими линиями, выдающійся впередъ подбородокъ, длинныя, темныя рѣсницы. На видъ я могъ дать этой дамѣ не больше двадцати пяти лѣтъ.

— Кланяйтесь и благодарите, — сказала она, кончивъ читать. — Есть кто-нибудь у Георгія Иваныча? — спросила она мягко, радостно и какъ бы стыдясь своего недоверія.

— Какіе-то два господина, — отвѣтилъ я. — Что-то пишутъ.

— Кланяйтесь и благодарите, — повторила она и, склонивъ голову на бокъ и читая на ходу письмо, безшумно вышла.

Я тогда встрѣчалъ мало женщинъ, и эта дама, которую я видѣлъ мелькомъ, произвела на меня впечатлѣніе. Возвращаясь домой пѣшкомъ, я вспомнилъ ея лицо и запахъ тонкихъ духовъ, и мечталъ. Когда я вернулся, Орлова уже не было дома.

II.

Итакъ, съ хозяиномъ мы жили тихо и мирно, но все-таки то нечистое и оскорбительное, чего я такъ боялся, поступая въ лакеи, было налицо и давало себя чувствовать каждый день. Я не ладилъ съ Полей. Это была хорошо упитанная, избалованная тварь, обожавшая Орлова за то, что онъ баринъ, и презиравшая меня за то, что я лакей. Вѣроятно, съ точки зрѣнія настоящаго лакея или повара, она была обольстительна: румяныя щеки, вздернутый носъ, прищуренные глаза и полнота тѣла, переходящая уже въ пухлость. Она пудрилась, красила брови и губы, затягивалась въ корсетъ и носила турнюръ и браслетку изъ монетъ. Походка у нея была мелкая, подпрыгивающая; когда она ходила, то вертѣла или, какъ говорится, дрыгала плечами и задомъ. Шуршанье ея юбокъ, трескъ корсета и звонъ браслета и этотъ хамскій запахъ губной помады, туалетнаго укуса и духовъ, украденныхъ у барина, возбуждали во мнѣ, когда я по утрамъ убиралъ съ нею комнаты, такое чувство, какъ будто я дѣлалъ вмѣстѣ съ нею что-то мерзкое.

Оттого ли, что я не воровалъ вмѣстѣ съ нею, или не изъ-являлъ никакого желанія стать ея любовникомъ, что, вѣ-роятно, оскорбляло ее, или, быть-можетъ, оттого, что она чуяла во мнѣ чужого человѣка, она возненавидѣла меня съ перваго же дня. Моя неумѣлость, не лакейская наружность и моя болѣзнь представлялись ей жалкими и вызывали въ ней чувство гадливости. Я тогда сильно кашлялъ и, случалось, по ночамъ мѣшалъ ей спать, такъ какъ ея и мою комнату отдѣляла одна только деревянная перегородка, и каждое утро она говорила мнѣ:

— Ты опять не давалъ мнѣ спать. Въ больницѣ тебѣ лежать, а не у господъ жить.

Она такъ искренно вѣрила, что я не человѣкъ, а нѣчто, стоящее неизмѣримо ниже ея, что, подобно римскимъ ма-тронамъ, которыя не стыдились купаться въ присутствіи рабовъ, при мнѣ иногда ходила въ одной сорочкѣ.

Однажды за обѣдомъ (мы каждый день получали изъ трактира супъ и жаркое), когда у меня было прекрасное мечтательное настроеніе, я спросилъ:

— Поля, вы въ Бога вѣруете?

— А то какъ же!

— Стало-быть, вы вѣруете,—продолжалъ я:—что будетъ страшный судъ и что мы дадимъ отвѣтъ Богу за каждый свой дурной поступокъ?

Она ничего не отвѣтила и только сдѣлала презрительную гримасу, и, глядя въ этотъ разъ на ея сытые, холодные глаза, я понялъ, что у этой цѣльной, вполне законченной природы не было ни Бога, ни совѣсти, ни законовъ, и что если бы мнѣ понадобилось убить, поджечь или украсть, то за деньги я не могъ бы найти лучшаго сообщника.

Въ необычной обстановкѣ, да еще при моей непривычкѣ къ *ты* и къ постоянному лганью (говорить «барина нѣтъ дома», когда онъ дома), мнѣ въ первую недѣлю жилось у Орлова не легко. Въ лакейскомъ фракѣ я чувствовалъ себя какъ въ латахъ. Но потомъ привыкъ. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія. Когда Орлову не хотѣлось ѣхать на свиданіе къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, или когда онъ забывалъ, что обѣщалъ быть у нея, я ѣздилъ на Знаменскую, отдавалъ тамъ письмо въ собственныя руки и ждалъ. И въ результатѣ выходило совсѣмъ не то, что я ожидалъ, посту-

пая въ лакеи; всякій день этой моей новой жизни оказывался пропащимъ и для меня, и для моего дѣла, такъ какъ Орловъ никогда не говорилъ о своемъ отцѣ, его гости—тоже, и о дѣятельности извѣстнаго государственнаго чело-вѣка я зналъ только то, что удавалось мнѣ, какъ и раньше, добывать изъ газетъ и переписки съ товарищами. Сотни записокъ и бумагъ, которыя я находилъ въ кабинетѣ и читалъ, не имѣли даже отдаленнаго отношенія къ тому, что я искалъ. Орловъ былъ совершенно равнодушенъ къ громкой дѣятельности своего отца и имѣлъ такой видъ, какъ будто не слыхалъ о ней или какъ будто отецъ у него давно умеръ.

III.

По четвергамъ у насъ бывали гости.

Я заказывалъ въ ресторанѣ кусокъ ростбифа и говорилъ въ телефонъ Елисеѣву, чтобы прислали намъ икры, сыру, устрицъ и проч. Покупалъ игральныхъ картъ. Поля уже съ утра приготавливала чайную посуду и сервировку для ужина. Сказать по правдѣ, эта маленькая дѣятельность нѣсколько разнообразила нашу праздную жизнь, и четверги для насъ были самыми интересными днями.

Гостей приходило только трое. Самымъ солиднымъ и, пожалуй, самымъ интереснымъ былъ гость по фамилии Пекарскій, высокій, худощавый чело-вѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, съ большою черною бородой и съ лысиной. Глаза у него были большіе, навыватъ, и выраженіе лица серьезное, вдумчивое, какъ у греческаго философа. Служилъ онъ въ управленіи желѣзной дороги и въ банкѣ, былъ юрисконсультomъ при какомъ-то важномъ казенномъ учрежденіи и состоялъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ со множествомъ частныхъ лицъ, какъ опекунъ, председа-тель конкурса и т. п. Имѣлъ онъ чинъ совѣтъ небольшой и скромно называлъ себя присяжнымъ повѣреннымъ, но вліяніе у него было громадное. Его визитной карточки или записки достаточно было, чтобы васъ принялъ не въ очередь знаменитый докторъ, директоръ дороги или важный чиновникъ; говорили, что по его протекціи можно было получить должность даже четвертаго класса и занять какое угодно неприятое дѣло. Считался онъ очень умнымъ чело-вѣкомъ, но это былъ какой-то особенный, странный умъ.

Онъ могъ въ одно мгновеніе помножить въ умѣ 213 на 373 или перевести стерлинги на марки безъ помощи карандаша и табличекъ, превосходно зналъ желѣзнодорожное дѣло и финансы, и во всемъ, что касалось администраціи, для него не существовало тайнъ; по гражданскимъ дѣламъ, какъ говорили, это былъ искуснѣйшій адвокатъ, и тягаться съ нимъ было нелегко. Но этому необыкновенному уму было совершенно непонятно многое, что знаетъ даже иной глупый человѣкъ. Такъ, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скучаютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, и почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина... Все отвлеченное, исчезающее въ области мысли и чувства, было для него непонятно и скучно, какъ музыка для того, кто не имѣетъ слуха. На людей смотрѣлъ онъ только съ дѣловой точки зрѣнія и дѣлил ихъ на способныхъ и неспособныхъ. Иного дѣленія у него не существовало. Честность и порядочность составляютъ лишь признакъ способности. Кутить, играть въ карты и развратничать можно, но такъ, чтобы это не мѣшало дѣлу. Вѣровать въ Бога не умно, но религія должна быть охраняема, такъ какъ для народа необходимо сдерживающее начало, иначе онъ не будетъ работать. Наказанія нужны только для устрашенія. На дачу выѣзжать незачѣмъ, такъ какъ и въ городѣ хорошо. И такъ далѣе. Онъ былъ вдовъ и дѣтей не имѣлъ, но жизнь велъ на широкую, семейную ногу и платилъ за квартиру три тысячи въ годъ.

Другой гость, Кукушкинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ молодыхъ, былъ небольшого роста и отличался въ высшей степени непріятнымъ выраженіемъ, какое придавала ему несоразмѣрность его толстаго, пухлаго туловища съ маленькимъ, худощавымъ лицомъ. Губы у него были сердечкомъ и стриженные усики имѣли такой видъ, какъ будто были приклеены лакомъ. Это былъ человѣкъ съ манерами ящерицы. Онъ не входилъ, а какъ-то вползалъ, мелко сѣменя ногами, покачиваясь и хихикая, а когда смѣялся, то скалилъ зубы. Онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при комъ-то и ничего не дѣлалъ, хотя получалъ большое содержаніе, особенно лѣтомъ, когда для него избрѣтали разныя командировки. Это былъ карьеристъ не до

мозга костей, а глубже, до послѣдней капли крови, и притомъ карьеристъ мелкій, неувѣренный въ себѣ, строившій свою карьеру на однѣхъ лишь подачкахъ. За какой-нибудь иностранный крестикъ или за то, чтобы въ газетахъ напечатали, что онъ присутствовалъ на панихидѣ или на молебнѣ вмѣстѣ съ прочими высокопоставленными особами, онъ готовъ былъ идти на какое угодно униженіе, кланчить, льстить, обѣщать. Изъ трусости онъ льстилъ Орлову и Пекарскому, потому что считалъ ихъ сильными людьми, льстилъ Полѣ и мнѣ, потому что мы служили у вліятельнаго чело-вѣка. Всякій разъ, когда я снималъ съ него шубу, онъ хихикалъ и спрашивалъ меня: «Степанъ, ты женатъ?»—и затѣмъ слѣдовали скабрёзныя пошлости—знакъ особаго ко мнѣ вниманія. Кукушкинъ льстилъ слабостямъ Орлова, его испорченности, сытости; чтобы понравиться ему, онъ прикидывался злымъ насмѣшникомъ и безбожникомъ, критиковалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, передъ кѣмъ въ другомъ мѣстѣ рабски ханжилъ. Когда за ужиномъ говорили о женщинахъ и о любви, онъ прикидывался утонченнымъ и изысканнымъ развратникомъ. Вообще, надо замѣтить, петербургскіе жуиры любятъ поговорить о своихъ необыкновенныхъ вкусахъ. Иной дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ молодыхъ превосходно довольствуется ласками своей кухарки или какой-нибудь несчастной, гуляющей по Невскому, но послушать его, такъ онъ зараженъ всѣми пороками Востока и Запада, состоитъ почетнымъ членомъ цѣлаго десятка тайныхъ предосудительныхъ обществъ и уже на замѣчаніи у полиціи. Кукушкинъ вралъ про себя безсовѣстно, и ему не то чтобы не вѣрили, а какъ-то мимо ушей пропускали всѣ его небыллицы.

Третій гость — Грузинъ, сынъ почтеннаго ученаго генерала, ровесникъ Орлова, длинноволосый и подслѣловатый блондинъ, въ золотыхъ очкахъ. Мнѣ припоминаются его длинные, блѣдные пальцы, какъ у піаниста; да и во всей его фигурѣ было что-то музыкантское, виртуозное. Такія фигуры въ оркестрахъ играютъ первую скрипку. Онъ кашлялъ и страдалъ мигренью, вообще казался болѣзненнымъ и слабенькимъ. Вѣроятно, дома его раздѣвали и одѣвали, какъ ребенка. Онъ кончилъ въ училищѣ правовѣдѣнія и служилъ сначала по судебному вѣдомству, потомъ перевели его въ сенатъ, отсюда онъ ушелъ и по протекціи получилъ

мѣсто въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и скоро опять ушелъ. Въ мое время онъ служилъ въ отдѣленіи Орлова, былъ у него столоначальникомъ, но поговаривалъ, что скоро перейдетъ опять въ судебное вѣдомство. Къ службѣ и къ своимъ перекочевкамъ съ мѣста на мѣсто онъ относился съ рѣдкимъ легкомысліемъ, и когда при немъ серьезно говорили о чинахъ, орденахъ, окладахъ, то онъ добродушно улыбался и повторялъ афоризмъ Пруткова: «Только на государственной службѣ познаешь истину!» У него была маленькая жена со сморщеннымъ лицомъ, очень ревнивая, и пятеро тощенькихъ дѣтей; женѣ онъ измѣнялъ, дѣтей любилъ, только когда видѣлъ ихъ, а въ общемъ относился къ семьѣ довольно равнодушно и подшучивалъ надъ ней. Жилъ онъ съ семьей въ долгъ, занимая, гдѣ и у кого попало, при всякомъ удобномъ случаѣ, не пропуская даже своихъ начальниковъ и швейцаровъ. Это была натура рыхлая, лѣнивая до полнаго равнодушія къ себѣ и плывная по теченію неизвѣстно куда и зачѣмъ. Куда его вели, туда и шелъ. Вели его въ какой-нибудь притонъ—онъ шелъ, ставили передъ нимъ вино—пилъ, не ставили—не пилъ; бранили при немъ жену—и онъ бранилъ свою, увѣряя, что она испортила ему жизнь, а когда хвалили, то онъ тоже хвалилъ и искренно говорилъ: «Я ее, бѣдную, очень люблю». Шубы у него не было и носилъ онъ всегда пладъ, отъ котораго пахло дѣтской. Когда за ужиномъ, о чемъ-то задумавшись, онъ каталъ шарикъ изъ хлѣба и пилъ много краснаго вина, то, странное дѣло, я бывалъ почти увѣренъ, что въ немъ сидитъ что-то, что онъ, вѣроятно, самъ чувствуетъ въ себѣ смутно, но за суетой и пошлостями не успѣваетъ понять и оцѣнить. Онъ немножко игралъ на роялѣ. Бывало, сядетъ за рояль, возьметъ два-три аккорда и запоетъ тихо:

Что день грядущій мнѣ готовитъ?

но тотчасъ же, точно испугавшись, встанетъ и уйдетъ подалеже отъ рояля.

Гости обыкновенно сходились къ десяти часамъ. Они играли въ кабинетѣ Орлова въ карты, а я и Поля подавали имъ чай. Тутъ только я могъ, какъ слѣдуетъ, постигнуть всю сладость лакейства. Стоять въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ около двери, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было пустыхъ стакановъ, перемѣнять пепельницы, подбѣгать къ столу, чтобы поднять оброненный мѣлокъ или карту, а,

главное, стоять, ждать, быть внимательнымъ и не смѣть ни говорить, ни кашлять, ни улыбаться, это, увѣряю васъ, тяжелѣе самаго тяжелаго крестьянскаго труда. Я когда-то стаивалъ на вахтѣ по четыре часа въ бурныя зимнія ночи и нахожу, что вахта несравненно легче.

Играли въ карты часовъ до двухъ, иногда до трехъ и потомъ, потягиваясь, шли въ столовую ужинать или, какъ говорилъ Орловъ, подзакусить. За ужиномъ разговоры. Начиналось обыкновенно съ того, что Орловъ со смѣющимися глазами заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь знакомомъ, о недавно прочитанной книгѣ, о новомъ назначеніи или проектѣ; льстивый Кукушкинъ подхватывалъ въ тонъ, и начиналась, по тогдашнему моему настроенію, препротивная музыка. Иронія Орлова и его друзей не знала предѣловъ и не щадила никого и ничего. Говорили о религіи — иронія, говорили о философіи, о смыслѣ и цѣляхъ жизни — иронія, поднималъ ли кто вопросъ о народѣ — иронія. Въ Петербургѣ есть особая порода людей, которые специально занимаются тѣмъ, что вышучиваютъ каждое явленіе жизни; они не могутъ пройти даже мимо голоднаго или самоубійцы безъ того, чтобы не сказать пошлости. Но Орловъ и его пріятели не шутили и не вышучивали, а говорили съ ироніей. Они говорили, что Бога нѣтъ и со смертью личность исчезаетъ совершенно; бессмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна; по мнѣнію Пекарскаго, она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда не годныхъ. Народъ же спялся, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: — «не обманешь — не продашь». И все въ такомъ родѣ, и все смѣшно.

Отъ вина къ концу ужина становилось веселѣе и переходили къ веселымъ разговорамъ. Подсмѣивались надъ семейною жизнью Грузина, надъ побѣдами Кукушкина или надъ Пекарскимъ, у котораго будто бы въ расходной книжкѣ была одна страничка съ заголовкомъ: *На дѣла благотворительности* и другая — *На физиологическія потребности*.

Говорили, что нѣтъ вѣрныхъ женъ; нѣтъ такой жены, отъ которой, при нѣкоторомъ навыкѣ, нельзя было бы добиться ласкъ, не выходя изъ гостиной, въ то время, когда рядомъ въ кабинетѣ сидитъ мужъ. Дѣвочки-подростки развращены и уже знаютъ все. Орловъ хранитъ у себя письмо одной четырнадцатилѣтней гимназистки: она, возвращаясь изъ гимназій, «замарьяжила на Невскомъ офицерику», который будто бы увелъ ее къ себѣ и отпустилъ только поздно вечеромъ, а она успѣшила написать объ этомъ подругѣ, чтобы подѣлиться восторгами. Говорили, что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея, очевидно, она не нужна; челоуѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея. Вредъ же отъ такъ-называемаго разврата несомнѣнно преувеличенъ. Извращеніе, предусмотрѣнное въ нашемъ уставѣ о наказаніяхъ, не мѣшало Диогену быть философомъ и учителемъ; Цезарь и Цицеронъ были развратники и въ то же время великіе люди. Старикъ Катонъ женился на молодой, и все-таки продолжалъ считаться суровымъ постникомъ и блюстителемъ нравовъ.

Въ три или четыре часа гости расходились или уѣзжали вмѣстѣ за городъ или на Офицерскую къ какой-то Варварѣ Осиповнѣ, а я уходилъ къ себѣ въ лакейскую и долго не могъ уснуть отъ головной боли и кашля.

IV.

Недѣли черезъ три послѣ того, какъ я поступилъ къ Орлову, поминется, въ воскресенье утромъ кто-то позвонилъ. Былъ одиннадцатый часъ и Орловъ еще спалъ. Я пошелъ отворить. Можете себѣ представить мое изумленіе: за дверью на площадкѣ лѣстницы стояла дама съ вуалью.

— Георгій Ивановичъ всталъ?—спросила она.

И по голосу я узналъ Зинаиду Федоровну, къ которой я послалъ письма на Знаменскую. Не помню, услѣлъ ли и сумѣлъ ли я отвѣтить ей, — я былъ смущенъ ея появленіемъ. Да и не нуженъ ей былъ мой отвѣтъ. Въ одно мгновеніе она шмыгнула мимо меня и, наполнивъ переднюю ароматомъ своихъ духовъ, которые я до сихъ поръ еще прекрасно помню, ушла въ комнаты, и шаги ея затихли. По крайней мѣрѣ, съ полчаса потомъ ничего не было слышно. Но опять кто-то позвонилъ. На этотъ разъ какая-то расфранченная дѣвушка, повидимому, горничная изъ богатаго

дома, и нашъ швейцаръ, оба запыхавшись, внесли два чемодана и багажную корзину.

— Это Зинаидѣ Ѳедоровѣ,—сказала дѣвушка.

И ушла, не сказавъ больше ни слова. Все это было таинственно и вызывало у Поли, благоговѣвшей передъ барскими шалостями, хитрую усмѣшку; она какъ будто хотѣла сказать: «Вотъ какіе мы!»—и все время ходила на цыпочкахъ. Наконецъ, послышались шаги; Зинаида Ѳедоровна быстро вошла въ переднюю и, увидѣвъ меня въ дверяхъ моей лакейской, сказала:

— Степанъ, дайте Георгію Иванычу одѣться.

Когда я вошелъ къ Орлову съ платьемъ и сапогами, онъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги на медвѣжій мѣхъ. Вся его фигура выражала смущеніе. Меня онъ не замѣчалъ и моимъ лакейскимъ мнѣніемъ не интересовался; очевидно, былъ смущенъ и конфузился передъ самимъ собой, передъ своимъ «внутреннимъ окомъ». Одѣвался, умывался и потомъ возился онъ со щетками и гребенками молча и не слѣша, какъ будто давая себѣ время обдумать свое положеніе и сообразить, и даже по спиѣ его замѣтно было, что онъ смущенъ и недоволенъ собой.

Пили они кофе вдвоемъ. Зинаида Ѳедоровна налила изъ кофейника себѣ и Орлову, потомъ поставила локти на столъ и засмѣялась.

— Мнѣ все еще не вѣрится, — сказала она. — Когда долго путешествуешь и потомъ пріѣдешь въ отель, то все еще не вѣрится, что уже не надо ѣхать. Пріятно легко вздохнуть.

Съ выраженіемъ дѣвочки, которой очень хочется шалить, она легко вздохнула и опять засмѣялась.

— Вы мнѣ простите,—сказалъ Орловъ, кивнувъ на газеты.—Читать за кофе—это моя необходимая привычка. Но я умѣю дѣлать два дѣла разомъ: и читать, и слушать.

— Читайте, читайте... Ваши привычки и ваша свобода останутся при васъ. Но отчего у васъ постная фizioномія? Вы всегда бываете такимъ по утрамъ или только сегодня? Вы не рады?

— Напротивъ. Но я, признаюсь, немножко ошеломленъ.

— Отчего? Вы имѣли время приготовиться къ моему нашествію. Я каждый день угрожала вамъ.

— Да, но я не ожидалъ, что вы приведете вашу угрозу въ исполненіе именно сегодня.

— И я сама не ожидала, но это лучше. Лучше, мой другъ. Вырвать больной зубъ сразу и—конецъ.

— Да, конечно.

— Ахъ, милый мой!—сказала она, замуривая глаза.— Все хорошо, что хорошо кончается, но, прежде чѣмъ кончилось хорошо, сколько было горя! Вы не смотрите, что я смѣюсь; я рада, счастлива, но мнѣ плакать хочется больше, чѣмъ смѣяться. Вчера я выдержала цѣлую баталію,—продолжала она по-французски.— Только одинъ Богъ знаетъ, какъ мнѣ было тяжело. Но я смѣюсь, потому что мнѣ не вѣрится. Мнѣ кажется, что сижу я съ вами и пью кофе не наяву, а во снѣ.

Затѣмъ она, продолжая говорить по-французски, рассказала, какъ вчера разошлась съ мужемъ, и ея глаза то наполнялись слезами, то смѣялись и съ восхищеніемъ смотрѣли на Орлова. Она рассказала, что мужъ давно уже подозрѣвалъ ее, но избѣгалъ объясненій; очень часто бывали ссоры, и обыкновенно въ самый разгаръ ихъ онъ внезапно умолкалъ и уходилъ къ себѣ въ кабинетъ чтобы вдругъ въ запальчивости не высказать своихъ подозрѣній и чтобы она сама не начала объясняться. Зинаида же Ѳедоровна чувствовала себя виноватой, ничтожной, неспособной на смѣлый, серьезный шагъ, и отъ этого съ каждымъ днемъ все сильнѣе ненавидѣла себя и мужа и мучилась, какъ въ аду. Но вчера, во время ссоры, когда онъ закричалъ плачущимъ голосомъ: «Когда же все это кончится, Боже мой?»—и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, она погналась за нимъ, какъ кошка за мышью, и, мѣшая ему затворить за собою дверь, крикнула, что ненавидитъ его всею душой. Тогда онъ впустилъ ее въ кабинетъ, и она высказала ему все и призналась, что любить другого, что этотъ другой ея настоящій, самый законный мужъ, и она считаетъ долгомъ совѣсти сегодня же переѣхать къ нему, несмотря ни на что, хотя бы въ нее стрѣляли изъ пушекъ.

— Въ васъ сильно бьется романтическая жилка,—перебилъ ее Орловъ, не отрывая глазъ отъ газеты.

Она засмѣялась и продолжала рассказывать, не дотрогиваясь до своего кофе. Щеки ея разгорѣлись, это ее смущало немного, и она конфузливо поглядывала на меня и на Полю.

Изъ ея дальнѣйшаго разсказа я узналъ, что мужъ отвѣтилъ ей попреками, угрозами и въ концѣ-концовъ слезами, и вѣрнѣе было бы сказать, что не она, а онъ выдержалъ баталію.

— Да, мой другъ, пока нервы мои были подняты, все шло прекрасно, — рассказывала она: — но какъ только наступила ночь, я пала духомъ. Вы, Жоржъ, не вѣрите въ Бога, а я немножко вѣрую и боюсь возмездія. Богъ требуетъ отъ насъ терпѣнія, великодушія, самопожертвованія, а я вотъ отказываюсь терпѣть и хочу устроить жизнь на свой ладъ. Хорошо ли это? А вдругъ это съ точки зрѣнія Бога не хорошо? Въ два часа ночи мужъ вошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вы не посмѣете уйти. Я вытребую васъ со скандаломъ черезъ полицію». А немного погодя, гляжу, онъ опять въ дверяхъ, какъ тѣнь. «Попадите меня. Ваше бѣгство можетъ повредить мнѣ по службѣ». Эти слова подействовали на меня грубо, я точно заржавѣла отъ нихъ, подумала, что это уже начинается возмездіе, и стала дрожать отъ страха и плакать. Мнѣ казалось, что на меня обвалится потолокъ, что меня сейчасъ поведутъ въ полицію, что вы меня разлюбите, — однимъ словомъ, Богъ знаетъ что! Уйду, думаю, въ монастырь или куда-нибудь въ сидѣлки, откажусь отъ счастья, но тутъ вспоминаю, что вы меня любите и что я не въ правѣ распоряжаться собой безъ вашего вѣдома, и все у меня въ головѣ начинается путаться, и я въ отчаяніи, не знаю, что думать и дѣлать. Но взошло солнышко, и я опять повеселѣла. Дождалась утра и прикатила къ вамъ. Ахъ, какъ замучилась, милый мой! Подъ рядъ двѣ ночи не спала!

Она была утомлена и возбуждена. Ей хотѣлось въ одно и то же время и спать, и безъ конца говорить, и смѣяться, и плакать, и ѣхать въ ресторанъ завтракать, чтобы почувствовать себя на свободѣ.

— У тебя уютная квартира, но боюсь, для двоихъ она будетъ мала, — говорила она послѣ кофе, быстро обходя всѣ комнаты. — Какую ты дашь мнѣ комнату? Мнѣ правится вотъ эта, потому что она рядомъ съ твоимъ кабинетомъ.

Во второмъ часу она переодѣлась въ комнату рядомъ съ кабинетомъ, которую стала послѣ этого называть своею, и уѣхала съ Орловымъ завтракать. Обѣдали они тоже

въ ресторанахъ, а въ длинный промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ ѣздили по магазинамъ. Я до поздняго вечера отворялъ приказчикамъ и посыльнымъ изъ магазиновъ и принималъ отъ нихъ разныя покупки. Привезли, между прочимъ, великолѣпное трюмо, туалетъ, кровать и роскошный чайный сервизъ, который былъ намъ не нуженъ. Привезли цѣлое семейство мѣдныхъ кастрюлей, которыя мы поставили рядкомъ на полкѣ въ нашей пустой холодной кухнѣ. Когда мы разворачивали чайный сервизъ, то у Поли разгорѣлись глаза, и она раза три взглянула на меня съ ненавистью и со страхомъ, что, быть-можетъ, не она, а я первый украду одну изъ этихъ граціозныхъ чашечекъ. Привезли дамскій письменный столъ, очень дорогой, но неудобный. Очевидно, Зинаида Федоровна имѣла намѣреніе засѣсть у насъ крѣпко, по-хозяйски.

Вернулась она съ Орловымъ часу въ десятомъ. Полная горделиваго сознанія, что ею совершено что-то смѣлое и необыкновенное, страстно любящая и, какъ казалось ей, страстно любимая, томная, предвкушающая крѣпкій и счастливый сонъ, Зинаида Федоровна утѣшалась новою жизнью. Отъ избытка счастья она крѣпко сжимала себѣ руки, увѣряла, что все прекрасно, и клялась, что будетъ любить вѣчно, и эти клятвы и наивная, почти дѣтская увѣренность, что ее тоже крѣпко любятъ и будутъ любить вѣчно, молодили ее лѣтъ на пять. Она говорила милый вздоръ и смѣялась надъ собой.

— Нѣтъ выше блага, какъ свобода!—говорила она, заставляя себя сказать что-нибудь серьезное и значительное. — Вѣдь какая, подумаешь, нелѣпость! Мы не даемъ никакой цѣны своему собственному мнѣнію, даже если оно умно, но дрожимъ передъ мнѣніемъ разныхъ глупцовъ. Я боялась чужого мнѣнія до послѣдней минуты, но какъ только послушалась самой себя и рѣшила жить по-своему, глаза у меня открылись, я побѣдила свой глупый страхъ и теперь счастлива и всѣмъ желаю такого счастья.

Но тотчасъ же порядокъ мыслей у нея обрывался, и она говорила о новой квартирѣ, объ обояхъ, лошадяхъ, о путешествіи въ Швейцарію и Италію. Орловъ же былъ утомленъ поѣздкой по ресторанамъ и магазинамъ и продолжалъ испытывать то смущеніе передъ самимъ собой, какое я замѣтилъ у него утромъ. Онъ улыбался, но больше

изъ вѣжливости, чѣмъ отъ удовольствія, и когда она говорила о чемъ-нибудь серьезно, то онъ иронически соглашался: «О, да!»

— Степанъ, найдите поскорѣе хорошаго повара,—обратилась она ко мнѣ.

— Не слѣдуетъ торопиться съ кухней,—сказалъ Орловъ, холодно поглядѣвъ на меня. — Надо сначала перебраться на новую квартиру.

Онъ никогда не держалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому что, какъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и меня и Полю терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости... Такъ-называемый семейный очагъ съ его необыкновенными радостями и дразгами оскорблялъ его вкусы, какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ—это дурной тонъ, мѣшанство. И для меня теперь представлялось крайне любопытнымъ, какъ уживутся въ одной квартирѣ эти два существа, — она домовитая и хозяйственная, со своими мѣдными кастрюлями и съ мечтами о хорошемъ поварѣ и лошадяхъ, и онъ, часто говорившій своимъ пріятелямъ, что въ квартирѣ порядочнаго, чистошотнаго человѣка, какъ на военномъ кораблѣ, не должно быть ничего лишняго—ни женщинъ, ни дѣтей, ни тряпокъ, ни кухонной посуды...

V.

Загѣмъ я расскажу вамъ, что происходило въ ближайшій четвергъ. Въ этотъ день Орловъ и Зинаида Ѳедоровна обѣдали у Гонтана или Дюна. Вернулся домой только одинъ Орловъ, а Зинаида Ѳедоровна уѣхала, какъ я узналъ потомъ, на Петербургскую сторону къ своей старой гувернанткѣ, чтобы переждать у нея время, пока у насъ будутъ гости. Орлову не хотѣлось показывать ее своимъ пріятелямъ. Это понялъ я утромъ за кофе, когда онъ сталъ увѣрять ее, что ради ея спокойствія необходимо отмѣнить четвергъ.

Гости, какъ обыкновенно, прибыли почти въ одно время.

— И барыня дома? — спросилъ у меня шопетомъ Кукушкинъ.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Онъ вошелъ съ хитрыми, масляными глазами, таинственно улыбаясь и потирая съ мороза руки.

— Честь имѣю поздравить, — сказали онъ Орлову, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ льстиваго, угодливаго смѣха. — Желаю вамъ плодиться и размножаться, аки кедры ливанскіе.

Гости отравились въ спальню и поострили тамъ насчетъ женскихъ туфель, ковра между обѣими постелями и сѣрой блузы, которая висѣла на спинкѣ кровати. Имъ было весело оттого, что упрямецъ, презиравшій въ любви все обыкновенное, попался вдругъ въ женскія сѣти такъ просто и обыкновенно.

— Чему посмѣяхомся, тому же и послужиша, — нѣсколько разъ повторилъ Кукушкинъ, имѣвшій, кстати сказать, непріятную претензію щеголять церковно-славянскими текстами. — Тише! — зашепталъ онъ, поднося палецъ къ губамъ, когда изъ спальни перешли въ комнату рядомъ съ кабинетомъ. — Тссс! Здѣсь Маргарита мечтаетъ о своемъ Фаустѣ.

И покотился со смѣху, какъ будто сказалъ что-то ужасно смѣшное. Я вглядывался въ Грузина, ожидая, что его музыкальная душа не выдержитъ этого смѣха, но я ошибся. Его доброе, художавое лицо сіяло отъ удовольствія. Когда сѣдлись играть въ карты, онъ, картавя и захлебываясь отъ смѣха, говорилъ, что Джоржинкѣ для полноты семейнаго счастья остается теперь только завести черешневый чубукъ и гитару. Пекарскій солидно посмѣивался, но по его сосредоточенному выраженію видно было, что новая любовная исторія Орлова была ему непріятна. Онъ не понималъ, что собственно произошло.

— Но какъ же мужъ? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, когда уже сыграли три ровера.

— Не знаю, — отвѣтилъ Орловъ.

Пекарскій расчесалъ пальцами свою большую бороду и задумался, и молчалъ потомъ до самаго ужина. Когда сѣли ужинать, онъ сказалъ медленно, растягивая каждое слово:

— Вообще, извини, я васъ обоихъ не понимаю. Вы могли влюбляться другъ въ друга и нарушать седьмую заповѣдь, сколько угодно, — это я понимаю. Да, это мнѣ понятно. Но зачѣмъ посвящать въ свои тайны мужа? Развѣ это нужно?

— А развѣ это не все равно?

— Гм... — задумался Пекарскій. — Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ мой любезный, — продолжалъ онъ съ види-

мымъ напряженіемъ мысли: — если я когда-нибудь женюсь во второй разъ и тебѣ вздумается наставить мнѣ рога, то дѣлай это такъ, чтобы я не замѣтилъ. Гораздо честнѣе обманывать человѣка, чѣмъ портить ему порядокъ жизни и репутацію. Я понимаю. Вы оба думаете, что, живя открыто, вы поступаете необыкновенно честно и либерально, но съ этимъ... какъ это называется?.. съ этимъ романтизмомъ согласиться я не могу.

Орловъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ не въ духѣ и ему не хотѣлось говорить. Пекарскій, продолжая недоумѣвать, постучалъ пальцами по столу, подумалъ и сказалъ:

— Я все-таки васъ обоихъ не понимаю. Ты не студентъ и она не дивейка. Оба вы люди со средствами. Полагаю, ты могъ бы устроить для нея отдѣльную квартиру.

— Нѣтъ, не могъ бы. Почитай-ка Тургенева.

— Зачѣмъ мнѣ его читать? Я уже читалъ.

— Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ учитъ, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая дѣвица уходила съ любимымъ мужчиною на край свѣта и служила бы его идеѣ, — сказалъ Орловъ, проницески щуря глаза. — Край свѣта — это *licentia poetica*; весь свѣтъ со всѣми своими краями помѣщается въ квартирѣ любимого мужчины. Поэтому не жить съ женщиной, которая тебя любитъ, въ одной квартирѣ — значитъ отказывать ей въ ея высококомъ назначеніи и не раздѣлять ея идеаловъ. Да, душа моя, Тургеневъ писалъ, а я вотъ теперь за него калну расхлебывай.

— При чемъ тутъ Тургеневъ, не понимаю, — сказалъ тихо Грузинъ и пожалъ плечами. — А помните, Жоржинька, какъ онъ въ *Трехъ встрѣчахъ* идетъ поздно вечеромъ гдѣ-то въ Италиіи и вдругъ слышитъ: *Vieni pensando a me segretamente!* — заиѣлъ Грузинъ. — Хорошо!

— Но вѣдь она не насильно къ тебѣ переѣхала, — сказала Пекарскій. — Ты самъ этого захотѣлъ.

— Ну, вотъ еще! Я не только не хотѣлъ, но даже не могъ думать, что это когда-нибудь случится. Когда она говорила, что переѣдетъ ко мнѣ, то я думалъ, что она мило шутить.

Всѣ засмѣялись.

— Я не могъ хотѣть этого, — продолжалъ Орловъ такимъ тономъ, какъ будто его вынуждали оправдываться. — Я не тургеневскій герой и если мнѣ когда-нибудь понадобится

освободить Болгарію, то я не понуждаюсь въ дамскомъ обществѣ. На любовь я прежде всего смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ разсужденіемъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ плюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, если заранѣе не увѣренъ, что она будетъ красива, увлекательна; и самъ я не поѣду къ ней, если я не въ ударѣ. И лишь при такихъ условіяхъ намъ удастся обмануть другъ друга и намъ кажется, что мы любимъ и что мы счастливы. Но могу ли я хотѣть мѣдныхъ кастрюлей и нечесанной головы, или чтобы меня видѣли, когда я не умытъ и не въ духѣ? Зинаида Федоровна въ простотѣ сердца хочетъ заставить меня полюбить то, отъ чего я прятался всю свою жизнь. Она хочетъ, чтобы у меня въ квартирѣ пахло кухней и судомойками; ей нужно съ шумомъ перебираться на новую квартиру, разъѣзжать на своихъ лошадяхъ, ей нужно считать мое бѣлье и заботиться о моемъ здоровьѣ; ей нужно каждую минуту вмѣшиваться въ мою личную жизнь и слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, и въ то же время искренно увѣрять, что мои привычки и свобода останутся при мнѣ. Она убѣждена, что мы, какъ молодожены, въ самомъ скоромъ времени совершимъ путешествіе, то-есть она хочетъ неотлучно находиться при мнѣ и въ купѣ, и въ отеляхъ, а между тѣмъ, въ дорогѣ я люблю читать и терпѣть не могу разговаривать.

— А ты слѣлай ей внушеніе,—сказалъ Пекарскій.

— Какъ? Ты думаешь, она пойметъ меня? Помилуй, мы мыслимъ такъ различно! По ея мнѣнію, уйти отъ папалли и мамы или отъ мужа къ любимому мужчине—это верхъ гражданскаго мужества, а по-моему это — ребячество. Полюбить, сойтись съ мужчиной—это значить начать новую жизнь, а по-моему это ничего не значить. Любовь и мужчина составляютъ главную суть ея жизни и, быть-можетъ, въ этомъ отношеніи работаетъ въ ней философія безсознательнаго; изволь-ка убѣдить ее, что любовь есть только простая потребность, какъ пища и одежда, что міръ все не погибаетъ отъ того, что мужа и жены плохи, что

можно быть развратникомъ, обольстителемъ и въ то же время гениальнымъ и благороднымъ человекомъ, и съ другой стороны—можно отказываться отъ наслажденій любви и въ то же время быть глухимъ, злымъ животнымъ. Современный культурный человекъ, стоящій даже внизу, напримеръ, французскій рабочий, тратитъ въ день на обѣдъ 10 су, на вино къ обѣду 5 су и на женщину отъ 5 до 10 су, а свой умъ и нервы онъ цѣликомъ отдаетъ работѣ. Зинаида же Федоровна отдаетъ любви не су, а всю свою душу. Я, пожалуй, сдѣлаю ей внушеніе, а она въ отвѣтъ искренно заявитъ, что я погубилъ ее, что у нея въ жизни ничего больше не осталось.

— Ты ей ничего не говори, — сказалъ Пекарскій: — а просто найми для нея отдѣльную квартиру. Вотъ и все.

— Это легко говорить...

Немного помолчали.

— Но она мила, — сказалъ Кукушкинъ. — Она прелестна. Такія женщины воображаютъ, что будутъ любить вѣчно, и отдаются съ пафосомъ.

— Но надо имѣть голову на плечахъ, — сказалъ Орловъ: — надо разсуждать. Всѣ опыты, извѣстные намъ изъ повседневной жизни и занесенные на скрижали безчисленныхъ романовъ и драмъ, единогласно подтверждаютъ, что всякіе адюльтеры и сожигательства у порядочныхъ людей, какова бы ни была любовь вначалѣ, не продолжаются дольше двухъ, а много—трехъ лѣтъ. Это она должна знать. А потому всѣ эти переѣзды, кастрюли и надежды на вѣчную любовь и согласіе — ничего больше, какъ желаніе одурачить себя и меня. Она и мила, и прелестна, — кто спорить? Но она перевернула телѣгу моей жизни: то, что до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса, я служу идолу, котораго никогда не считалъ Богомъ. Она и мила, и прелестна, но почему-то теперь, когда я ѣду со службы домой, у меня бываетъ нехорошо на душѣ, какъ будто я жду, что встрѣчу у себя дома какое-то неудобство, въ родѣ печниковъ, которые разобрали всѣ печи и навалили горы кирпича. Однимъ словомъ, за любовь я отдаю уже не су, а часть своего покоя и своихъ нервовъ. А это скверно.

— И она не слышитъ этого злодѣя! — вздохнулъ Кукушкинъ. — Милостивый государь, — сказалъ онъ театрално: —

и освобождѣ васъ отъ тяжелой обязанности любить это прелестное созданіе! Я отобью у васъ Зинаиду Федоровну!

— Можете...—сказалъ небрежно Орловъ.

Съ полминуты Кукушкинъ смѣялся тонкимъ голоскомъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, потомъ проговорилъ:

— Смотрите, я не шучу! Не извольте потомъ разыгрывать Отелло!

Всѣ стали говорить о неумоимости Кукушкина въ любовныхъ дѣлахъ, какъ онъ неотразимъ для женщинъ и опасенъ для мужей и какъ на томъ свѣтѣ черти будутъ поджаривать его на угольяхъ за безпугную жизнь. Онъ молчалъ и щурилъ глаза и, когда называли знакомыхъ дамъ, грозилъ мизинцемъ—нельзя-де выдавать чужихъ тайнъ. Орловъ вдругъ посмотрѣлъ на часы.

Гости поняли и стали собираться. Помню, Грузинъ, охмѣлѣвшій отъ вина, одѣвался на этотъ разъ томительно долго. Онъ надѣлъ свое пальто, похожее на тѣ капоты, какіе шьютъ дѣтямъ въ небогатыхъ семьяхъ, поднялъ воротникъ и сталъ что-то длинно рассказывать; потомъ, видя, что его не слушаютъ, перекинулъ черезъ плечо свой пледъ, отъ котораго пахло дѣтской, и съ виноватымъ, умоляющимъ лицомъ попросилъ меня отыскать его шапку.

— Жоржинька, ангелъ мой!—сказалъ онъ нѣжно.—Голубчикъ, послушайте меня, поѣдемте сейчасъ за городъ!

— Поѣзжайте, а мнѣ нельзя. Я теперь на женатомъ положеніи.

— Она славная, не разсердится. Начальникъ добрый мой, поѣдемъ! Погода великолѣпная, метелица, морозикъ... Честное слово, вамъ встряхнуться надо, а то вы не въ духѣ; чортъ васъ знаетъ...

Орловъ потянулся, зѣвнулъ и посмотрѣлъ на Пекарскаго.

— Ты поѣдешь?—спросилъ онъ въ раздумьи.

— Не знаю. Пожалуй.

— Развѣ напиться, а? Ну, ладно, поѣду,—рѣшилъ Орловъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Погодите, схожу за деньгами.

Онъ пошелъ въ кабинетъ, а за нимъ поплелся Грузинъ, волоча за собою пледъ. Черезъ минуту оба вернулись въ переднюю. Пьяненькій и очень довольный Грузинъ комкалъ въ рукѣ десятирублевую бумажку.

— Завтра сочтемся,—говорилъ онъ.—А она добрая, не разсердится... Она у меня Лизочку крестила, я люблю ее,

бѣдную. Ахъ, милый человѣкъ!—радостно засмѣялся онъ вдругъ и припалъ лбомъ къ спицѣ Пекарскаго.—Ахъ, Пекарскій, душа моя! Адвокатиссимусъ, сухарь сухаремъ, а женщинъ небось любить...

— Прибавьте толстыхъ, — сказала Орловъ, надѣвая шубу. — Однако, поѣдьте, а то, гляди, на порогѣ встрѣтятся.

Vieni pensando a me segretamente!—запѣлъ Грузинъ.

Наконецъ, уѣхали. Орловъ дома не ночевалъ и вернулся на другой день къ обѣду.

VI.

У Зинаиды Ѳедоровны пропали золотые часики, подаренные ей когда-то отцомъ. Эта пропажа удивила и испугала ее. Полдня она ходила по всѣмъ комнатамъ, растерянно оглядывая столы и окна, но часы какъ въ воду канули.

Вскорѣ послѣ этого, дня черезъ три, Зинаида Ѳедоровна, вернувшись откуда-то, забыла въ передней свой кошелекъ. Къ счастью для меня, въ этотъ разъ не я помогалъ ей раздѣваться, а Поля. Когда хватились кошелька, то въ передней его уже не оказалось.

— Странно! — недоумѣвала Зинаида Ѳедоровна. — Я отлично помню, вынула его изъ кармана, чтобъ заплатить извозчику... и потомъ положила здѣсь около зеркала. Чудеса!

Я не кралъ, но мною овладѣло такое чувство, какъ будто я укралъ и меня поймали. У меня даже слезы выступили. Когда сядились обѣдать, Зинаида Ѳедоровна сказала Орлову по-французски:

— У насъ завелись духи. Я сегодня потеряла въ передней кошелекъ, а сейчасъ, гляжу, онъ лежитъ у меня на столѣ. Но духи не безкорыстно устроили такой фокусъ. Взяли себѣ за работу золотую монету и двадцать рублей.

— То у васъ часы пропадаютъ, то деньги... — сказалъ Орловъ. — Отчего со мною никогда не бываетъ ничего подобнаго?

Черезъ минуту Зинаида Ѳедоровна уже не помнила про фокусъ, который устроили духи, и со смѣхомъ разсказывала, какъ она на прошлой недѣлѣ заказала себѣ почтовой бумаги, но забыла сообщить свой новый адресъ и магазинъ послалъ бумагу на старую квартиру къ мужу, который дол-

жень былъ заплатить по счету двѣнадцать рублей. И вдругъ она остановила свой взглядъ на Полѣ и пристально посмотрѣла на нее. При этомъ она покраснѣла и смутилась до такой степени, что заговорила о чемъ-то другомъ.

Когда я принесъ въ кабинетъ кофе, Орловъ стоялъ около камина спиной къ огню, а она сидѣла въ креслѣ противъ него.

— Я вовсе не въ дурномъ настроеніи, — говорила она по-французски. — Но я теперь стала соображать и мнѣ все понятно. Я могу назвать вамъ день и даже часъ, когда она украла у меня часы. А кошелекъ? Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. О! — засмѣялась она, принимая отъ меня кофе. — Теперь я понимаю, отчего я такъ часто теряю свои платки и перчатки. Какъ хочешь, завтра я отпущу эту сороку на волю и пошлю Степана за своею Софьей. Та не воровка и у нея не такой... отталкивающей видъ.

— Вы не въ духѣ. Завтра вы будете въ другомъ настроеніи и поймете, что нельзя гнать человѣка только потому, что вы подозрѣваете его въ чемъ-то.

— Я не подозрѣваю, а увѣрена, — сказала Зинаида Федоровна. — Пока я подозрѣвала этого пролетарія съ несчастнымъ лицомъ, вашего лакея, я ни слова не говорила. Обидно, Жоржъ, что вы мнѣ не вѣрите.

— Если мы съ вами различно думаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, то это не значитъ, что я вамъ не вѣрю. Пусть вы правы, — сказалъ Орловъ, оборачиваясь къ огню и бросая туда папиросу: — но волноваться все-таки не слѣдуетъ. Вообще, признаться, я не ожидалъ, что мое маленькое хозяйство будетъ причинять вамъ столько серьезныхъ заботъ и волненій. Пропала золотая монета, ну, и Богъ съ ней, возьмите у меня ихъ хоть сотню, но мѣнять порядокъ, брать съ улицы новую горничную, ждать, когда она привыкнетъ, — все это длинно, скучно и не въ моемъ характерѣ. Теперешняя наша горничная, правда, толста и, быть-можетъ, имѣетъ слабость къ перчаткамъ и платкамъ, но зато она вполне прилична, дисциплинирована и не визжитъ, когда ее щиплетъ Кукушкинъ.

— Однимъ словомъ, вы не можете съ ней разстаться... Такъ и скажите.

— Вы ревнуете?

— Да, я ревную! — сказала рѣшительно Зинаида Ѳедоровна.

— Благодарю.

— Да, я ревную! — повторила она, и на глазахъ у нея заблестѣли слезы. — Нѣтъ, это не ревность, а что-то хуже... я затрудняюсь назвать. — Она взяла себя за виски и продолжала съ увлеченіемъ: — Вы, мужчины, бываете такъ гадки! Это ужасно!

— Ничего я не вижу тутъ ужаснаго.

— Я не видѣла, не знаю, но говорятъ, что вы, мужчины, еще въ дѣтствѣ начинаете съ горничными и потомъ уже по привычкѣ не чувствуете никакого отвращенія. Я не знаю, не знаю, но я даже читала... Жоржъ, ты, конечно, правъ, — сказала она, подходя къ Орлову и мѣняя свой тонъ на ласковый и умоляющій: — въ самомъ дѣлѣ, я сегодня не въ духѣ. Но ты пойми, я не могу иначе. Она мнѣ противна и я боюсь ея. Мнѣ тяжело ее видѣть.

— Неужели нельзя быть выше этихъ мелочей? — сказалъ Орловъ, пожимая въ недоумѣніи плечами и отходя отъ камина. — Вѣдь нѣтъ ничего проще: не замѣчайте ея, и она же будетъ противна и не понадобится вамъ изъ пустяка дѣлать цѣлую драму.

Я вышелъ изъ кабинета и не знаю, какой отвѣтъ получилъ Орловъ. Какъ бы то ни было, Поля осталась у насъ. Послѣ этого Зинаида Ѳедоровна ни за чѣмъ уже не обращалась къ ней и, видимо, старалась обходиться безъ ея услугъ; когда Поля подавала ей что-нибудь или даже только проходила мимо, звеня своимъ браслетомъ и треща юбками, то она вздрагивала.

Я думаю, что если бы Грузинъ или Пекарскій попросили Орлова расчитать Полю, то онъ сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія, не утруждая себя никакими объясненіями; онъ былъ стоворчивъ, какъ всѣ равнодушные люди. Но въ отношеніяхъ своихъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ онъ почему-то даже въ мелочахъ проявлялъ упрямство, доходившее подчасъ до самодурства. Такъ ужъ я и зналъ: если что понравилось Зинаидѣ Ѳедоровнѣ, то навѣрное не понравится ему. Когда она, вернувшись изъ магазина, спѣшила похвалиться передъ нимъ обновками, то онъ мелькомъ взглядывалъ на нихъ и холодно говорилъ, что чѣмъ больше въ квартирѣ лишнихъ вещей, тѣмъ меньше воздуха.

Случалось, уже надѣвши фракъ, чтобы идти куда-нибудь, и уже простившись съ Зинаидою Ѳедоровной, онъ вдругъ изъ упрямства оставался дома. Мнѣ казалось тогда, что онъ оставался дома для того только, чтобы чувствовать себя несчастнымъ.

— Почему же вы остались? — говорила Зинаида Ѳедоровна съ напускною досадою и въ то же время сіяя отъ удовольствія. — Почему? Вы привыкли по вечерамъ не сидѣть дома, и я не хочу, чтобы вы ради меня измѣняли вашимъ привычкамъ. Побъжайте, пожалуйста, если не хотите, чтобы я чувствовала себя виноватою.

— А развѣ васъ винить кто-нибудь? — говорилъ Орловъ.

Съ видомъ жертвы, онъ разваливался у себя въ кабинетѣ въ креслѣ и, заслонивъ глаза рукой, брался за книгу. Но скоро книга валилась изъ рукъ, онъ грузно поворачивался въ креслѣ и опять заслонялъ глаза, какъ отъ солнца. Теперь ужъ ему было досадно, что онъ не ушелъ.

— Можно войти? — говорила Зинаида Ѳедоровна, нерѣшительно входя въ кабинетъ. — Вы читаете? А я соскучилась и пришла на одну минутку... взглянуть.

Помню, въ одинъ изъ вечеровъ она вошла такъ же вотъ нерѣшительно и не кстати и опустилась на коверъ у ногъ Орлова, и по ея робкимъ, мягкимъ движеніямъ видно было, что она не понимала его настроенія и боялась.

— А вы все читаете... — начала она вкрадчиво, видимо, желая польстить ему. — Знаете, Жоржъ, въ чемъ еще тайна вашего успѣха? Вы очень образованы и умны. Это у васъ какая книга?

Орловъ отвѣтилъ. Прошло въ молчаніи нѣсколько минутъ, показавшихся мнѣ очень длинными. Я стоялъ въ гостиной, откуда наблюдалъ обонхъ, и боялся закашлять.

— Я хотѣла что-то сказать вамъ... — проговорила тихо Зинаида Ѳедоровна и засмѣялась. — Сказать? Вы, пожалуй, станете смѣяться и назовете это самообольщеніемъ. Видите ли, мнѣ ужасно, ужасно хочется думать, что вы сегодня остались дома ради меня... чтобы этотъ вечеръ провести вмѣстѣ. Да? Можно такъ думать?

— Думайте, — сказалъ Орловъ, заслоняя глаза. — Истинно счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ не только о томъ, что есть, но даже о томъ, чего нѣтъ.

— Вы сказали что-то длинное, я не совсѣмъ поняла.

То-есть вы хотите сказать, что счастливые люди живут воображеніемъ? Да, это правда. Я люблю по вечерамъ сидѣть въ вашемъ кабинетѣ и уноситься мыслями далеко, далеко... Приятно бываетъ помечтать. Давайге, Жоржъ, мечтать вслухъ!

— Я въ институтѣ не былъ, не проходилъ этой науки.

— Вы не въ духѣ?—спросила Зинаида Ѳедоровна, беря Орлова за руку.—Скажите—отчего? Когда вы бываете такой, я боюсь. Не поймешь, голова у васъ болитъ или вы сердитесь на меня...

Прошло въ молчаніи еще нѣсколько длинныхъ минутъ.

— Отчего вы перемѣнились?—сказала она тихо.—Отчего вы не бывали уже такъ нѣжны и веселы, какъ на Знаменской? Прожила я у васъ почти мѣсяць, но мнѣ кажется, мы еще не начинали жить и ни о чемъ еще не говорили, какъ слѣдуетъ. Вы всякій разъ отвѣчаете мнѣ шуточками или холодно и длинно, какъ учитель. И въ шуточкахъ вашихъ что-то холодное... Отчего вы перестали говорить со мной серьезно?

— Я всегда говорю серьезно.

— Ну, вотъ давайте говорить. Ради Бога, Жоржъ... Давайте?

— Давайте. Но о чемъ?

— Будемъ говорить о нашей жизни, о будущемъ...—сказала мечтательно Зинаида Ѳедоровна.—Я все строю планы жизни, все строю—и мнѣ такъ хорошо! Жоржъ, я начну съ вопроса: когда вы оставите вашу службу?..

— Это зачѣмъ же?—спросилъ Орловъ, отнимая руку отъ лба.

— Съ вашими взглядами нельзя служить. Вы тамъ не на мѣстѣ.

— Мои взгляды?—спросилъ Орловъ.—Мои взгляды? По убѣжденіямъ и по натурѣ я обыкновенный чиновникъ, щедринскій герой. Вы принимаете меня за кого-то другого, смѣю васъ увѣрить.

— Опять шуточки, Жоржъ!

— Нисколько. Служба не удовлетворяетъ меня, быть-можетъ, но все же для меня она лучше, чѣмъ что-нибудь другое. Тамъ я привыкъ, тамъ люди такіе же, какъ я; тамъ я не лишній во всякомъ случаѣ и чувствую себя сносно.

— Вы ненавидите службу и вамъ она претить.

— Да? Если я подамъ въ отставку, стану мечтать вслухъ, и унесусь въ иной міръ, то, вы думаете, этотъ міръ будетъ мнѣ менѣе ненавистенъ, чѣмъ служба?

— Чтобы противорѣчить мнѣ, вы готовы даже клеветать на себя,—обидѣлась Зинаида Ѳедоровна и встала.—Я жалѣю, что начала этотъ разговоръ.

— Что же вы сердитесь? Вѣдь я не сержусь, что вы не служите. Каждый живетъ, какъ хочетъ.

— Да развѣ вы живете, какъ хотите? Развѣ вы свободны? Писать всю жизнь бумаги, которыя противны вашимъ убѣжденіямъ, — продолжала Зинаида Ѳедоровна, въ отчаяніи всплескивая руками: — подчиняться, поздравлять начальство съ новымъ годомъ, потомъ карты, карты и карты, а, главное, служить порядкамъ, которые не могутъ быть вамъ симпатичны,—нѣтъ, Жоржъ, нѣтъ! Не шутите такъ грубо. Это ужасно. Вы идейный человѣкъ и должны служить только идеѣ.

— Право, вы принимаете меня за кого-то другого, — вздохнулъ Орловъ.

— Скажите просто, что вы не хотите со мной говорить. Я вамъ противна, вотъ и все,—проговорила сквозь слезы Зинаида Ѳедоровна.

— Вотъ что, моя милая,—сказалъ Орловъ наставительно поднимаясь въ креслѣ.—Вы сами изволили замѣтить, человѣкъ я умный и образованный, а ученаго учить — только портить. Всѣ идеи, малыя и великія, которыя вы имѣете въ виду, называя меня идейнымъ человѣкомъ, мнѣ хорошо извѣстны. Стало-быть, если службу и карты я предпочитаю этимъ идеямъ, то, вѣроятно, имѣю на то основаніе. Это разъ. Во-вторыхъ, вы, насколько мнѣ извѣстно, никогда не служили и сужденія свои о государственной службѣ можете черпать только изъ анекдотовъ и плохихъ повѣстей. Поэтому намъ не мѣшало бы условиться разъ навсегда; не говорить о томъ, что намъ давно уже извѣстно, или о томъ что не входитъ въ кругъ нашей компетенціи.

— Зачѣмъ вы со мной такъ говорите?—проговорила Зинаида Ѳедоровна, отступая назадъ, какъ бы въ ужасѣ. — Зачѣмъ? Жоржъ, опомнитесь Бога ради!

Голосъ ея дрогнулъ и оборвался; она, повидимому, хотѣла задержать слезы, но вдругъ зарыдала.

— Жоржъ, дорогой мой, я погибаю! — сказала она по-французски, быстро опускаясь передъ Орловымъ и кладя голову ему на колѣни.— Я измучилась, утомилась и не могу больше, не могу... Въ дѣтствѣ ненавистная, развратная ма-чиха, потомъ мужъ, а теперь вы... вы... Вы на мою безумную любовь отвѣчаете ироніей и холодомъ... И эта страшная, наглая горничная!—продолжала она, рыдая.— Да, да, я вижу: я вамъ не жена, не другъ, а женщина, которую вы не уважаете за то, что она стала вашею любовницей... Я убью себя!

Я не ожидалъ, что эти слова и этотъ плачь произведутъ на Орлова такое сильное впечатлѣніе. Онъ покраснѣлъ, безпокойно задвигался въ креслѣ и на лицѣ его вмѣсто ироніи показался тупой, мальчишескій страхъ.

— Дорогая моя, вы меня не поняли, клянусь вамъ, — растерянно забормоталъ онъ, трогая ее за волосы и плечи.— Простите меня, умоляю васъ. Я былъ неправъ я... ненавижу себя.

— Я оскорбляю васъ своими жалобами и нытьемъ... Вы честный, великодушный... рѣдкій человѣкъ, я сознаю это каждую минуту, но меня всѣ дни мучила тоска...

Зинаида Федоровна порывисто обняла Орлова и поцѣловала его въ щеку.

— Только не плачьте, пожалуйста,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уже наплакалась и мнѣ легко.

— Что касается горничной, то завтра же ея не будетъ,—сказалъ онъ, все еще безпокойно двигаясь въ креслѣ.

— Нѣтъ, она должна остаться, Жоржъ! Слышите? Я уже не боюсь ея... Надо быть выше мелочей и не думать глупостей. Вы правы! Вы—рѣдкій... необыкновенный человѣкъ!

Скоро она перестала плакать. Съ невысохшими слезинками на рѣсницахъ, сидя на колѣняхъ у Орлова, она вполголоса рассказывала ему что-то трогательное, похожее на воспоминанія дѣтства и юности, и гладила его рукой по лицу, цѣловала и внимательно разсматривала его руки съ кольцами и брелоки на цѣпочкѣ. Она увлекалась и своимъ разговоромъ, и близостью любимаго человѣка, и оттого, вѣроятно, что недавнія слезы очистили и освѣжили ея душу, голосъ ея звучалъ необыкновенно чисто и искренно. А Орловъ игралъ ея каштановыми волосами и цѣловалъ ея руки, беззвучно прикасаясь къ нимъ губами.

Затѣмъ шли въ кабинетъ чай и Зинаида Ѳедоровна читала вслухъ какія-то письма. Въ первомъ часу пошли спать.

Въ эту ночь у меня сильно болѣлъ бокъ, и я до самаго утра не могъ согрѣться и уснуть. Мнѣ слышно было, какъ Орловъ прошелъ изъ спальни къ себѣ въ кабинетъ. Присидѣвъ тамъ около часа, онъ позвонилъ. Отъ боли и утомленія я забылъ о всѣхъ порядкахъ и приличіяхъ въ свѣтѣ и отправился въ кабинетъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой. Орловъ въ халатѣ и въ шапочкѣ стоялъ въ дверяхъ и ждалъ меня.

— Когда тебя зовутъ, ты долженъ являться одѣтымъ, — сказалъ онъ строго. — Подай другія свѣчи.

Я хотѣлъ извиниться, но вдругъ сильно закашлялся и, чтобы не упасть, ухватился одною рукой за косякъ.

— Вы больны? — спросилъ Орловъ.

Кажется, за все время нашего знакомства это онъ въ первый разъ сказалъ мнѣ вы, Богъ его знаетъ, почему. Вѣроятно, въ нижнемъ бѣльѣ и съ лицомъ, искаженнымъ отъ кашля, я плохо игралъ свою роль и мало походилъ на лакея.

— Если вы больны, то зачѣмъ же вы служите? — сказалъ онъ.

— Чтобы не умереть съ голода, — отвѣтилъ я.

— Какъ все это въ сущности пакостно! — тихо проговорилъ онъ, идя къ своему столу.

Пока я, накинувъ на себя сюртукъ, вставлялъ и зажигалъ новыя свѣчи, онъ сидѣлъ около стола и, протянувъ ноги на кресло, обрѣзывалъ книгу.

Оставилъ я его углубленнымъ въ чтеніе, и книга уже не валилась у него изъ рукъ, какъ вечеромъ.

VII.

Теперь, когда я пишу эти строки, мою руку удерживаетъ воспитанный во мнѣ съ дѣтства страхъ — показаться чувствительнымъ и смѣшнымъ; когда мнѣ хочется ласкать и говорить нѣжности, я не умѣю быть искреннимъ. Вотъ именно отъ этого страха и съ непривычки я никакъ не могу выразить съ полной ясностью, что происходило тогда въ моей душѣ.

Я не былъ влюбленъ въ Зинаиду Ѳедоровну, но въ обыкновенномъ человѣческомъ чувствѣ, какое я питалъ къ ней,

было гораздо больше молодого, свѣжаго и радостнаго, чѣмъ въ любви Орлова.

Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣшникомъ, я съ замираніемъ сердца ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги. Стоять и смотрѣть на нее, когда она шла кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, причемъ она опиралась о мое плечо, потомъ ждать, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣчать ее въ дверяхъ, розовую, холодную, понуренную снѣгомъ, слушать отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика, — если бъ вы знали, какъ все это было для меня важно! Мнѣ хотѣлось влюбиться, имѣть свою семью; хотѣлось, чтобы у моей будущей жены было именно такое лицо, такой голосъ. Я мечталъ и за обѣдомъ, и на улицѣ, когда меня посылали куда-нибудь, и ночью, когда не спалъ. Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя кастрюли, а я подбиралъ все это и бережно дѣлалъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы, и мнѣ грезнились жена, дѣтская, тропинки въ саду, домикъ...

Я зналъ, что если бы я полюбилъ ее, то не посмѣлъ бы рассчитывать на такое чудо, какъ взаимность. Но это соображеніе меня не беспокоило. Въ моемъ скромномъ, тихомъ чувствѣ, похожемъ на обыкновенную привязанность, не было ни ревности къ Орлову, ни даже зависти, такъ какъ я понималъ, что личное счастье для такого калѣки, какъ я, возможно только въ мечтахъ.

Когда Зинаида Федоровна по ночамъ, поджидая своего Жоржа, неподвижно глядѣла въ книгу, не перелистывая страницъ, или когда вздрагивала и блѣднѣла оттого, что черезъ комнату проходила Поля, я страдалъ вмѣстѣ съ нею и мнѣ приходило въ голову — разрѣзать поскорѣе этотъ тяжелый нарывъ, сдѣлать поскорѣе такъ, чтобы она узнала все то, что говорилось здѣсь въ четвергъ за ужиномъ, но — какъ это сдѣлать? Все чаще и чаще мнѣ приходилось видѣть слезы. Въ первыя недѣли она смѣялась и пѣла свою цѣсенку, даже когда Орлова не было дома, но уже на другой мѣсяць у насъ въ квартирѣ была унылая тишина, нарушаемая только по четвергамъ.

Она льстила Орлову и, чтобы добиться отъ него неискренней улыбки или поцѣлуя, стояла передъ нимъ на колѣняхъ,

ласкалася, какъ собачонка. Проходя мимо зеркала, даже когда у нея на душѣ было очень тяжело, она не могла удержаться, чтобы не взглянуть на себя и не поправить прически. Мнѣ казалось страннымъ, что она все еще продолжала интересоваться нарядами и приходитъ въ восторгъ отъ своихъ покупокъ. Это какъ-то не шло къ ея искренней печали. Она слѣдила за модой и шила себѣ дорогія платья. Для кого и для чего? Мнѣ особенно памятно одно новое платье, которое стоило четыреста рублей. За лишнее, не нужное платье отдавать четыреста рублей, когда наши поденщицы за свой каторжный трудъ получаютъ по двугривенному въ день на своихъ харчахъ, и когда венціанскимъ и брюссельскимъ кружевницамъ платятъ только по полуфранку въ день въ расчетъ, что остальное онѣ добудутъ развратомъ; и мнѣ было странно, что Зинаида Федоровна не знаетъ этого, мнѣ было досадно. Но стоило ей только уйти изъ дому, какъ я все извинялъ, все объяснялъ и ждалъ, когда позвонитъ мнѣ снизу швейцаръ.

Относилась она ко мнѣ, какъ къ лакею, существу низшему. Можно гладить собаку и въ то же время не замѣчать ея; мнѣ приказывали, задавали вопросы, но не замѣчали моего присутствія. Хозяева считали неприличнымъ говорить со мной больше, чѣмъ это принято; если бъ я, прислуживая за обѣдомъ, вмѣшался въ разговоръ или засмѣялся, то меня навѣрное сочли бы сумасшедшимъ и дали бы мнѣ расчетъ. Но все же Зинаида Федоровна благоволила ко мнѣ. Когда она посылала меня куда-нибудь или объясняла, какъ обращаться съ новою лампой, или что-нибудь въ родѣ, то лицо у нея было необыкновенно ясное, доброе и привѣтливое, и глаза смотрѣли мнѣ прямо въ лицо. При этомъ мнѣ всякій разъ казалось, что она съ благодарностью вспоминаетъ; какъ я носилъ ей письма на Знаменскую. Когда она звонила, то Поля, считавшая меня ея фаворитомъ и ненавидѣвшая меня за это, говорила съ язвительною усмѣшкой:

— Иди, тебя *твоя* зоветъ.

Зинаида Федоровна относилась ко мнѣ, какъ къ существу низшему, и не подозрѣвала, что если кто и былъ въ домѣ униженъ, такъ это только она одна. Она не знала, что я, лакей, страдалъ за нее и разъ двадцать на день спрашивалъ себя, что ожидаетъ ее впереди и чѣмъ все это кон-

чится. Дѣла съ каждымъ днемъ замѣтно становились хуже. Послѣ того вечера, когда говорили о службѣ, Орловъ, не любившій слезъ, сталъ видимо бояться и избѣгать разговоръ; когда Зинаида Ѳедоровна начинала спорить или умолять, или собиралась заплакать, то онъ подь благовиднымъ предлогомъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ или вовсе изъ дому. Онъ все рѣже и рѣже ночевалъ дома и еще рѣже обѣдалъ; по четвергамъ онъ уже самъ просилъ своихъ пріятелей, чтобъ они увезли его куда-нибудь. Зинаида Ѳедоровна попрежнему мечтала о своей кухнѣ, о новой квартирѣ и путешествіи за границу, но мечты оставались мечтами. Обѣды приносили изъ ресторана, квартирнаго вопроса Орловъ просилъ не поднимать впредь до возвращенія изъ-за границы, а о путешествіи говорилъ, что нельзя ѣхать раньше, чѣмъ у него отостутъ длинные волосы, такъ какъ таскаться по отелямъ и служить идеѣ нельзя безъ длинныхъ волосъ.

Въ довершеніе всего, къ намъ въ отсутствіе Орлова сталъ навѣдываться по вечерамъ Кукушкинъ. Въ поведеніи его не было ничего особеннаго, но я все никакъ не могъ забыть того разговора, когда онъ собирался отойти у Орлова Зинаиду Ѳедоровну. Его поили чаемъ и краснымъ виномъ, а онъ хихикалъ и, желая сказать пріятное, увѣрялъ, что гражданскій бракъ во всѣхъ отношеніяхъ выше церковнаго и что въ сущности всѣ порядочные люди должны придти теперь къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ и поклониться ей въ ножки.

VIII.

Рождественскія святки прошли скучно, въ смутныхъ ожиданіяхъ чего-то недобраго. Наканунѣ новаго года за утреннимъ кофе Орловъ неожиданно объявилъ, что начальство посылаетъ его съ особыми полномочіями къ сенатору, ревизующему какому-то губернію.

— Не хочется ѣхать, да не придумаешь отговорки! — сказалъ онъ съ досадой. — Надо ѣхать, ничего не подѣлаешь.

Отъ такой новости у Зинаиды Ѳедоровны мгновенно покраснѣли глаза.

— Надолго?—спросила она.

— Дней на пять.

— Я, признаться, рада, что ты ѣдешь, — сказала она,

подумавъ. — Развлечешься. Влюбишься въ кого-нибудь дорогой и потомъ мнѣ расскажешь.

Она при всякомъ удобномъ случаѣ старалась дать понять Орлову, что она его нисколько не стѣсняетъ и что онъ можетъ располагать собою, какъ захочетъ, и эта не хитрая, шитая бѣлыми нитками политика никого не обманывала и только лишній разъ напоминала Орлову, что онъ не свободенъ.

— Я поѣду сегодня вечеромъ, — сказалъ онъ и сталъ читать газеты.

Зипаида Ѳедоровна собиралась проводить его на вокзалъ, но онъ отговорилъ ее, сказавши, что онъ уѣзжаетъ не въ Америку и не на пять лѣтъ, а только всего на пять дней, даже меньше.

Въ восьмомъ часу происходило прощаніе. Онъ обнялъ ее одною рукою и поцѣловалъ въ лобъ и въ губы.

— Будь умницей, не скучай безъ меня, — проговорилъ онъ ласковымъ, сердечнымъ тономъ, который и меня тронулъ. — Храни тебя Создатель.

Она жадно вглядывалась въ его лицо, чтобы покрѣпче запечатлѣть въ памяти дорогія черты, потомъ граціозно обвила его шею руками и положила голову ему на грудь.

— Прости мнѣ наши недоразумѣнія, — сказала она по-французски. — Мужъ и жена не могутъ не ссориться, если любить, а я люблю тебя до сумасшествия. Не забывай... Телеграфируй почаще и подробнѣе.

Орловъ поцѣловалъ ее еще разъ и, не сказавъ ни слова, вышелъ въ смущеніи. Когда уже за дверью щелкнулъ замокъ, онъ остановился на срединѣ лѣстницы въ раздумьи и взглянулъ наверхъ. Мнѣ казалось, что если бы сверху въ это время донесся хоть одинъ звукъ, то онъ вернулся бы. Но было тихо. Онъ поправилъ на себѣ шинель и сталъ нерѣшительно спускаться внизъ.

У подъѣзда давно уже ждали извозчики. Орловъ сѣлъ на одного, я съ двумя чемоданами на другого. Былъ сильный морозъ и на перекресткахъ дымились костры. Отъ быстрой ѣзды холодный вѣтеръ щипалъ мнѣ лицо и руки, захватывало духъ, и я, закрывъ глаза, думалъ: какая она великолѣпная женщина! Какъ она любитъ! Даже ненужныя вещи собираютъ теперь по дворамъ и продаютъ ихъ съ благотворительною цѣлью, и битое стекло

считается хорошимъ товаромъ, но такая драгоценность, такая рѣдкость, какъ любовь изящной, молодой, неглухой и порядочной женщины, пропадаетъ совершенно даромъ. Одинъ старинный социологъ смотрѣлъ на всякую дурную страсть, какъ на силу, которую при умѣнши можно направить къ добру, а у насъ и природная, красивая страсть зарождается и потомъ вымираетъ, какъ безсиліе, никуда не направленная, не понятая или ошошленная. Почему это?

Извозчики неожиданно остановились. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что мы стоимъ на Сергіевской, около большого дома, гдѣ жилъ Пекарскій. Орловъ вышелъ изъ саней и скрылся въ подъѣздѣ. Минуть черезъ пять въ дверяхъ показался лакей Пекарскаго, безъ шапки, и крикнулъ мнѣ, сердясь на морозъ:

— Глухой, что ли? Отпусти извозчиковъ и ступай наверхъ. Зовутъ!

Ничего не понимая, я отправился во второй этажъ. Я и раньше бывалъ въ квартирѣ Пекарскаго, то-есть стоялъ въ передней и смотрѣлъ въ залу, и послѣ сырой, мрачной улицы она всякій разъ поражала меня блескомъ своихъ картинныхъ рамъ, бронзы и дорогой мебели. Теперь въ этомъ блескѣ я увидѣлъ Грузина, Кукушкина и немного погоды Орлова.

— Вотъ что, Степанъ, — сказала онъ, подходя ко мнѣ. — Я проживу здѣсь до пятницы или субботы. Если будутъ письма и телеграммы, то каждый день приноси ихъ сюда. Дома, конечно, скажешь, что я уѣхалъ и велѣлъ кланяться. Ступай съ Богомъ.

Когда я вернулся домой, Зинаида Ѳедоровна лежала въ гостиной на софѣ и ѣла грушу. Горѣла только одна свѣча, вставленная въ канделябру.

— Не опоздали къ поѣзду? — спросила Зинаида Ѳедоровна.

— Никакъ нѣтъ. Приказали кланяться.

Я пошелъ къ себѣ въ лакейскую и тоже легъ. Дѣлать было нечего и читать не хотѣлось. Я не удивлялся и не возмущался, а только напрягалъ мысль, чтобы понять, для чего понадобился этотъ обманъ. Вѣдь такъ только подростки обманываютъ своихъ любовницъ. Неужели онъ, много читающій и разсуждающій человекъ, не могъ придумать чего-нибудь поумнѣе? Признаюсь, я былъ не пло-

хого мнѣнія объ его умѣ. Я думалъ, что если бы ему понадобилось обмануть своего министра или другого сильнаго человѣка, то онъ употребилъ бы на это много энергіи и искусства, тутъ же, чтобы обмануть женщину, стодилось очевидно то, что первое пришло въ голову; удастся обманъ—хорошо, не удастся—бѣда не велика, можно будетъ солгать во второй разъ такъ же просто и скоро, не ломая головы.

Въ полночь, когда въ верхнемъ этажѣ надъ нами, встрѣчая новый годъ, задвигали стульями и прокричали ура, Зинаида Ѳедоровна позвонила мнѣ изъ комнаты, что рядомъ съ кабинетомъ. Она, вялая отъ долгаго лежанья, сидѣла за столомъ и писала что-то на клочкѣ бумаги.

— Нужно отправить телеграмму,—сказала она и улыбнулась.—Поѣзжайте скорѣе на вокзалъ и попросите послать вслѣдъ.

Выйдя затѣмъ на улицу, я прочелъ на ключкѣ: «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Скорѣй телеграфируй, скучаю ужасно. Прошла цѣлая вѣчность. Жалѣю, что нельзя послать по телеграфу тысячу поцѣлуевъ и самое сердце. Будь весель, радость моя. Зина».

Я послалъ эту телеграмму и на другой день утромъ отдалъ росписку.

IX.

Хуже всего, что Орловъ необдуманно посвятилъ въ тайну своего обмана также и Полю, приказавъ ей принести срочки на Сергіевскую. Послѣ этого она со злорадствомъ и съ непостижимою для меня ненавистью смотрѣла на Зинаиду Ѳедоровну и не переставала у себя въ комнатѣ и въ передней фыркать отъ удовольствія.

— Зажилась, пора и честь знать! — говорила она съ восторгомъ.—Самой бы надо понимать.

Она уже нюхомъ чуяла, что Зинаидѣ Ѳедоровнѣ осталось у насъ не долго жить, и, чтобы не упустить времени, тащила все, что попадалось на глаза — флаконы, черепаховыя шпильки, платки, ботинки. На другой день новаго года Зинаида Ѳедоровна позвала меня въ свою комнату и сообщила мнѣ вполголоса, что у нея пропало черное платье. И потомъ ходила по всѣмъ комнатамъ, блѣдная,

съ искуганнымъ и негодующимъ лицомъ и разговаривала сама съ собой:

— Каково? Нѣтъ, каково? Вѣдь это неслыханная дерзость!

За обѣдомъ она хотѣла налить себѣ супу, но не могла, — дрожали руки. И губы у нея дрожали. Она безпомощно поглядывала на супъ и пирожки, ожидая, когда уймется дрожь, и вдругъ не выдержала и посмотрѣла на Полю.

— Вы, Поля, можете выйти отсюда, — сказала она. — Достаточно одного Степана.

— Ничего-съ, постою-съ, — отвѣтила Поля.

— Незачѣмъ вамъ тутъ стоять. Вы уходите отсюда совсѣмъ... совсѣмъ! — продолжала Зинаида Ѳедоровна, вставая въ сильномъ волненіи. — Можете искать себѣ другое мѣсто. Сейчасъ же уходите!

— Безъ приказанія барина я не могу уйти. Они меня нанимали. Какъ они прикажутъ, такъ и будетъ.

— Я тоже приказываю вамъ! Я тутъ хозяйка! — сказала Зинаида Ѳедоровна и вся покраснѣла.

— Можеть, вы и хозяйка, но расчитать меня можеть только баринъ. Они меня нанимали.

— Вы не смѣете оставаться здѣсь ни одной минуты! — крикнула Зинаида Ѳедоровна и ударила ножомъ по тарелкѣ. — Вы воровка! Слышите?

Зинаида Ѳедоровна бросила на столъ салфетку и быстро, съ жалкимъ, страдальческимъ лицомъ, вышла изъ столовой. Поля, громко рыдая и что-то причитывая, тоже вышла. Супъ и рябчикъ остыли. И почему-то теперь вся эта ресторанная роскошь, бывшая на столѣ, показалась мнѣ скудною, воровскою, похожею на Полю. Самый жалкій и преступный видъ имѣли два пирожка на тарелочкѣ. «Сегодня насъ унесутъ обратно въ ресторанъ, — какъ бы говорили они: — а завтра опять подадутъ къ обѣду какому-нибудь чиновнику или знаменитой лѣвницѣ».

— Важная барыня, подумаешь! — доносилось до моего слуха изъ комнаты Поли. — Если бы я захотѣла, давно бы такую же барыней была, да стыдъ есть! Посмотримъ, кто изъ насъ первая уйдетъ! Да!

Позвонила Зинаида Ѳедоровна. Она сидѣла у себя въ комнатѣ, въ углу, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ее посадили въ уголъ въ наказаніе.

— Телеграммы не приносили? — спросила она.

— Никакъ нѣтъ.

— Справьтесь у швейцара, можетъ-быть, есть телеграмма. Да не уходите изъ дому, — сказала она мнѣ вслѣдъ: — мнѣ страшно оставаться одной.

Потомъ мнѣ почти каждый часъ приходилось бѣгать внизъ къ швейцару и спрашивать, нѣтъ ли телеграммы. Что за жуткое время, долженъ признаться! Зинаида Ѳедоровна, чтобы не видѣть Поля, обѣдала и пила чай у себя въ комнатѣ, тутъ же и спала на короткомъ диванѣ, похожемъ на букву Э, и сама убирала за собой постель. Въ первые дни носилъ телеграммы я, но, не получая отвѣта, она перестала вѣрить мнѣ и сама ѣздила на телеграфъ. Глядя на нее, я тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ телеграммы. Я надѣялся, что онъ придумаетъ какую-нибудь ложь, на примѣръ, распорядится, чтобы ей послали телеграмму съ какой-нибудь станціи. Если онъ слишкомъ заигрался въ карты, думалъ я, или успѣлъ уже увлечься другою женщиной, то, конечно, напомнить ему о насъ и Грузинъ, и Кукушкинъ. Но напрасно мы ожидали. Разъ пять на день я входилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ съ тѣмъ, чтобы рассказать ей всю правду, но она глядѣла, какъ коза, плечи у нея были опущены, губы шевелились, и я уходилъ назадъ, не сказавъ ни слова. Состраданіе и жалость отнимали у меня все мужество. Поля, какъ ни въ чемъ не бывало, веселая и довольная, убирала кабинетъ барина, спальню, мылась въ шкапахъ и стучала посудой, а проходя мимо двери Зинаиды Ѳедоровны, напѣвала что-то и кашляла. Ей нравилось, что отъ нея прятались. Вечеромъ она уходила куда-то, а часа въ два или три звонилась, и я долженъ былъ отворять ей и выслушивать замѣчанія насчетъ своего капиля. Тотчасъ же слышался другой звонокъ, я бѣжалъ къ комнатѣ, что рядомъ съ кабинетомъ, и Зинаида Ѳедоровна, просунувъ въ дверь голову, спрашивала: «Кто это звонилъ?» А сама смотрѣла мнѣ на руки — нѣтъ ли въ нихъ телеграммы.

Когда, наконецъ, въ субботу позвонили снизу и на лѣстницѣ послышался знакомый голосъ, она до такой степени обрадовалась, что зарыдала; она бросилась къ нему навстрѣчу, обняла его, цѣловала ему грудь и рукава, говорила что-то такое, чего нельзя было понять. Швейцаръ

внесъ чемоданы, послышался веселый голосъ Поли. Точно кто на каникулы прѣхалъ!

— Отчего ты не телеграфировалъ? — говорила Зинаида Ѳедоровна, тяжело дыша отъ радости. — Отчего? Я измучилась, я едва пережила это время... О, Боже мой!

— Очень просто! Мы съ сепаторомъ въ первый же день поѣхали въ Москву, я не получалъ твоихъ телеграммъ. — сказалъ Орловъ. — Послѣ обѣда я, душа моя, дамъ тебѣ самый подробный отчетъ, а теперь спать, спать и спать... Замялся въ вагонъ.

Видно было, что онъ не спалъ всю ночь: вѣроятно, игралъ въ карты и много пилъ. Зинаида Ѳедоровна уложила его въ постель, и всѣ мы потомъ до самаго вечера ходили на цыпочкахъ. Обѣдъ прошелъ вполне благополучно, но когда ушли въ кабинетъ пить кофе, началось объясненіе. Зинаида Ѳедоровна заговорила о чемъ-то быстро, вполголоса, она говорила по-французски, и рѣчь ея журчала, какъ ручей, потомъ послышался громкій вздохъ Орлова и его голосъ.

— Боже мой! — сказалъ онъ по-французски. — Неужели у васъ нѣтъ новостей повсѣжѣ, чѣмъ эта вѣчная пѣсня о злодѣйкѣ горничной?

— Но, милый, она меня обокрала и наговорила мнѣ дерзостей.

— Но отчего она меня не обкрадываетъ и не говоритъ мнѣ дерзостей? Отчего я никогда не замѣчаю ни горничныхъ, ни дворниковъ, ни лакеевъ? Милая моя, вы просто капризничаете и не хотите имѣть характера... Я даже подозреваю, что вы беременны. Когда я предлагалъ вамъ уволить ее, вы потребовали, чтобы она осталась, а теперь хотите, чтобы я прогналъ ее. А я въ такихъ случаяхъ тоже упрямый человѣкъ: на капризъ я отвѣчаю тоже капризомъ. Вы хотите, чтобы она ушла, ну, а я вотъ хочу, чтобы она осталась. Это единственный способъ излѣчить васъ отъ нервовъ.

— Ну, будетъ, будетъ! — сказала испуганно Зинаида Ѳедоровна. — Перестанемъ говорить объ этомъ... Отложимъ до завтра. Теперь расскажи мнѣ о Москвѣ... Что въ Москвѣ?

X.

На другой день — это было 7-го января, день Иоанна Крестителя — Орловъ послѣ завтрака надѣлъ черный фракъ

и орденъ, чтобы ѣхать къ отцу поздравлять его съ ангеломъ. Нужно было ѣхать къ двумъ часамъ, а когда онъ кончилъ одѣваться, была только половина второго. Какъ употребить эти полчаса? Онъ ходилъ по гостиной и декламировалъ поздравительные стихи, которые читалъ когда-то въ дѣтствѣ отцу и матери. Тутъ же сидѣла Зинаида Федоровна, собравшаяся ѣхать къ портнихѣ или въ магазинъ, и слушала его съ улыбкой. Не знаю, съ чего у нихъ начался разговоръ, но когда я принесъ Орлову перчатки, онъ стоялъ передъ Зинаидою Федоровной и съ капризнымъ, умоляющимъ лицомъ говорилъ ей:

— Ради Бога, ради всего святого, не говорите вы о томъ, что уже извѣстно всѣмъ и каждому. И что за несчастная способность у нашихъ умныхъ, мыслящихъ дамъ говорить съ глубокомысленнымъ видомъ и съ азартомъ о томъ, что давно уже набило оскомину даже гимназистамъ. Ахъ, если бы вы исключили изъ нашей супружеской программы всѣ эти серьезные вопросы! Какъ бы одолжили!

— Мы, женщины, не можемъ смѣть свое сужденіе имѣть.

— Я даю вамъ полную свободу, будьте либеральны и цитируйте какихъ угодно авторовъ, но сдѣлайте мнѣ уступку, не трактуйте въ моемъ присутствіи только о двухъ вещахъ: о зловредности высшаго свѣта и о ненормальностяхъ брака. Поймите же вы, наконецъ. Высшій свѣтъ бранять всегда, чтобы противопоставить его тому свѣту, гдѣ живутъ кушцы, попы, мѣщане и мужики, разные тамъ Сидоры и Никиты. Оба свѣта мнѣ противны, но если бы мнѣ предложили выбирать по совѣсти между тѣмъ и другимъ, то я, не задумываясь, выбралъ бы высшій, и это не было бы ложью и кривляньемъ, такъ какъ всѣ мои вкусы на его стороне. Нашъ свѣтъ и пошлъ, и пусть, но зато мы съ вами хоть порядочно говоримъ по-французски, кое-что почитываемъ и не толкаемъ другъ друга подъ микитки, даже когда сильно ссоримся, а у Сидоровъ, Никитъ и у ихъ степенствъ — потрафляемъ, таперича, чтобъ тебѣ повывлазило, и полная разнузданность кабацкихъ нравовъ и идолопоклонство.

— Мужикъ и купецъ кормятъ васъ.

— Да, ну такъ что же? Это рекомендуетъ съ дурной стороны не меня только, но и ихъ также. Они кормятъ меня и ломаютъ передо мною шапку, значитъ, у нихъ не

хватаетъ ума и честности поступать иначе. Я никого не браню и не хвалю, а только хочу сказать: высшій свѣтъ и низшій—оба лучше. Сердцемъ и умомъ я противъ обоихъ, но вкусы мои на сторонѣ перваго. Ну-съ, что же касается теперь ненормальностей брака,—продолжалъ Орловъ, взглянувъ на часы:—то пора вамъ понять, что никакихъ ненормальностей нѣтъ, а есть пока только неопредѣленные требованія къ браку. Что вы хотите отъ брака? Въ законномъ и незаконномъ сожителствѣ, во всѣхъ союзахъ и сожителствахъ, хорошихъ и дурныхъ, — одна и та же сущность. Вы, дамы, живете только для одной этой сущности, она для васъ все, безъ нея ваше существованіе не имѣло бы для васъ смысла. Вамъ ничего не нужно, кромѣ сущности, вы и берете ее, но съ тѣхъ поръ, какъ вы начитались повѣстей, вамъ стало стыдно брать, и вы мечетесь изъ стороны въ сторону, мѣняете, очертя голову, мужчинъ и, чтобы оправдать эту сумятицу, заговорили о ненормальностяхъ брака. Разъ вы не можете и не хотите устранить сущности, самаго главнаго вашего врага, вашего сатану, разъ вы продолжаете рабски служить ему, то какіе тутъ могутъ быть серьезные разговоры? Все, что вы ни скажете мнѣ, будетъ вздоръ и кривлянье. Не повѣрю я вамъ.

Я пошелъ узнать у швейцара, есть ли извозчикъ, и, когда вернулся, то засталъ уже ссору.* Какъ выражаются моряки, вѣтеръ крѣпчалъ.

— Вы, я вижу, хотите сегодня поразить меня вашимъ цинизмомъ, — говорила Зинаида Федоровна, ходя въ спальномъ волненіи по гостиной.—Мнѣ отвратительно васъ слушать. Я чиста передъ Богомъ и людьми, и мнѣ не въ чемъ раскаиваться. Я ушла отъ мужа къ вамъ и горжусь этимъ. Горжусь, клянусь вамъ моею честью!

— Ну, и прекрасно.

— Если вы честный, порядочный человѣкъ, то вы тоже должны гордиться моимъ поступкомъ. Онъ возвышаетъ меня и васъ надъ тысячами людей, которые хотѣли бы поступить такъ же, какъ я, но не рѣшаются изъ малодушія или мелкихъ разчетовъ. Но вы не порядочны. Вы боитесь свободы и насмѣхаетесь надъ честнымъ порывомъ изъ страха, чтобы какой-нибудь невѣжда не заподозрилъ, что вы честный человѣкъ. Вы боитесь показывать меня своимъ знакомымъ, для васъ нѣтъ выше наказанія, какъ ѣхать вмѣстѣ

со мною по улицѣ... Что? Развѣ это не правда? Почему вы до сихъ поръ не представили меня вашему отцу и вашей кузинѣ? Почему? Нѣтъ, мнѣ это надоѣло, наконецъ!—крикнула Зинаида Федоровна и топнула ногой.—Я требую того, что мнѣ принадлежит по праву. Извольте представить меня вашему отцу!

— Если онъ вамъ нуженъ, то представьтесь ему сами. Онъ принимаетъ ежедневно по утрамъ отъ десяти до половины одиннадцатаго.

— Какъ вы низки! — сказала Зинаида Федоровна, въ отчаяннѣйшій ломая руки.—Если даже вы не искренни и говорите не то, что думаете, то за одну эту жестокость можно возненавидѣть васъ. О, какъ вы низки!

— Мы все ходимъ вокругъ да около и никакъ не договоримся до настоящей сути. Вся суть въ томъ, что вы ошиблись и не хотите въ этомъ сознаться вслухъ. Вы воображали, что я герой и что у меня какіе-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку-то вышло, что я самый заурядный чиновникъ, картежникъ и не имѣю пристрастій ни къ какимъ идеямъ. Я достойный отпрыскъ того самаго гнилого свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенная его пустотой и пошлостью. Сознайтесь же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я.

— Да, я сознаю: я ошиблась!

— Вотъ и прекрасно. До главнаго договорились, слава Богу. Теперь слушайте дальше, если угодно. Возвыситься до васъ я не могу, такъ какъ слишкомъ испорченъ: унизиться до меня вы тоже не можете, такъ какъ высоки слишкомъ. Остается, стало-быть, одно...

— Что?—быстро спросила Зинаида Федоровна, притаивъ дыханіе и ставши вдругъ блѣдною, какъ бумага.

— Остается позвать на помощь логику...

— Георгій, за что вы меня мучаете?—сказала Зинаида Федоровна вдругъ по-русски, надтреснувшимъ голосомъ.— За что? Поймите мои страданія...

Орловъ, испугавшійся слезъ, быстро пошелъ въ кабинетъ и, не зная зачѣмъ,—желалъ ли онъ причинить ей лишнюю боль, или вспомнилъ, что это практикуется въ подобныхъ случаяхъ,—заперъ за собою дверь на ключъ. Она вскрикнула и побѣжала за нимъ вдогонку, шурша платьемъ.

— Это что значить?—спросила она, стучась въ дверь.— Это... это что значить?—повторила она тонкимъ, обрывающимся отъ негодованія голосомъ.—А, вы вотъ какъ? Такъ знайте же, я ненавижу, презираю васъ! Между нами все уже кончено! Все!

Послышался истерическій плачь съ хохотомъ. Въ гостиной что-то небольшое упало со стола и разбилось. Орловъ пробрался изъ кабинета въ переднюю черезъ другую дверь и, трусливо оглядываясь, быстро надѣлъ шинель и цилиндръ и вышелъ.

Прошло полчаса, потомъ часъ, а она все плакала. Я вспомнилъ, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, ни родныхъ, что здѣсь она живетъ между человѣкомъ, который ее ненавидитъ, и Полей, которая ее обкрадываетъ,—и какою безотрадною представилась мнѣ ея жизнь! Я, самъ не знаю зачѣмъ, пошелъ къ ней въ гостиную. Она, слабая, беспомощная, съ прекрасными волосами, казавшаяся мнѣ образцомъ нѣжности и изящества, мучилась какъ больная; она лежала на кушеткѣ, пряча лицо, и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Сударыня, не прикажете ли сходить за докторомъ?—спросилъ я тихо.

— Нѣтъ, не нужно... пустяки, — сказала она и посмотрѣла на меня заплаканными глазами.—У меня немножко голова болитъ... Благодарю.

Я вышелъ. А вечеромъ она писала письмо за письмомъ и посылала меня то къ Пекарскому, то къ Кукушкину, то къ Грузину и, наконецъ, куда мнѣ угодно, лишь бы только я поскорѣе нашелъ Орлова и отдалъ ему письмо. Когда я всякій разъ возвращался обратно съ письмомъ, она бранила меня, умоляла, совала мнѣ въ руки деньги — точно въ горячкѣ. И ночью она не спала, а сидѣла въ гостиной и разговаривала сама съ собой.

На другой день Орловъ вернулся къ обѣду, и они помирились.

Въ первый четвергъ послѣ этого Орловъ жаловался своимъ пріятелямъ на невыносимо тяжелую жизнь; онъ много курилъ и говорилъ съ раздраженіемъ:

— Это не жизнь, а инквизиція. Слезы, вопли, умные разговоры, просьбы о прощеніи, опять слезы и вопли, а въ итогъ—у меня нѣтъ теперь собственной квартиры, я заму-

чился и ее замучить. Неужели придется жить такъ еще мѣсяць или два? Неужели? А вѣдь это возможно!

— А ты съ ней поговори,—сказалъ Пекарскій.

— Пробовалъ, но не могу. Можно смѣло говорить какую угодно правду человѣку самостоятельному, разсуждающему, а вѣдь тутъ имѣешь дѣло съ существомъ, у котораго ни воли, ни характера, ни логики. Я не выношу слезъ, онѣ меня обезоруживаютъ. Когда она плачетъ, то я готовъ клясться въ вѣчной любви и самъ плакать.

Пекарскій не понялъ, почесалъ въ раздумьи своя широкій лобъ и сказалъ:

— Право, нанять бы ты ей отдѣльную квартиру. Вѣдь, это такъ просто!

— Ей нуженъ я, а не квартира. Да что говорить?—вздыхнулъ Орловъ.—Я слышу только безконечные разговоры, но не вижу выхода изъ своего положенія. Вотъ ужъ вонистну безъ вины виновать! Не назывался груздемъ, а полѣзай въ кузовъ. Всю свою жизнь отрекшася отъ роли героя, всегда терпѣть не могъ тургеневскіе романы и вдругъ, словно на смѣхъ, попалъ въ самые настоящіе герои. Увѣряю честнымъ словомъ, что я вовсе не герой, привожу тому неопровержимыя доказательства, но мнѣ не вѣрятъ. Почему не вѣрятъ? Должно-быть, въ самомъ дѣлѣ у меня въ физиономіи есть что-нибудь геройское.

— А вы поѣзжайте ревизовать губерніи, — сказалъ Кукушкинъ со смѣхомъ.

— Да только это и остается.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Орловъ объявилъ, что его опять командируютъ къ сенатору, и въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ со своими чемоданами къ Пекарскому.

XI.

На порогѣ стоялъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ длинной до земли шубѣ и въ бобровой шапкѣ.

— Дома Георгій Ивановичъ?—спросилъ онъ.

Сначала я подумалъ, что это одинъ изъ ростовщиковъ, кредиторовъ Грузина, которые иногда хаживали къ Орлову за мелкими получками, но когда онъ вошелъ въ переднюю и распахнулъ шубу, я увидалъ густыя брови и характерно сжатые губы, которыя я такъ хорошо изучилъ по фото-

графіямъ, и два ряда звѣздъ на форменномъ фракѣ. Я узналъ его: это былъ отецъ Орлова, известный государственный человѣкъ.

Я отвѣтилъ ему, что Георгія Иваныча нѣтъ дома. Старикъ крѣпко сжалъ губы и въ раздумьи поглядѣлъ въ сторону, показывая мнѣ свой сухой, беззубый профиль.

— Я оставляю записку,—сказалъ онъ.—Проводи меня.

Онъ оставилъ въ передней калоши и, не снимая своей длинной, тяжелой шубы, пошелъ въ кабинетъ. Тутъ онъ сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ и, прежде чѣмъ взяться за перо, минуты три думалъ о чемъ-то, загнувъ глаза рукою, какъ отъ солнца,—точь въ точь, какъ это дѣлалъ его сынъ, когда бывалъ не въ духѣ. Лицо у него было грустное, задумчивое, съ выраженіемъ той покорности, какую мнѣ приходилось видѣть на лицахъ только у людей старыхъ и релігіозныхъ. Я стоялъ позади, глядѣлъ на его лысину и на ямку въ затылкѣ, и для меня было ясно, какъ день, что этотъ слабый, больной старикъ теперь въ моихъ рукахъ. Вѣдь во всей квартирѣ, кромѣ меня и моего врага, не было ни души. Стоило бы мнѣ только употребить немножко физической силы, потомъ сорвать часы, чтобы замаскировать цѣли, и уйти чернымъ ходомъ, и я получилъ бы неизмѣримо больше, чѣмъ могъ рассчитывать, когда поступалъ въ лакеи. Я думалъ: едва ли когда представится мнѣ болѣе счастливый случай. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, я совершенно равнодушно поглядывалъ то на лысину, то на мѣхъ и покойно размышлялъ объ отношеніяхъ этого человѣка къ своему единственному сыну и о томъ, что людямъ, избалованнымъ богатствомъ и властью, вѣроятно, не хочется умирать...

— Ты давно служишь у моего сына? — спросилъ онъ, выводя на бумагѣ крупныя буквы.

— Третій мѣсяцъ, ваше высокопревосходительство.

Онъ кончилъ писать и всталъ. У меня еще оставалось время. Я торопилъ себя и сжималъ кулаки, стараясь выдать изъ своей души хотя каплю прежней ненависти; я вспоминалъ, какимъ страстнымъ, упрямымъ и неутомимымъ врагомъ я былъ еще такъ недавно... Но трудно зажечь спичку о рыхлый камень. Старое, грустное лицо и холодный блескъ звѣздъ вызывали во мнѣ только мелкія, деше-

выя и ненужныя мысли о бренности всего земного, о скорой смерти...

— Прощай, братецъ! — сказалъ старикъ, надѣлъ шапку и вышелъ.

Цельзя ужъ было сомнѣваться: во мнѣ произошла перемена, я сталъ другимъ. Чтобы провѣрить себя, я началъ вспоминать, но тотчасъ же мнѣ стало жутко, какъ будто я нечаянно заглянулъ въ темный сырой уголъ. Вспомнилъ я своихъ товарищей и знакомыхъ, и первая мысль моя была о томъ, какъ я теперь покраснѣю и растеряюсь, когда встрѣчу кого-нибудь изъ нихъ. Кто же я теперь такой? О чемъ мнѣ думать и что дѣлать? Куда идти? Для чего я живу?

Ничего я не понималъ и ясно сознавалъ только одно: надо поскорѣе укладывать свой багажъ и уходить. До посѣщенія старика мое лакейство имѣло еще смыслъ, теперь же оно было смѣшно. Слезы капали у меня въ раскрытый чемоданъ, было нестерпимо грустно, но какъ хотѣлось жить! Я готовъ былъ обнять и вмѣстить въ свою короткую жизнь все, доступное человѣку. Мнѣ хотѣлось и говорить, и читать, и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на вахтѣ, и пахать. Меня тянуло и на Невскій, и въ поле, и въ море — всюду, куда хватало мое воображеніе. Когда вернулась Зинаида Федоровна, я бросился отворять ей и съ особенною нѣжностью спялъ съ нею шубу. Въ послѣдній разъ!

Кромѣ старика, въ этотъ день приходило къ намъ еще двое. Вечеромъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, неожиданно пришелъ Грузинъ, чтобы взять для Орлова какія-то бумаги. Онъ открылъ столъ, досталъ нужныя бумаги и, свернувъ ихъ въ трубку, приказалъ мнѣ положить въ передней около его шапки, а самъ пошелъ къ Зинаидѣ Федоровнѣ. Она лежала въ гостиной на софѣ, подложивъ руки подъ голову. Прошло уже пять или шесть дней, какъ Орловъ уѣхалъ на ревизію, и никому не было извѣстно, когда онъ вернется, но она уже не посылала телеграммъ и не ожидала ихъ. Поли, которая все еще жила у насъ, она какъ будто не замѣчала. «Пусть!» — читалъ я на ея безстрастномъ, очень блѣдномъ лицѣ. Ей уже, какъ Орлову, изъ умпрямства хотѣлось быть несчастной; она на зло себѣ и всему на свѣтѣ по цѣлымъ днямъ лежала неподвижно на софѣ,

желая себѣ только одного дурного и ожидая только дурное. Вѣроятно, она воображала себѣ возвращеніе Орлова и неизбежныя ссоры съ нимъ, потомъ его охлажденіе, измѣны, потомъ какъ они разойдутся, и эти мучительныя мысли доставляли ей, быть-можетъ, удовольствіе. Но что бы она сказала, если бы вдругъ узнала настоящую правду?

— Я васъ люблю, кума,—говорилъ Грузинъ, здороваясь и цѣлуя ей руку. — Вы такая добрая! А Жоржинька-то уѣхалъ,—солгалъ онъ.—Уѣхалъ, злодѣй!

Онъ со вздохомъ сѣлъ и нѣжно погладилъ ее по рукѣ.

— Позвольте, голубка, посидѣть у васъ часокъ, — сказалъ онъ.—Домой мнѣ идти не хочется, а къ Биршовымъ еще рано. Сегодня у Биршовыхъ день рожденія ихъ Кати. Славная дѣвочка!

Я подалъ ему стаканъ чаю и графинчикъ съ коньякомъ. Онъ медленно, съ видимою неохотой выпилъ чай и, возвращая мнѣ стаканъ, спросилъ робко:

— А нѣтъ ли у васъ, дружокъ, чего-нибудь закусить? Я еще не обѣдалъ.

У насъ ничего не было. Я сходилъ въ ресторанъ и принесъ ему обыкновенный рублевый обѣдъ.

— За ваше здоровье, голубчикъ!—сказалъ онъ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ и выпилъ рюмку водки.—Моя маленькая, ваша крестница кланяется вамъ. Бѣдняжка, у нея золотушка! Ахъ дѣти, дѣти!—вздѣхнулъ онъ.—Что ни говорите, кума, а пріятно быть отцомъ. Жоржинькѣ непонятно это чувство.

Онъ еще выпилъ. Тошій, блѣдный, съ салфеткой на груди, точно въ передничкѣ, онъ съ жадностью ѣлъ и, поднимая брови, виновато поглядывалъ то на Зиниаду Ѳедоровну, то на меня, какъ мальчикъ. Казалось, что если бы я не далъ ему рябчика или желе, то онъ заплакалъ бы. Утоливъ голодь, онъ повеселѣлъ и сталъ со смѣхомъ рассказывать что-то о семьѣ Биршовыхъ, но, замѣтивъ, что это скучно и что Зинаида Ѳедоровна не смѣется, замолчалъ. И какъ-то вдругъ стало скучно. Послѣ обѣда оба сидѣли въ гостиной при свѣтѣ одной только лампы и молчали: ему тяжело было лгать, а она хотѣла спросить его о чемъ-то, но не рѣшалась. Такъ прошло съ полчаса. Грузинъ поглядѣлъ на часы.

— А пожалуй, что мнѣ и пора.

— Нѣтъ, посидите... Намъ поговорить надо.

Опять помолчали. Онъ сѣлъ за рояль, тронулъ одинъ клавишь, потомъ заигралъ и тихо запѣлъ: «Что день грядущій мнѣ готовитъ?» — но по обыкновенію тотчасъ же всталъ и встряхнулъ головой.

— Сыграйте, кумъ, что-нибудь,—попросила Зинаида Федоровна.

— Что же?—спросилъ онъ, пожавъ плечами.—Я все уже перезабылъ. Давно бросилъ.

Глядя на потолокъ, какъ бы припоминая, онъ съ чудеснымъ выраженіемъ сыгралъ двѣ пьесы Чайковскаго, такъ тепло, такъ умно! Лицо у него было такое, какъ всегда—не умное и не глупое, и мнѣ казалось просто чудомъ, что человѣкъ, котораго я привыкъ видѣть среди самой низменной, нечистой обстановки, былъ способенъ на такой высокій и недостижимый для меня подъемъ чувства, на такую чистоту. Зинаида Федоровна раскраснѣлась и въ волненіи стала ходить по гостиной.

— А вотъ погодите, кума, если вспомню, я сыграю вамъ одну штучку,—сказалъ онъ.—Я слышалъ, какъ ее играли на віолончели.

Сначала робко и подбирая, затѣмъ съ увѣренностью онъ заигралъ *Лебединую пьесу* Сенъ-Санса. Сыгралъ и повторилъ.

— Мило, вѣдь?—сказалъ онъ.

Взволнованная Зинаида Федоровна остановилась около него и спросила:

— Кумъ, скажите мнѣ искренно, по-дружески: чтò вы обо мнѣ думаете?

— Что же сказать?—проговорилъ онъ, поднимая брови.—Я люблю васъ и думаю о васъ одно только хорошее. Если же вы хотите, чтобъ я говорилъ вообще по интересующему васъ вопросу,—продолжалъ онъ, вытирая себѣ рукавъ около локтя и хмурясь:—то, милая, знаете ли... Свободно слѣдовать влеченіямъ своего сердца,—это не всегда даетъ хорошимъ людямъ счастье. Чтобы чувствовать себя свободнымъ и въ то же время счастливымъ, мнѣ кажется, надо не скрывать отъ себя, что жизнь жестока, груба и беспощадна въ своемъ консерватизмѣ, и надо отвѣчать ей тѣмъ, чего она стѣдитъ, то-есть быть такъ же, какъ она, грубымъ и беспощаднымъ въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ. Я такъ думаю.

— Куда мнѣ! — печально улыбулась Зинаида Ѳедоровна.—Я уже утомилась, кумъ. Я такъ утомилась, что не пошевелию пальцемъ для своего спасенія.

— Ступайте, кума, въ монастырь.

Это онъ сказалъ шутя, но послѣ его словъ у Зинаиды Ѳедоровны, а потомъ и у него самого на глазахъ заблестѣли слезы.

— Ну-съ, — сказалъ онъ: — сидѣли-сидѣли, да поѣхали. Прощайте, кумушка милая. Дай Богъ вамъ здоровья.

Онъ поцѣловалъ ей обѣ руки и, нѣжно погладивъ ихъ, сказалъ, что непременно побываетъ еще на-дняхъ. Надѣвая въ передней свое пальто, похожее на дѣтскій капотикъ, онъ долго шарилъ въ карманахъ, чтобы дать мнѣ на чай, но ничего не нашель.

— Прощай, голубчикъ!—сказалъ онъ грустно и вышелъ.

Никогда не забуду того настроенія, какое оставилъ послѣ себя этотъ человѣкъ. Зинаида Ѳедоровна все еще продолжала въ волненіи ходить по гостиной. Не лежала, а ходила — ужъ одно это хорошо. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы откровенно поговорить съ ней и тотчасъ уйти, но едва я успѣлъ проводить Грузина, какъ послышался звонокъ. Это пришелъ Кукушкинъ.

— Дома Георгій Ивановичъ? — спросилъ онъ.—Вернулся? Ты говоришь: нѣтъ? Экая жалость! Въ такомъ случаѣ, пойду поцѣлую хозяйкѣ ручку и—вонъ. Зинаида Ѳедоровна, можно? — крикнулъ онъ.—Я хочу вамъ ручку поцѣловать. Извините, что такъ поздно.

Онъ просидѣлъ въ гостиной не долго, не больше десяти минутъ, но мнѣ казалось, что онъ сидитъ уже давно и никогда не уйдетъ. Я кусалъ себѣ губы отъ негодованія и досады и уже ненавидѣлъ Зинаиду Ѳедоровну. «Почему она не гонитъ его отъ себя?» — возмущался я, хотя было очевидно, что она скучала съ нимъ.

Когда я подавалъ ему шубу, онъ въ знакъ особаго ко мнѣ расположенія спросилъ меня, какъ это я могу обходиться безъ жены.

— Но, я думаю, ты не зѣваешь,—сказалъ онъ, смѣясь.— У тебя съ Полей, должно-быть, тутъ шуры-амуры... Шалунъ!

Несмотря на свой житейскій опытъ, я тогда мало зналъ людей, и очень возможно, что я часто преувеличивалъ ни-

чтожное и вовсе не замѣчалъ важнаго. Миѣ показалось, что Кукушкинъ хихикаетъ и льститъ миѣ не даромъ: ужъ не надѣется ли онъ, что я, какъ лакей, буду болтать всюду по чужимъ лакейскимъ и кухнямъ о томъ, что онъ бываетъ у насъ по вечерамъ, когда нѣтъ Орлова, и просиживаетъ съ Зинаидой Федоровной до поздней ночи? А когда мои сплетни дойдутъ до ушей его знакомыхъ, онъ будетъ конфузливо опускать глаза и грозить мизнцемъ. И развѣ самъ онъ,— думалъ я, глядя на его маленькое, медовое лицо, — не будетъ сегодня же за картами дѣлать видъ и, пожалуй, проговариваться, что онъ уже отбилъ у Орлова Зинаиду Федоровну?

Та ненависть, которой такъ недоставало миѣ въ полдень, когда приходилъ старикъ, теперь овладѣла мной. Кукушкинъ вышелъ наконецъ, и я, прислушиваясь къ шарканью его кожаныхъ калошъ, чувствовалъ сильное желаніе послать ему вдогонку на прощанье какое-нибудь грубое ругательство, но сдержалъ себя. А когда шаги затихли на лѣстницѣ, я вернулся въ переднюю и, самъ не зная, что дѣлаю, схватилъ свертокъ бумагъ, забытый Грузинымъ, и опрометью побѣжалъ внизъ. Безъ пальто и безъ шапки я выбѣжалъ на улицу. Было не холодно, но шелъ круцнѣй снѣгъ и дулъ вѣтеръ.

— Ваше превосходительство!—крикнулъ я, догоняя Кукушкина.—Ваше превосходительство!

Онъ остановился около фонаря и оглянулся съ недоумѣніемъ.

— Ваше превосходительство! — проговорилъ я, задыхаясь.—Ваше превосходительство!

И, не придумавъ, что сказать, я раза два ударилъ его бумажнымъ сверткомъ по лицу. Ничего не понимая и даже не удивляясь, — до такой степени я ошеломилъ его, — онъ прислонился спиной къ фонарю и заслонилъ руками лицо. Въ это время мимо проходилъ какой-то военный докторъ и видѣлъ, какъ я билъ человѣка, но только съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ и пошелъ дальше.

Миѣ стало стыдно, и я побѣжалъ обратно въ домъ.

XII.

Съ мокрою отъ снѣга головой и запыхавшись, я побѣжалъ въ лакейскую и тотчасъ же сбросилъ фракъ, надѣлъ

пиджакъ и пальто и вынесъ свой чемоданъ въ переднюю. Бѣжать! Но, прежде чѣмъ уйти, я поскорѣ сѣлъ и сталъ писать Орлову:

«Оставляю вамъ свой фальшивый паспортъ,—началь я:— прошу оставить его себѣ на память, фальшивый человекъ, господинъ петербургскій чиновникъ!»

«Вкрасться въ домъ подъ чужимъ именемъ, наблюдать изъ-подъ лакейской маски интимную жизнь, все видѣть и слышать, чтобы потомъ непрошено изобличить во лжи,— все это, скажете вы, похоже на воровство. Да, но мнѣ теперь не до благородства. Я пережилъ десятки вашихъ ужинновъ и обѣдовъ, когда вы говорили и дѣлали, что хотѣли, а я долженъ былъ слушать, видѣть и молчать,—я не хочу подарить вамъ этого. Къ тому же, если около васъ нѣтъ живой души, которая осмѣлилась бы говорить вамъ правду и не льстить, то пусть хоть лакей Степанъ умоетъ вамъ вашу великолѣпную физиономію».

Это начало мнѣ не понравилось, но исправлять мнѣ не хотѣлось. Да и не все ли равно?

Большія окна съ темными портьерами, постель, скомканный фракъ на полу и мокрые слѣды отъ моихъ ногъ смотрѣли сурово и печально. И тишина была какая-то особенная.

Вѣроятно, оттого, что я выбѣгалъ на улицу безъ шапки и калошъ, у меня поднялся сильный жаръ. Горѣло лицо, ломило ноги... Тяжелую голову клонило къ столу, а въ мысляхъ было какое-то раздвоеніе, когда кажется, что за каждою мыслью въ мозгу движется ея тѣнь.

«Я боленъ, слабъ, нравственно угнетенъ,— продолжалъ я:—я не могу писать вамъ, какъ бы хотѣлъ. Въ первую минуту у меня было желаніе оскорбить и унижить васъ, но теперь мнѣ не кажется, что я имѣю на это право. Вы и я—оба упали и оба уже никогда не встанемъ, и мое письмо, если бы даже оно было краснорѣчиво, сильно и страшно, все-таки походило бы на стукъ по гробовой крышкѣ: какъ ни стучи—не разбудишь! Никакія усилія уже не могутъ согрѣть вашей проклятой холодной крови, и это вы знаете лучше, чѣмъ я. Зачѣмъ же писать? Но голова и сердце горятъ, я продолжаю писать, почему-то волнуясь, какъ будто это письмо можетъ еще спасти васъ и меня. Отъ жара мысли не вяжутся въ головѣ и перо какъ-то

безмысленно скрипнуть по бумагамъ, но вопросъ, который я хочу задать вамъ, стоитъ передо мной ясно, какъ огненный».

«Отчего я раньше времени ослабѣлъ и упалъ, объяснить не трудно. Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ, когда во мнѣ навѣки погасли молодость и здоровье, я замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же у меня была непрерывная, жестокая боль. Я испыталъ голодъ, холодъ, болѣзни, лишеніе свободы; личнаго счастья я не зналъ и не знаю, пріюта у меня нѣтъ, воспоминанія мои тяжки и совѣсть моя часто боится ихъ. Но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ, отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и превратились въ трусливое животное, которое лааетъ и этимъ лаемъ пугаетъ другихъ оттого, что само боится? Вы боитесь жизни, боитесь, какъ азіатъ, тотъ самый, который по цѣлымъ днямъ сидитъ на перинѣ и куритъ кальянъ. Да, вы много читаете и на васъ ловко сидитъ европейскій фракъ, но все же съ какою нѣжною, чисто азіатскою, ханскою заботливостію вы оберегаете себя отъ голода, холода, физическаго напряженія, — отъ боли и безпокойства, какъ рано вапа душа спрята-лась въ халатъ, какого труса разыграли вы передъ дѣйствительною жизнью и природою, съ которою борется всякій здоровый и нормальный человѣкъ. Какъ вамъ мягко, уютно, тепло, удобно — и какъ скучно! Да, бываетъ убійственно, безпросвѣтно скучно, какъ въ одиночной тюрьмѣ, но вы стараетесь спрятаться и отъ этого врага: вы по восьми часовъ въ сутки играете въ карты».

«А ваша иронія? О, какъ хорошо я ее понимаю! Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для лѣшиваго, празднаго ума она невыносима. Чтобы она не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячамъ вашихъ сверстниковъ, поснѣшили смолоду поставить ее въ рамки; вы вооружились ироническимъ отношеніемъ къ жизни, или какъ хотите называйте, и сдержанная, припугнутая мысль не смѣетъ прыгнуть черезъ тотъ палисадникъ, который вы поставили ей, и когда вы глумитесь надъ идеями, которыя якобы *встѣ*

вамъ извѣстны, то вы похожи на дизертира, который позорно бѣжитъ съ поля битвы, но, чтобы заглушить стыдъ, смѣется надъ войной и надъ храбростью. Цинизмъ заглушаетъ боль. Въ какой-то повѣсти Достоевскаго старикъ топчетъ ногами портретъ своей любимой дочери, потому что онъ передъ нею неправъ, а вы гадко и пошловато посмѣиваетесь надъ идеями добра и правды, потому что уже не въ силахъ вернуться къ нимъ. Всякій искренній и правдивый намекъ на ваше паденіе страшенъ вамъ, и вы нарочно окружаете себя людьми, которые умѣютъ только льстить вашимъ слабостямъ. И не даромъ, не даромъ вы такъ боитесь слезъ!»

«Кстати, ваши отношенія къ женщинѣ. Безстыдство мы унаслѣдовали съ плотью и кровью и въ безстыдствѣ воспитаны, но, вѣдь, на то мы и люди, чтобы побѣждать въ себѣ звѣря. Съ возмужалостью, когда вамъ стали извѣстны *всѣ* идеи, вы не могли не увидѣть правды; вы ее знали, но вы не пошли за ней, а испугались ея, и, чтобы обмануть свою совѣсть, стали громко увѣрять себя, что виноваты не вы, а сама женщина, что она такъ же изменна, какъ и ваши отношенія къ ней. Развѣ холодные, скабрёзные анекдоты, лошадиный смѣхъ, всѣ ваши безчисленныя теоріи о сущности, неопредѣленныхъ требованіяхъ къ браку, о десяти су, которыя платить женщинѣ французскій рабочій, ваши вѣчныя ссылки на бабью логику, лживость, слабость и проч.—развѣ все это не похоже на желаніе во что бы то ни стало пригнуть женщину низко къ грязи, чтобы она и ваши отношенія къ ней стояли на одномъ уровнѣ? Вы—слабый, несчастный, несимпатичный человѣкъ».

Въ гостиной заиграла на роялѣ Зинаида Федоровна, стараясь вспомнить пьесу Сень-Санса, которую игралъ Грузинъ. Я пошелъ и легъ на постель, но, вспомнивъ, что мнѣ пора уходить, поднялся черезъ силу и съ тяжелою, горячею головою опять пошелъ къ столу.

«Но вотъ вопросъ, — продолжалъ я.—Отчего мы утомились? Отчего мы вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ, картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, пре-

красной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого? Отчего?»

«Разбойникъ, вистѣвнѣй на крестѣ, сумѣлъ вернуть себѣ жизненную радость и смѣлую, осуществимую надежду, хотя, быть-можетъ, ему оставалось жить не больше часа. У васъ впереди еще длинныя годы, и я, вѣроятно, умру не такъ скоро, какъ кажется. Что, если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своею правдой?... Сладкія мечты жгутъ меня, и я едва дышу отъ волненія. Миѣ страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить! Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды,—хватайтесь же цѣпко за остатки вашей жизни и спасайте ихъ...»

Больше я не написалъ ни одного слова. Мыслей было много въ головѣ, но всѣ онѣ расплывались и не укладывались въ строки. Не окончивъ письма, я подписалъ свое званіе, имя и фамилію и пошелъ въ кабинетъ. Было темно. Я нащупалъ столъ и положилъ письмо. Должно-быть, въ потемкахъ я натыкался на мебель и производилъ шумъ.

— Кто тамъ? — послышался тревожный голосъ изъ гостиной.

И тотчасъ же на столѣ часы нѣжно пробили часъ ночи.

XIII.

Въ потемкахъ я, по крайней мѣрѣ, съ полминуты царапалъ дверь, нащупывая ее, потомъ медленно отворилъ и вошелъ въ гостиную. Зинаида Федоровна лежала на кушеткѣ и, поднявшись на локоть, глядѣла миѣ навстрѣчу. Не рѣшаясь заговорить, я медленно прошелъ мимо, и она проводила меня взглядомъ. Я постоялъ немного въ залѣ и опять прошелъ мимо, и она посмотрѣла на меня внимательно и съ недоумѣніемъ, даже со страхомъ. Наконецъ, я остановился и проговорилъ черезъ силу:

— Онъ не вернется!

Она быстро встала на ноги и смотрѣла на меня, не понимая.

— Онъ не вернется! — повторилъ я, и у меня страшное застучало сердце.—Онъ не вернется, потому что не убѣжалъ изъ Петербурга. Онъ живетъ у Пекарскаго.

Она поняла и повѣрила мнѣ,—это я видѣлъ по ея внезапной блѣдности и по тому, какъ она вдругъ скрестила на груди руки со страхомъ и мольбой. Въ мгновеніе въ ея памяти промелькнуло ея недавнее прошлое, она сообразила и съ неумолимою ясностью увидѣла всю правду. Но въ то же время она вспомнила, что я лакей, низшее существо... Проходимецъ съ всклокоченными волосами, съ краснымъ отъ жара лицомъ, быть-можетъ, пьяный, въ какомъ-то пошломъ пальто, грубо вмѣшался въ ея интимную жизнь, и это оскорбило ее. Она сказала мнѣ сурово:

— Васъ не спрашиваютъ. Подите отсюда прочь.

— О, вѣрьте мнѣ!—сказала я съ увлеченіемъ, протягивая къ ней руки. — Я не лакей, я такой же свободный, какъ и вы!

Я называлъ себя и быстро, быстро, чтобы она не перебила меня или не ушла къ себѣ, объяснилъ, кто я и зачѣмъ тутъ живу. Это новое открытіе поразило ее сильнѣе, чѣмъ первое. У нея ранѣе была все-таки надежда, что лакей солгалъ или ошибся или сказалъ глупость, теперь же, послѣ моего признанія, у нея не оставалось никакихъ сомнѣній. По выраженію ея несчастныхъ глазъ и лица, которое вдругъ стало некрасиво, потому что постарѣло и потеряло свою мягкость, я видѣлъ, что ей нестерпимо тяжело, что я не къ добру началъ этотъ разговоръ; но я продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Сенаторъ и ревизія были придуманы, чтобы обмануть васъ. Въ январѣ онъ такъ же, какъ и теперь, никуда не уѣзжалъ, а жилъ у Пекарскаго, и я видѣлся съ нимъ каждый день и участвовалъ въ обманѣ. Вами тяготились, ваше присутствіе здѣсь ненавидѣли, надъ вами смѣялись... Если бы вы могли подслушать, какъ онъ и его друзья здѣсь издѣвались надъ вами и вашею любовью, то вы не остались бы здѣсь ни одной минуты! Бѣгите отсюда! Бѣгите!

— Ну, что жъ?—проговорила она дрожащимъ голосомъ и провела рукой по волосамъ.—Ну, что жъ? Пусть.

Глаза ея были полны слезъ, губы дрожали и все лицо было поразительно блѣдно и дышало гнѣвомъ. Грубая, мелкая ложь Орлова возмущала ее и казалась ей презрѣнною, смѣшною; она улыбалась, и мнѣ не нравилась эта ея улыбка.

— Ну, что жъ?—повторила она и опять провела рукой по волосамъ. — Пусть. Онъ воображаетъ, что я умру отъ униженія, а мнѣ... смѣшно. Напрасно онъ прячется.—Она отошла отъ рояля и сказала, пожавъ плечами:—Напрасно... Было бы проще объясниться, чѣмъ прятаться и скитаться по чужимъ квартирамъ. У меня есть глаза, я сама давно уже видѣла... и только ждала его прїѣзда, чтобъ окончательно объясниться.

Потомъ она сѣла въ кресло около стола и, склонивши голову на ручку дивана, горько заплакала. Въ гостиной горѣла одна только свѣча въ канделябрѣ, и около кресель, гдѣ она сидѣла, было темно, но я видѣлъ, какъ вздрагивали ея голова и плечи и какъ волосы, выбиваясь изъ прически, закрывали шею, лицо, руки... Въ ея тихомъ, ровномъ плачѣ, не истерическомъ, обыкновенномъ женскомъ плачѣ слышались оскорбленіе, униженная гордость, обида и то безысходное, безнадежное, чего нельзя уже исправить и къ чему нельзя привыкнуть. Въ моей взволнованной, страдающей душѣ ея плачъ отзывался эхомъ; я уже забылъ про свою болѣзнь и про все на свѣтѣ, ходилъ по гостиной и бормоталъ растерянно:

— Что же это за жизнь?.. О, нельзя такъ жить! Нельзя! Это—безуміе, преступленіе, а не жизнь!

— Какое униженіе! — говорила она сквозь плачъ. — Жить вмѣстѣ... улыбаться мнѣ въ то время, какъ я ему въ тягость, смѣшна... О, какое униженіе!

Она приподняла голову и, глядя на меня заплаканными глазами сквозь волосы, мокрые отъ слезъ, и поправляя эти волосы, мѣшавшіе ей смотрѣть на меня, спросила:

— Они смѣялись?

— Этимъ людямъ были смѣшны и вы, и ваша любовь, и Тургеневъ, котораго вы будто бы читались. И если мы оба сейчасъ умремъ съ отчаянія, то это имъ будетъ тоже смѣшно. Они сочиняютъ смѣшной анекдотъ и будутъ рассказывать его на вашей панихидѣ. Да что о нихъ говорить?—сказалъ я съ нетерпѣніемъ. — Надо бѣжать отсюда. Я не могу оставаться здѣсь дольше ни одной минуты.

Она опять заплакала, а я отошелъ къ роялю и сѣлъ.

— Что жъ мы ждемъ?—спросилъ я уныло.—Уже третій часъ.

— Ничего я не жду,—сказала она.—Я пропала.

— Зачѣмъ говорить такъ? Давайте-ка лучше обдумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать. Ни вамъ, ни мнѣ уже нельзя оставаться здѣсь... Куда вы намѣрены ѣхать отсюда?

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. У меня ёкнуло сердце. Ужъ не Орловъ ли это, которому пожаловался на меня Кукушкинъ? Какъ мы съ нимъ встрѣтимся? Я пошелъ отворять. Это была Поля. Она вошла, страхнула въ передней со своего бурнуса снѣгъ и, не сказавъ мнѣ ни слова, отправилась къ себѣ. Когда я вернулся въ гостиную, Зинаида Федоровна, блѣдная, какъ мертвецъ, стояла среди комнаты и большими глазами смотрѣла мнѣ навстрѣчу.

— Кто это пришелъ?—спросила она тихо.

— Поля,—отвѣчала я.

Она провела рукой по волосамъ и въ изнеможеніи закрыла глаза.

— Я сейчасъ уѣду отсюда,—сказала она.— Вы будете добры, проводите меня на Петербургскую сторону. Теперь который часъ?

— Безъ четверти три.

XIV.

Когда мы, немного погодя, вышли изъ дому, на улицѣ было темно и безлюдно. Шелъ мокрый снѣгъ и влажный вѣтеръ хлесталъ по лицу. Помнится, тогда было начало марта, стояла оттепель и уже нѣсколько дней извозчики ѣздили на колесахъ. Подъ впечатлѣніемъ черной лѣстницы, холода, ночныхъ потемокъ и дворника въ тулупѣ, который опросилъ насъ, прежде чѣмъ выпустилъ за ворота, Зинаида Федоровна совсѣмъ ослабѣла и пала духомъ. Когда мы сѣли въ пролетку и накрылись верхомъ, она, дрожа всѣмъ тѣломъ, горючливо заговорила о томъ, какъ она мнѣ благодарна.

— Я не сомнѣваюсь въ вашемъ доброжелательствѣ, но мнѣ стыдно, что вы беспокоитесь...—бормотала она.—О, я понимаю, понимаю... Когда сегодня былъ Грузинъ, я чувствовала, что онъ лжетъ и что-то скрываетъ. Ну, что жъ? Пусть. Но, все-таки, мнѣ совѣстно, что вы такъ беспокоитесь.

У нея оставались еще сомнѣнія. Чтобы окончательно разсѣять ихъ, я приказалъ извозчику ѣхать по Сергіевской; остановивши его у подъѣзда Пекарскаго, я вылѣзъ изъ

пролетки и позвонилъ. Когда вышелъ швейцарь, я громко, чтобы могла слышать Зинаида Ѳедоровна, спросилъ, дома ли Георгій Ивановичъ.

— Дома, — отвѣтилъ онъ. — Съ полчаса какъ пріѣхалъ. Должно, ужъ спать. А тебѣ что?

Зинаида Ѳедоровна не выдержала и высунулась изъ пролетки.

— А давно Георгій Ивановичъ живетъ здѣсь? — спросила она.

— Уже третью недѣлю.

— И никуда не уѣзжалъ?

— Никуда, — отвѣтилъ швейцарь и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Передай ему завтра пораньше, — сказалъ я: — что къ нему изъ Варшавы сестра пріѣхала. Прощай.

Затѣмъ мы поѣхали дальше. Въ пролеткѣ не было фартука и снѣгъ валилъ на насъ хлопьями, и вѣтеръ, особенно на Невѣ, пронизывалъ до костей. Мнѣ стало казаться, что мы давно уже ѣдемъ, давно страдаемъ и что я давно уже слышу, какъ дрожитъ дыханіе у Зинаиды Ѳедоровны. Я мелькомъ, въ какомъ-то полубреду, точно засыпая, оглянулся на свою странную, безтолковую жизнь, и вспомнилась мнѣ почему-то мелодрама *Парижскіе шпіе*, которую я два видѣлъ въ дѣтствѣ. И почему-то, когда я, чтобы встряхнуться отъ этого полубреда, выглянулъ изъ-подъ верха и увидѣлъ разсвѣтъ, всѣ образы прошлаго, всѣ туманныя мысли вдругъ слились у меня въ одну ясную, крѣпкую мысль: я и Зинаида Ѳедоровна погибли уже безвозвратно. Это была увѣренность, какъ будто синее холодное небо содержало въ себѣ пророчество, но черезъ мгновеніе я думалъ уже о другомъ и вѣрилъ въ другое.

— Что же я теперь? — говорила Зинаида Ѳедоровна голосомъ, силнымъ отъ холода и сырости. — Куда мнѣ идти, что дѣлать? Грузинъ сказалъ: ступайте въ монастырь. О, я пошла бы! Перемѣнила бы одежду, свое лицо, имя, мысли... все, все, и спряталась бы навѣки. Но меня не пустятъ въ монастырь. Я беременна.

— Мы завтра поѣдемъ съ вами за границу, — сказалъ я.

— Нельзя это. Мужъ не дастъ мнѣ паспорта.

— Я провезу васъ безъ паспорта.

Извозчикъ остановился около двухъэтажнаго деревяннаго

дома, выкрашеннаго въ темный цвѣтъ. Я позвонилъ. Принимая отъ меня небольшую легкую корзинку, — единственный багажъ, который мы взяли съ собой, — Зинаида Ѳедоровна какъ-то кисло улыбулась и сказала:

— Это мои *bioux*...

Но она такъ ослабѣла, что была не въ силахъ держать эти *bioux*. Намъ долго не отворяли. Послѣ третьяго или четвертаго звонка въ окнахъ замелькаль свѣтъ и послышались шаги, кашель, шопотъ; наконецъ, щелкнулъ замокъ и въ дверяхъ показалась полная баба съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ. Позади ея, на нѣкоторомъ разстояннн, стояла маленькая худенькая старушка съ стриженными сѣдыми волосами, въ бѣлой кофточкѣ и со свѣчой въ рукахъ. Зинаида Ѳедоровна вбѣжала въ сѣни и бросилась къ этой старушкѣ на шею.

— Нина, я обманута! — громко зарыдала она. — Я обманута грубо, гадко! Нина! Нина!

Я отдалъ бабѣ корзинку. Дверь заперли, но все еще слышались рыданія и крикъ: «Нина!» Я сѣлъ въ пролетку и приказалъ извозчику ѣхать не спѣша къ Невскому. Нужно было подумать и о своемъ ночлегѣ.

На другой день, передъ вечеромъ, я былъ у Зинаиды Ѳедоровны. Она сильно измѣнилась. На ея блѣдномъ, сильно похудѣвшемъ лицѣ не было уже и слѣда слезъ, и выраженіе было другое. Не знаю, оттого ли, что я видѣлъ ее теперь при другой обстановкѣ, далеко не роскошной, и что отношенія наши были уже иныя, или, быть-можетъ, сильное горе положило уже на нее свою печать, она не казалась теперь такою изящною и нарядною, какъ всегда; фигура у нея стала какъ будто мельче, въ движеніяхъ, въ походкѣ, въ ея лицѣ я замѣтилъ излишнюю нервность, порывистость, какъ будто она сѣвшила, и не было прежней мягкости даже въ ея улыбкѣ. Я былъ одѣтъ теперь въ дорогую пару, которую купилъ себѣ днемъ. Она окинула взглядомъ прежде всего эту пару и шляпу въ моей рукѣ, потомъ остановила нетерпѣливый, испытующій взглядъ на моемъ лицѣ, какъ бы изучая его.

— Ваше превращеніе мнѣ все еще кажется какимъ-то чудомъ, — сказала она. — Извините, я съ такимъ любопытствомъ осматриваю васъ. Вѣдь, вы необыкновенный человекъ.

Я рассказалъ ей еще разъ, кто я и зачѣмъ жилъ у

Орлова, и рассказывалъ объ этомъ дольше и подробнѣе, чѣмъ вчера. Она слушала съ большимъ вниманіемъ и, не давъ мнѣ кончить, проговорила:

— Тамъ у меня все уже кончено. Знаете, я не выдержала и написала письмо. Вотъ отвѣтъ.

На листикѣ, который она подала мнѣ, почеркомъ Орлова было написано: «Я не стану оправдываться. Но согласитесь: ошиблись вы, а не я. Желаю счастья и прошу поскорѣе забыть уважающаго васъ Г. О.

«PS. Посылаю ваши вещи».

Сундуки и корзины, присланные Орловымъ, стояли тутъ же въ гостиной и среди нихъ находился также и мой жалкій чемоданъ.

— Значить...— сказала Зинаида Федоровна и не договорила.

Мы помолчали. Она взяла записку и минуты двѣ держала ее передъ глазами, и въ это время лицо ея приняло то самое надменное, презрительное и гордое, черствое выраженіе, какое у нея было вчера въ началѣ нашего объясненія; на глазахъ у нея выступили слезы, не робкія, не горькія, а гордыя, сердитыя слезы.

— Слушайте, — сказала она, порывисто поднимаясь и отходя къ окну, чтобы я не видѣлъ ея лица. — Я рѣшила такъ: завтра же ѣду съ вами за границу.

— И прекрасно. Я готовъ ѣхать хоть сегодня.

— Вербуйте меня. Вы читали Бальзака?—спросила она вдругъ, обернувшись. — Читали? Его романъ *Père Goriot* кончается тѣмъ, что герой глядитъ съ вершины холма на Парижъ и грозитъ этому городу: «Теперь мы раздѣлаемся!»— и послѣ этого начинаетъ новую жизнь. Такъ и я, когда изъ вагона взгляну въ послѣдній разъ на Петербургъ, то скажу ему: «Теперь мы раздѣлаемся!»

И, сказавши это, она улыбнулась этой своей шуткѣ и почему-то вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

XV.

Въ Венеціи у меня начались плевритическія боли. Вѣроятно, я простудился вечеромъ, когда мы съ вокзала плыли въ *Hôtel Bauer*. Пришлось съ перваго же дня лечь въ постель и пролежать недѣли двѣ. Каждое утро, пока я былъ боленъ, приходила ко мнѣ изъ своего номера Зинаида Федоровна, чтобы вмѣстѣ пить кофе, и потомъ читала мнѣ

вслухъ французскія и русскія книги, которыхъ мы много накупили въ Вѣнѣ. Эти книги были мнѣ давно уже знакомы или же не интересны, но около меня звучать милый, добрый голосъ, такъ что въ сущности содержаніе всѣхъ ихъ для меня сводилось къ одному: я не одинокъ. Она уходила гулять, возвращалась въ своемъ свѣтло-сѣромъ платьѣ, въ легкой соломенной шляпѣ, веселая, согрѣтая весеннимъ солнцемъ, и, сѣвши у постели, нагнувшись низко къ моему лицу, рассказывала что-нибудь про Венецію, или читала эти книги—и мнѣ было хорошо.

Ночью мнѣ было холодно, больно и скучно, по днемъ я упивался жизнью, — лучшаго выраженія не придумаешь. Яркое, горячее солнце, бьющее въ открытыя окна и въ дверь на балконѣ, крики виизу, плесканье весель, звонъ колоколовъ, раскатистый громъ пушки въ полдень и чувство полной, полной свободы дѣлали со мной чудеса; я чувствовалъ на своихъ бокахъ сильныя, широкія крылья, которыя уносили меня Богъ вѣсть куда. А какая прелесть, сколько порой радости отъ мысли, что съ моею жизнью теперь идетъ рядомъ другая жизнь, что я слуга, сторожь, другъ, необходимый спутникъ существа молодого, красиваго и богатаго, но слабаго, оскорбленнаго, одинокаго! Даже болѣть пріятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждутъ твоего выздоровленія, какъ праздника. Разъ я слышалъ, какъ она за дверью шепталась съ моимъ докторомъ, и потомъ вошла ко мнѣ съ заплаканными глазами,—это плохой знакъ, —но я былъ растроганъ и у меня стало на душѣ необыкновенно легко.

Но вотъ мнѣ позволили выходить на балконъ. Солнце и легкій вѣтерокъ съ моря иѣжатъ и ласкаютъ мое больное тѣло. Я смотрю внизъ на давно знакомыя гондолы, которыя плывутъ съ женственною граціей, плавно и величаво, какъ будто живутъ и чувствуютъ всю роскошь этой оригинальной, обаятельной культуры. Пахнетъ моремъ. Гдѣ-то играютъ на струнахъ и поютъ въ два голоса. Какъ хорошо! Какъ не похоже на ту петербургскую ночь, когда шелъ мокрый снѣгъ и такъ грубо билъ по лицу! Вотъ, если взглянуть прямо черезъ каналъ, то видно взморье и на горизонтѣ на просторѣ солнце рябитъ по водѣ такъ ярко, что больно смотрѣть. Тянетъ душу туда, къ родному, хорошему морю, которому я отдалъ свою молодость. Жить хочется! Жить и—больше ничего!

Черезъ двѣ недѣли я сталъ ходить, куда мнѣ угодно. Я любилъ сидѣть на солнышкѣ, слушать гондольера, не понимать и по пѣлымъ часамъ смотрѣть на домикъ, гдѣ, говорятъ, жила Дездемона, — наивный, грустный домикъ съ дѣвственнымъ выраженіемъ, легкой, какъ кружево, до того легкой, что, кажется, его можно сдвинуть съ мѣста одною рукой. Я подолгу стоялъ у могилы Кановы и не отрывалъ глазъ съ печальнаго льва. А въ дворцѣ дождей меня все манило къ тому углу, гдѣ замазали черною краской несчастнаго Марино Фальеро. Хорошо быть художникомъ, поэтомъ, драматургомъ, думалъ я, но если это недоступно для меня, то хотя бы удариться въ мистицизмъ! Эхъ, къ этому безмятежному спокойствію и удовлетворенію, какое наполняетъ душу, хотя бы кусочекъ какой-нибудь вѣры.

Вечеромъ ѣли устрицъ, пили вино, катались. Помню, наша черная гондола тихо качается на одномъ мѣстѣ, подъ ней чуть слышно хлопаетъ вода. Тамъ и сямъ дрожатъ и колышутся отраженія звѣздъ и прибрежныхъ огней. Недалеко отъ насъ въ гондолѣ, увѣшанной цвѣтными фонарями, которые отражаются въ водѣ, сидятъ какіе-то люди и поютъ. Звуки гитаръ, скрипокъ, мандолинъ, мужскіе и женскіе голоса раздаются въ потемкахъ, и Зинаида Федоровна, блѣдная, съ серьезнымъ, почти суровымъ лицомъ, сидитъ рядомъ со мной, крѣпко стиснувъ губы и руки. Она думаетъ о чемъ-то и не пошевеливаетъ даже бровью, и не слышитъ меня. Лицо, поза и неподвижный, ничего не выражающій взглядъ, и до невѣроятнаго унылыя, жуткія и, какъ снѣгъ, холодныя воспоминанія, а кругомъ гондолы, огни, музыка, пѣсня съ энергическимъ страстнымъ вскрикомъ: «Jam-mo!.. Jam-mo!..», — какіе житейскіе контрасты! Когда она сидѣла такимъ образомъ, стиснувъ руки, окаменѣлая, скорбная, мнѣ представлялось, что оба мы участвуемъ въ какомъ-то романѣ, въ старинномъ вкусѣ, подъ названіемъ: *Злосчастная*, *Покинутая* или что-нибудь въ родѣ. Оба мы: она — злосчастная, брошенная, а я — вѣрный, преданный другъ, мечтатель и, если угодно, лишній человекъ, неудачникъ, неспособный уже ни на что, какъ только кашлять и мечтать, да, пожалуй, еще жертвовать собой... но кому и на что нужны теперь мои жертвы? Да и чѣмъ жертвовать, спрашивается?

Послѣ вечерней прогулки мы каждый разъ пили чай въ

ея номерѣ и разговаривали. Мы не боялись трогать старыхъ, еще не зажившихъ ранъ, — напротивъ, я почему-то даже испытывалъ удовольствіе, когда рассказывалъ ей о своей жизни у Орлова, или откровенно касался отношеній, которыя мнѣ были извѣстны и не могли быть отъ меня скрыты.

— Минутами я васъ ненавиждѣлъ, — говорилъ я. — Когда онъ капризничалъ, снисходилъ и лгалъ, то меня поражало, какъ это вы ничего не видите, не понимаете, когда все такъ ясно. Цѣлуете ему руки, стоите на колѣняхъ, льстите...

— Когда я... цѣловала руки и стояла на колѣняхъ, я любила... — говорила она, краснѣя.

— Неужели было такъ трудно разгадать его? Хорошо сфинксъ! Сфинксъ — камеръ-юнкеръ! Я ни въ чемъ васъ не упрекаю, храни Богъ, — продолжалъ я, чувствуя, что я грубовать, что у меня нѣтъ свѣтскости и той деликатности, которая такъ нужна, когда имѣешь дѣло съ чужою душой; раньше, до знакомства съ ней, я не замѣчалъ въ себѣ этого недостатка. — Но какъ вы могли не угадать? — повторялъ я, но уже тише и неувѣреннѣе.

— Вы хотите сказать, что презираете мое прошлое, и вы правы, — говорила она въ сильномъ волненіи. — Вы принадлежите къ особенному разряду людей, которыхъ нельзя мѣрять на обыкновенный аршинъ, ваши нравственные требованія отличаются исключительною строгостью, и, я понимаю, вы не можете прощать; я понимаю васъ и, если иной разъ я противорѣчу, то это не значитъ, что я иначе смотрю на вещи, чѣмъ вы; говорю я прежній вздоръ просто оттого, что еще не успѣла износить своихъ старыхъ плмъевъ и предразсудковъ. Я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова, и свою любовь... Какая это любовь? Теперь даже смѣшно все это, — говорила она, подходя къ окну и глядя внизъ на каналъ. — Всѣ эти любви только туманятъ совѣсть и сбиваютъ съ толку. Смыслъ жизни только въ одномъ — въ борьбѣ. Наступить каблукомъ на подлую змѣиную голову, и чтобы она — кракъ! — Вотъ въ чемъ смыслъ. Въ этомъ одномъ, или же вовсе нѣтъ смысла.

Я рассказывалъ ей длинныя исторіи изъ своего прошлаго и описывалъ свои въ самомъ дѣлѣ изумительныя походе-

нія. Но о той перемѣнѣ, какая произошла во мнѣ, я не обмолвился ни однимъ словомъ. Она съ большимъ вниманіемъ слушала меня всякій разъ и въ интересныхъ мѣстахъ потирала руки, какъ будто съ досадой, что ей не удалось еще пережить такія же приключенія, страхи и радости. но вдругъ задумывалась, уходила въ себя, и я уже видѣлъ по ея лицу, что она не слушаетъ меня.

Я закрывалъ окна, выходящія на каналъ, и спрашивалъ: не затопитъ ли каминъ?

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ. Мнѣ не холодно, — говорила она, вяло улыбаясь:—я только ослабѣла вся. Знаете, мнѣ кажется, что за послѣднее время я странно поумнѣла. У меня теперь необыкновенныя, оригинальныя мысли. Когда я, напримѣръ, думаю о прошломъ, о своей тогдашней жизни... ну, о людяхъ вообще, то все это сливается у меня въ одно — въ образъ моей мачихи. Грубая, наглая, бездушная, фальшивая, развратная и къ тому же еще морфинистка. Отецъ, слабый и безхарактерный, женился на моей матери изъ-за денегъ и вогналъ ее въ чахотку, а эту вотъ свою вторую жену, мою мачиху, любилъ страстно, безъ памяти... Натерѣлась я! Ну, да что говорить! Такъ вотъ все, говорю я, сливается въ одинъ образъ... И мнѣ досадно: зачѣмъ мачиха умерла? Хотѣлось бы теперь встрѣтиться съ ней!..

— Зачѣмъ?

— Такъ, не знаю... — отвѣчала она со смѣхомъ, красиво встряхивая головой. — Спокойной ночи. Выздоровляйте. Какъ только поправитесь, займемся нашими дѣлами... Пора...

Когда я, уже простившись, брался за ручку двери, она говорила:

— Какъ думаете? Поля все еще живетъ у него?

— Вѣроятно.

И я уходилъ къ себѣ. Такъ мы прожили цѣлый мѣсяцъ. Въ одинъ пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна въ моемъ номерѣ и молча глядѣли на тучи, которыя надвигались съ моря, и на посинѣвшій каналъ и ожидали, что сейчасъ хлынетъ дождь, и когда ужъ узкая, густая полоса дождя, какъ марля, закрыла взморье, намъ обоимъ вдругъ стало скучно. Въ тотъ же день мы уѣхали во Флоренцію.

XVI.

Дѣло происходило уже осенью, въ Ниццѣ. Однажды утромъ, когда я зашелъ къ ней въ номеръ, она сидѣла въ креслѣ, положивъ ногу на ногу, сторбившись, осунувшись, закрывъ лицо руками, и плакала горько, навзрыдъ, и ея длинныя, не причесанныя волосы падали ей на колѣни. Впечатлѣніе чуднаго, удивительнаго моря, которое я только-что видѣлъ, про которое хотѣлъ рассказать, вдругъ оставило меня, и сердце мое сжалось отъ боли.

— О чемъ вы?—спросилъ я; она отняла одну руку отъ лица и махнула мнѣ, чтобъ я вышелъ.—Ну, о чемъ вы?—повторилъ я, и въ первый разъ за все время нашего знакомства поцѣловалъ у нея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!—проговорила она быстро.—Ахъ, ничего, ничего... Уйдите... Видите, я не одѣта.

Я вышелъ въ страшномъ смущеніи. Покой и безпечальное настроеніе, въ какомъ я такъ долго находился, были отравлены состраданіемъ. Мнѣ страстно хотѣлось пасть къ ея ногамъ, умолять, чтобы она не плакала въ одиночку, а дѣлилась бы со мною своимъ горемъ, и ровный шумъ моря заворчалъ въ моихъ ушахъ уже какъ мрачное пророчество, и я видѣлъ впереди новыя слезы, новыя скорби и потери. О чемъ, о чемъ она плачетъ?—спрашивалъ я, вспоминая ея лицо и страдальческій взглядъ. Я вспомнилъ, что она беременна. Она старалась скрыть свое положеніе и отъ людей, и отъ себя самой. Дома она ходила въ просторной блузѣ или въ кофточкѣ съ преувеличенно пышными складками на груди, а уходя куда-нибудь, затягивалась въ корсетъ такъ сильно, что два раза во время прогулокъ съ ней случались обмороки. Со мною она никогда не говорила о своей беременности, и однажды, когда я заикнулся о томъ, что ей не мѣшало бы посоветоваться съ докторомъ, она вся покраснѣла и не сказала ни слова.

Когда я потомъ вошелъ къ ней, она была уже одѣта и причесана.

— Полно, полно! — сказалъ я, видя, что она готова опять заплакать. — Давайте-ка лучше пойдемъ къ морю и потолкуемъ.

— Не могу я говорить. Простите, я теперь въ такомъ настроеніи, когда хочется быть одной. И, пожалуйста, Вла-

дмиръ Ивановичъ, когда въ другой разъ захотите войти ко мнѣ, то предварительно постучите въ дверь.

Это «предварительно» прозвучало какъ-то особенно, не по-женски. Я вышелъ. Возвращалось проклятое, петербургское настроеніе и всѣ мои мечты свернулись и сжались, какъ листья отъ жара. Я чувствовалъ, что я опять одинокъ, что близости между нами нѣтъ. Я для нея то же, что вотъ для этой пальмы паутина, которая повисла на ней случайно и которую сорветъ и унесетъ вѣтеръ. Я прогулялся по скверу, гдѣ играла музыка, зашелъ въ казино; тутъ я оглядывалъ разодрѣтыхъ, сильно пахнущихъ женщинъ, и каждая взглядывала на меня такъ, какъ будто хотѣла сказать: «Ты одинокъ, и прекрасно...» Потомъ я вышелъ на террасу и долго глядѣлъ на море. Вдали на горизонтѣ ни одного паруса, на лѣвомъ берегу въ лиловой мглѣ горы, сады, башни, дома, на всемъ играетъ солнце, но все чуждо, равнодушно, путаница какая-то.

XVII.

Она попрежнему приходила ко мнѣ по утрамъ пить кофе, но мы уже не обѣдали вмѣстѣ; ей, какъ она говорила, не хотѣлось ѣсть, и питалась она только кофе, чаемъ и разными пустяками, въ родѣ апельсиновъ и карамели.

И разговоры у насъ по вечерамъ уже не было. Не знаю, почему такъ. Послѣ того, какъ я засталъ ее въ слезахъ, она стала относиться ко мнѣ какъ-то слегка, подчасъ небрежно, даже съ ироніей, и называла меня почему-то «сударь мой». То, что раньше казалось ей страшнымъ, удивительнымъ, героическимъ и что возбуждало въ ней зависть и восторгъ, теперь не трогало ея вовсе, и обыкновенно, выслушавъ меня, она слегка потягивалась и говорила:

— Да, было дѣло подъ Полтавой, сударь мой, было.

Случалось даже, что я не встрѣчался съ ней по цѣлымъ днямъ. Бывало, постучишься робко и виновато въ ея дверь — отвѣта нѣтъ; постучишься еще разъ — молчаніе... Стоишь около двери и слушаешь; но вотъ мимо проходитъ горничная и холодно заявляетъ: «madame est partie». Затѣмъ ходишь по коридору гостиницы, ходишь, ходишь... Какіе-то англичане, полногрудыя дамы, гарсоны во фракахъ... И когда я долго смотрю на длинный полосатый

коверь, который тянется через весь коридоръ, мнѣ приходитъ на мысль, что въ жизни этой женщины я играю странную, вѣроятно, фальшивую роль и что уже не въ моихъ силахъ измѣнить эту роль; я бѣгу къ себѣ въ номеръ, падаю на постель и думаю, думаю и не могу ничего придумать, и для меня ясно только, что мнѣ хочется жить, и что чѣмъ некрасивѣе, суше и черствѣе становится ея лицо, тѣмъ она ближе ко мнѣ и тѣмъ сильнѣе и больнѣй я чувствую наше родство. Пусть я — «сударь мой», пусть этотъ легкій, пренебрежительный тонъ, пусть что угодно, но только не оставляй меня, мое сокровище. Мнѣ теперь страшно одному.

Потомъ я опять выхожу въ коридоръ, съ тревогой прислушиваюсь... Я не обѣдаю, не замѣчаю, какъ наступаетъ вечеръ. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ слышатся знакомые шаги, и на поворотѣ около лѣстницы показывается Зинаида Федоровна.

— Прогуливаетесь?—спрашиваетъ она проходя мимо.— Вы бы лучше шли наружу... Спокойной ночи!

— Но развѣ мы уже не увидимся сегодня?

— Уже поздно, кажется. Впрочемъ, какъ хотите?

— Скажите, гдѣ вы были?—спрашиваю я, входя за нею въ номеръ.

— Гдѣ? Въ Монте-Карло, — она достаетъ изъ кармана штукъ десять золотыхъ монетъ и говоритъ:—Вотъ, сударь мой. Выиграла. Это въ рулетку.

— Ну, вы не станете играть.

— Отчего же? Я и завтра опять поѣду.

Я воображалъ, какъ она съ нехорошимъ болѣзненнымъ лицомъ, беременная, сильно затянута, стоитъ около игорнаго стола въ толпѣ кокотокъ, выжившихъ изъ ума старухъ, которыя жмутся у золота, какъ мухи у меда, вспоминалъ, что она уѣзжала въ Монте-Карло почему-то тайно отъ меня...

— Я не вѣрю вамъ,—сказалъ я однажды.—Вы не поѣдете туда.

— Не волнуйтесь. Много я не могу проиграть.

— Дѣло не въ проигрышѣ,—сказалъ я съ досадой.— Развѣ вамъ не приходило на мысль, когда вы тамъ играли, что блескъ золота, всѣ эти женщины, старыя и молодыя,

крупье, вся обстановка, что все это—подмая, гнусная на-смѣшка надъ трудомъ рабочаго, надъ кровавымъ потомъ?

— Если не играть, то что же тутъ дѣлать? — спросила она. — И трудъ рабочаго, и кровавый потъ — это красно-рѣчіе вы отложите до другого раза, а теперь, разъ вы начали, то позвольте мнѣ продолжать; позвольте мнѣ поставить ребромъ вопросъ: что мнѣ тутъ дѣлать и что я буду дѣлать?

— Что дѣлать? — сказалъ я, пожавъ плечами. — На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить сразу.

— Я прошу отвѣта по совѣсти, Владиміръ Иванычъ, — сказала она, и лицо ея стало сердитымъ. — Разъ я рѣшилась задать вамъ этотъ вопросъ, то не для того, чтобы слышать общія фразы. Я васъ спрашиваю, — продолжала она, стуча ладонью по столу, какъ бы отбивая тактъ: — что я должна здѣсь дѣлать? И не только здѣсь въ Ниццѣ, но вообще?

Я молчалъ и смотрѣлъ въ окно на море. Сердце у меня страшно забилось.

— Владиміръ Иванычъ, — сказала она тихо и прерывисто дыша; ей тяжело было говорить. — Владиміръ Иванычъ, если вы сами не вѣрите въ дѣло, если вы уже не думаете вернуться къ нему, то зачѣмъ... зачѣмъ вы тащили меня изъ Петербурга? Зачѣмъ обѣщали и зачѣмъ возбудили во мнѣ сумасшедшія надежды? Убѣжденія ваши измѣнились, вы стали другимъ человѣкомъ, и никто не винитъ васъ въ этомъ—убѣжденія не всегда въ нашей власти, но... но, Владиміръ Иванычъ, Бога ради, зачѣмъ вы неискренни? — продолжала она тихо, подходя ко мнѣ. — Когда я всѣ эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы не говорили мнѣ правды, а молчали, или поощряли разсказами и держали себя такъ, какъ будто вполне сочувствовали мнѣ? Почему? Для чего это было нужно?

— Трудно сознаваться въ своемъ банкротствѣ, — проговорилъ я, оборачиваясь, но не глядя на нее. — Да, я не вѣрю, утомился, палъ духомъ... Тяжело быть искреннимъ, страшно тяжело, и я молчалъ. Не дай Богъ никому пережить то, что я пережилъ.

Мнѣ показалось, что я сейчасъ заплачу, и я замолчалъ.

— Владиміръ Иванычъ, — сказала она и взяла меня за

обѣ руки.—Вы много пережили и испытали, знаете больше, чѣмъ я; подумайте серьезно и скажите: что мнѣ дѣлать? Научите меня. Если вы сами уже не въ силахъ идти и вести за собой другихъ, то по крайней мѣрѣ укажите, куда мнѣ идти. Согласитесь, вѣдь я живой, чувствующій и разсуждающій человѣкъ. Попасть въ ложное положеніе... играть какую-то нелѣзную роль... мнѣ это тяжело. Я не упрекаю, не обвиняю васъ, а только прошу.

Принесли чай.

— Ну, что же?—спросила Зинаида Ѳедоровна, подавая мнѣ стаканъ.—Что вы мнѣ скажете?

— Не только свѣту, что въ окнѣ, — отвѣтилъ я. — И кромѣ меня есть люди, Зинаида Ѳедоровна.

— Такъ вотъ укажите мнѣ ихъ,—живо сказала она.—Я объ этомъ только и прошу васъ.

— И еще я хочу сказать, — продолжалъ я. — Служить идеѣ можно не въ одномъ какомъ-нибудь поприщѣ. Если ошиблись, извѣрились въ одномъ, то можно отыскать другое. Миръ идей широкъ и неисчерпаемъ.

— Миръ идей! — проговорила она и насмѣшливо поглядѣла мнѣ въ лицо. — Такъ ужъ лучше мы перестанемъ... Что ужъ тутъ...

Она покраснѣла.

— Миръ идей!—повторила она и отбросила салфетку въ сторону, и лицо ея приняло негодующее, брезгливое выраженіе.—Всѣ эти ваши прекрасныя идеи, я вижу, сводятся къ одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей. Вотъ что нужно. Носитесь съ идеями и не быть любовницей честнѣйшаго, идейнѣйшаго человѣка — значить не понимать идей. Надо начинать съ этого... то-есть съ любовницы, а остальное само приложится.

— Вы раздражены, Зинаида Ѳедоровна,—сказалъ я.

— Нѣтъ, я искренна! — крикнула она, тяжело дыша.— Я искренна!

— Вы искренни, быть-можетъ, но вы заблуждаетесь, и мнѣ больно слушать васъ.

— Я заблуждаюсь!—засмѣялась она.—Кто бы говорилъ, да не вы, сударь мой. Пусть я покажусь вамъ не деликатной, жестокой, но куда ни шло: вы любите меня? Вѣдь любите?

Я пожалъ плечами.

— Да, пожимайте плечами! — продолжала она насмѣшливо. — Когда вы были больны, я слышала, какъ вы бредили, потомъ постоянно эти обожающіе глаза, вздохи, благонамѣренные разговоры о близости, духовномъ родствѣ... Но, главное, почему вы до сихъ поръ были не искренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали бы съ самаго начала, какія собственно идеи заставили васъ вытащить меня изъ Петербурга, такъ бы ужъ я и знала. Отравилась бы тогда, какъ хотѣла, и не было бы теперь этой нудной комедіи... Э, да что говорить! — она махнула на меня рукой и сѣла.

— Вы говорите такимъ тономъ, какъ будто подозрѣваете во мнѣ безчестныя намѣренія, — обидѣлся я.

— Ну, да ужъ ладно. Что ужъ тутъ. Я не намѣренія подозрѣваю въ васъ, а то, что у васъ никакихъ намѣреній не было. Будь они у васъ, я бы ужъ знала ихъ. Кромѣ идей и любви, у васъ ничего не было. Теперь идеи и любовь, а въ перспективѣ — я любовница. Таковъ ужъ порядокъ вещей и въ жизни и въ романахъ... Вотъ вы брали его, — сказала она и ударила ладонью по столу: — а вѣдь поневолѣ съ нимъ согласишься. Не даромъ онъ презираетъ всѣ эти идеи.

— Онъ не презираетъ идей, а боится ихъ, — крикнулъ я. — Онъ трусь и лжець.

— Ну, да ужъ ладно! Онъ трусь, лжець и обманулъ меня, а вы? Извините за откровенность: вы кто? Онъ обманулъ и бросилъ меня на произволъ судьбы въ Петербургѣ, а вы обманули и бросили меня здѣсь. Но тотъ хоть идей не приплеталъ къ обману, а вы...

— Бога ради, зачѣмъ вы это говорите? — ужаснулся я, ломая руки и быстро подходя къ ней. — Нѣтъ, Зинаида Ѳедоровна, нѣтъ, это цинизмъ, нельзя такъ отчаиваться, выслушайте меня, — продолжалъ я, ухватившись за мысль, которая вдругъ неясно блеснула у меня въ головѣ и, казалось, могла еще спасти насъ обоихъ. — Слушайте меня. Я испыталъ на своемъ вѣку много, такъ много, что теперь при воспоминаніи голова кружится, и я теперь крѣпко понялъ мозгомъ, своей изболѣвшей душой, что назначеніе человѣка или ни въ чемъ, или только въ одномъ — въ са-

моотверженной любви къ ближнему. Вотъ куда мы должны идти и въ чемъ наше назначеніе! Вотъ моя вѣра!

Дальше я хотѣлъ говорить о милосердіи, о всепрощеніи, но голосъ мой вдругъ зазвучалъ неискренно, и я смутился.

— Мнѣ жить хочется!—проговорилъ я искренно.—Жить, жить! Я хочу мира, тишины, хочу тепла, вотъ этого моря, вашей близости. О, какъ бы я хотѣлъ внушить и вамъ эту страстную жажду жизни! Вы только-что говорили про любовь, но для меня было бы довольно и одной близости вашей, вашего голоса, выраженія лица...

Она покраснѣла и сказала быстро, чтобы помѣшать мнѣ говорить:

— Вы любите жизнь, а я ее ненавижу. Стало-быть, дороги у насъ разныя.

Она налила себѣ чаю, но не дотронулась до него, пошла въ спальню и легла.

— Я полагаю, намъ бы лучше прекратить этотъ разговоръ,—сказала она мнѣ оттуда.—Для меня все уже кончено и ничего мнѣ не нужно... Что жъ тутъ разговаривать еще!

— Нѣтъ, не все кончено!

— Ну, да ладно!.. Знаю я! Надоѣло... Будетъ.

Я постоялъ, прошелся изъ угла въ уголъ и вышелъ въ коридоръ. Когда потомъ, поздно ночью, я подошелъ къ ея двери и прислушался, мнѣ явственно послышался плачь.

На другой день утромъ лакей, подавая мнѣ платье, сообщилъ съ улыбкой, что госпожа изъ 13-го номера родить. Я кое-какъ одѣлся и, замирая отъ ужаса, поспѣшилъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ. Въ ея номерѣ находились докторъ, акушерка и пожилая русская дама изъ Харькова, которую звали Дарьей Михайловной. Пахло эфирными каплями. Едва я переступилъ порогъ, какъ изъ комнаты, гдѣ лежала она, послышался тихій, жалобный стонъ, и точно это вѣтеръ донесъ мнѣ его изъ Россіи, я вспомнилъ Орлова, его иронию, Полю, Неву, снѣгъ хлопьями, потомъ пролетку безъ фартука, пророчество, какое я прочелъ на холодномъ утреннемъ небѣ, и отчаянный крикъ: «Нина! Нина!»

— Вы сходите къ ней,—сказала дама.

Я вошелъ къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ съ такимъ чувствомъ, какъ будто я былъ отцомъ ребенка. Она лежала съ за-

крытыми глазами, худая, блѣдная, въ бѣломъ чепчикѣ съ кружевами. Помню, два выраженія были на ея лицѣ: одно равнодушное, холодное, вялое, другое дѣтское и беспомощное, какое придавалъ ей бѣлый чепчикъ. Она не слышала, какъ я вошелъ или, быть-можетъ, слышала, но не обратила на меня вниманія. Я стоялъ, смотрѣлъ на нее и ждалъ.

Но вотъ лицо ея покривилось отъ боли, она открыла глаза и стала глядѣть въ потолокъ, какъ бы соображая, что съ ней... На ея лицѣ выразилось отвращеніе.

— Гадко,—прошентала она.

— Зинаида Ѳедоровна,—позвалъ я слабо.

Она равнодушно, вяло поглядѣла на меня и закрыла глаза. Я постоялъ немногo и вышелъ.

Ночью Дарья Михайловна сообщила мнѣ, что родилась дѣвочка, но что роженица въ опасномъ положеніи; потомъ по коридору бѣгали, былъ шумъ. Опять приходила ко мнѣ Дарья Михайловна и съ отчаяннымъ лицомъ, ломая руки, говорила:

— О, это ужасно! Докторъ подозрѣваетъ, что она приняла ядъ! О, какъ не хорошо ведутъ себя здѣсь русскія!

А на другой день въ полдень Зинаида Ѳедоровна скончалась.

XVIII.

Прошло два года. Обстоятельства измѣнились, я опять поѣхалъ въ Петербургъ и могъ жить тутъ, уже не скрываясь. Я уже не боялся быть и казаться чувствительнымъ и весь ушелъ въ отеческое или, вѣрнѣе, идолопоклонническое чувство, какое возбуждала во мнѣ Соня, дочь Зинаиды Ѳедоровны. Я кормилъ ее изъ своихъ рукъ, купалъ, укладывалъ спать, не сводилъ съ нея глазъ по цѣлымъ ночамъ и вскрикивалъ, когда мнѣ казалось, что нянька ее сейчасъ уронить. Моя жажда обыкновенной обывательской жизни съ теченіемъ времени становилась все сильнѣе и раздражительнѣе, но широкія мечты остановились около Сони, какъ будто нашли въ ней, наконецъ, именно то, что мнѣ нужно было. Я любилъ эту дѣвочку безумно. Въ ней я видѣлъ продолженіе своей жизни, и мнѣ не то чтобы казалось, а я чувствовалъ, почти вѣровалъ, что когда, наконецъ, я сброшу съ себя длинное, костлявое, бородатое тѣло, то буду жить въ этихъ голубыхъ глазкахъ, въ бѣлокурыхъ

шелковыхъ волосикахъ и въ этихъ пухлыхъ розовыхъ ручонкахъ, которыя такъ любовно гладятъ меня по лицу и обнимають мою шею.

Судьба Сони пугала меня. Отцомъ ея былъ Орловъ, въ метрическомъ свидѣтельствѣ она называлась Красновскою, а единственный человекъ, который зналъ объ ея существованіи и для котораго оно было интересно, то-есть я, уже дотягивалъ свою пѣсню. Нужно было подумать о ней серьезно.

На другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, я отправился къ Орлову. Отворилъ мнѣ толстый старикъ съ рыжими бакенами и безъ усовъ, повидимому нѣмецъ. Поля, убиравшая въ гостиной, не узнала меня, но зато Орловъ узналъ тотчасъ же.

— А, господинъ крамольникъ!—сказалъ онъ, оглядывая меня съ любопытствомъ и смѣясь.—Какими судьбами?

Онъ нисколько не измѣнился: все то же холеное, непріятное лицо, та же иронія. И на столѣ, какъ въ прежнее время, лежала какая-то новая книга съ заложенымъ въ нее ножомъ изъ слоновой кости. Очевидно, читалъ до моего прихода. Онъ усадилъ меня, предложилъ сигару и съ деликатностью, свойственною только отлично воспитаннымъ людямъ, скрывая непріятное чувство, какое возбуждали въ немъ мое лицо и моя тощая фигура, замѣтилъ вскользь, что я нисколько не измѣнился и что меня легко узнать, несмотря даже на то, что я обросъ бородою. Поговорили о погодѣ, о Парижѣ. Чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ тяжелаго неизбежнаго вопроса, который томилъ и его, и меня, онъ спросилъ:

— Зинаида Федоровна умерла?

— Да, умерла,—отвѣтилъ я.

— Отъ родовъ?

— Да, отъ родовъ. Докторъ подозрѣвалъ другую причину смерти, но... и для васъ, и для меня покойнѣе думать, что она умерла отъ родовъ.

Онъ вздохнулъ изъ приличія и помолчалъ. Пролетѣлъ тихій ангель.

— Такъ-съ, а у меня все по-старому, никакихъ особенныхъ перемѣнъ,—живо заговорилъ онъ, замѣтивъ, что я оглядываю кабинетъ.—Отецъ, какъ вы знаете, въ отставкѣ и уже на покоѣ, я все тамъ же. Пекарскаго помните? Онъ

все такой же. Грузинъ въ прошломъ году умеръ отъ дифтерита... Ну-съ, Кукушкинъ живъ и частенько вспоминаеть о васъ. Кстати,—продолжалъ Орловъ, застѣнчиво опуская глаза:— когда Кукушкинъ узналъ, кто вы, то сталъ вездѣ рассказывать, что вы будто учинили на него нападеніе, хотѣли его убить... и онъ едва спасся.

Я промолчалъ.

— Старые слуги не забываютъ своихъ господъ... Это очень мило съ вашей стороны,—пошутилъ Орловъ.—Однако, не хотите ли вина или кофе? Я прикажу сварить.

— Нѣтъ, благодарю. Я къ вамъ по очень важному дѣлу, Георгій Ивановичъ.

— Я не охотникъ до важныхъ дѣлъ, но вамъ радъ служить. Что прикажете?

— Видите ли,—началъ я, волнуясь:—со мной въ настоящее время находится здѣсь дочь покойной Зинаиды Федоровны... До сихъ поръ я занимался ея воспитаніемъ, но, какъ видите, не сегодня-завтра я превращусь въ звукъ пустой. Мнѣ хотѣлось бы умереть съ мыслью, что она построена.

Орловъ слегка покраснѣлъ, нахмурился и сурово, мелькомъ взглянулъ на меня. На него испрiятно подѣйствовало не столько «важное дѣло», какъ слова мои о превращеніи въ звукъ пустой, о смерти.

— Да, объ этомъ надо подумать,—сказалъ онъ, закрывая глаза, какъ отъ солнца.—Благодарю васъ. Вы говорите: дѣвочка?

— Да, дѣвочка. Чудная дѣвочка!

— Такъ. Это, конечно, не мопсъ, а человѣкъ... понятно, надо серьезно подумать. Я готовъ принять участіе и... и очень обязанъ вамъ.

Онъ всталъ, прошелся, кусая ногти, и остановился передъ картиной.

— Объ этомъ надо подумать,—сказалъ онъ глухо, стоя ко мнѣ спиной.—Я сегодня побываю у Пекарскаго и попрошу его съѣздить къ Красновскому. Думаю, что Красновскій не будетъ долго ломаться и согласится взять эту дѣвочку.

— Но, простите, я не знаю, при чемъ тутъ Красновскій,—сказалъ я, тоже вставая и подходя къ картинѣ въ другомъ концѣ кабинета.

— Но, вѣдь, она носить его фамилію, надѣюсь! — сказалъ Орловъ.

— Да, онъ, быть-можетъ, обязанъ по закону принять къ себѣ этого ребенка, я не знаю, но я пришелъ къ вамъ, Георгій Ивановичъ, не для того, чтобъ говорить о законахъ.

— Да, да, вы правы, — живо согласился онъ. — Я, кажется, говорю вздоръ. Но вы не волнуйтесь. Мы все это обсудимъ ко взаимному удовольствію. Не одно, такъ другое, не другое, такъ третье, а такъ или иначе этотъ щекотливый вопросъ будетъ рѣшенъ. Пекарскій все устроить. Вы будете добры, оставите мнѣ свой адресъ, и я сообщу вамъ немедленно то рѣшеніе, къ какому мы придемъ. Вы гдѣ живете?

Орловъ записалъ мой адресъ, вздохнулъ и сказалъ съ улыбкой:

— Что за комиссія, Создатель, быть малой дочери отцомъ! Но Пекарскій все устроить. Это «вумный» мужчина. А вы долго прожили въ Парижѣ?

— Мѣсяца два.

Мы помолчали. Орловъ, очевидно, боялся, что я опять заговорю о дѣвочкѣ и, чтобы отвлечь мое вниманіе въ другую сторону, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, уже забыли про свое письмо. А я берегу его. Ваше тогдашнее настроеніе я понимаю и, признаться, уважаю это письмо. Проклятая, холодная кровь, азіать, лошадиный смѣхъ — это мило и характерно, — продолжалъ онъ, иронически улыбаясь. — И основная мысль, пожалуй, близка къ правдѣ, хотя можно было бы спорить безъ конца. То-есть, — замылся онъ: — спорить не съ самою мыслью, а съ вашимъ отношеніемъ къ вопросу, съ вашимъ, такъ сказать, темпераментомъ. Да, моя жизнь ненормальна, испорчена, не годится ни къ чему, и начать новую жизнь мнѣ мѣшаетъ трусость, — тутъ вы совершенно правы. Но что вы такъ близко принимаете это къ сердцу, волнуетесь и приходите въ отчаяніе, — это не резонъ, тутъ вы совсѣмъ неправы.

— Живой человекъ не можетъ не волноваться и не отчаиваться, когда видитъ, какъ погибаетъ самъ и вокругъ гибнутъ другіе.

— Кто говоритъ! Я вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объек-

тивнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабѣли, опустились, пали наконецъ, наше поколѣніе сплошную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть-можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго,—другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится такъ-себѣ. Все обосновано и необходимо. А если такъ, то чего же намъ особенно беспокоиться и писать отчаянныя письма?

— Такъ-то такъ,—сказала я, подумавъ.—Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣй; къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ. Жизнь дается одинъ разъ, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется дѣлать исторію, чтобы тѣ же поколѣнія не имѣли права сказать про каждого изъ насъ: то было ничтожество, или еще хуже того... Я вѣрю и въ цѣлесообразность, и въ необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему «я»?

— Ну, что дѣлать! — вздохнулъ Орловъ, поднимаясь и какъ бы давая понять, что разговоръ нашъ уже конченъ. Я взялся за шапку.

— Только полчаса посидѣли, а сколько вопросовъ рѣшили, подумаешь! — говорилъ Орловъ, провожая меня до передней.—Такъ я позабочусь о томъ... Сегодня же повидаюсь съ Пекарскимъ. Будьте безъ сумлѣнія.

Онъ остановился въ ожиданіи, пока я одѣнусь, и видимо чувствовалъ удовольствіе отъ того, что я сейчасъ уйду.

— Георгій Ивановичъ, возвратите мнѣ мое письмо,—сказала я.

— Слушаю-съ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и черезъ минуту вернулся съ письмомъ. Я поблагодарилъ и вышелъ.

На другой день я получилъ отъ него записку. Онъ поздравляя меня съ благополучнымъ рѣшеніемъ вопроса. У Пекарскаго есть знакомая дама, писалъ онъ, которая держитъ пансіонъ, что-то въ родѣ дѣтскаго сада, куда принимаются даже очень маленькія дѣти. На даму можно положитья вполне, но прежде чѣмъ входить съ нею въ соглашеніе, не мѣшаетъ переговорить съ Красновскимъ — этого требуетъ формальность. Совѣтовалъ мнѣ немедленно отправиться къ Пекарскому и кстаги прихватить съ собою метрическое свидѣтельство, если таковое имѣется. «Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности вашего покорнаго слуги»...

Я читалъ это письмо, а Соня сидѣла на столѣ и смотрѣла на меня внимательно, не мигая, какъ будто знала, что рѣшается ея участь.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ.

Жиль-быль въ Москвѣ Владиміръ Семенычъ Лядовскій. Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету, служилъ въ контролѣ какой-то желѣзной дороги, но если бы вы спросили его, чѣмъ онъ занимается, то сквозь золотое рінсе-нез открыто и ясно поглядѣли бы на васъ большіе, блестящіе глаза, и тихій, бархатный, шепелявящій баритонъ отвѣтилъ бы вамъ:

— Я занимаюсь литературой!

Послѣ окончанія курса въ университетѣ, Владиміръ Семенычъ помѣстилъ въ одной газетѣ театральную замѣтку. Съ замѣтки перешелъ онъ къ библиографическому отдѣлу, а годъ спустя уже велъ въ газетѣ еженедѣльный критическій фельетонъ. Но изъ такого начала не слѣдуетъ, что онъ былъ дилетантъ, что его писательство имѣло случайный, преходящій характеръ. Когда я видѣлъ его чистенькую, худощавую фигурку, большой лобъ и длинную гриву, когда вслушивался въ его рѣчи, то мнѣ всякій разъ казалось, что его писательство, независимо отъ того, чтò и какъ онъ пишетъ, свойственно ему органически, какъ біеніе сердца, и что еще во чревѣ матери въ его мозгу сидѣла наростомъ вся его программа. Даже въ его походкѣ, жестикаціи, въ манерѣ сбрасывать съ палиросы пепель я читалъ всю эту программу отъ а до ижицы, со всей ея шумихой, скукой и порядочностью. Въ немъ былъ виденъ пишущій, когда съ вдохновеннымъ лицомъ возлагалъ онъ вѣнокъ на гробъ какой-нибудь знаменитости, или съ важнымъ, торжественнымъ выраженіемъ собиралъ подписи для

адреса; его страсть знакомиться съ извѣстными литераторами, способность находить таланты даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, постоянная восторженность, пульсъ 120 въ минуту, незнаніе жизни, та чисто женская возбужденность, съ какою онъ хлопоталъ на концертахъ и литературныхъ вечерахъ въ пользу учащейся молодежи, тяготѣніе къ молодежи—все это создало бы ему репутацію «пишущаго», если бы даже онъ и не писалъ своихъ фелъетоновъ.

Это пишущій, къ которому очень шло, когда онъ говорилъ: «Насъ немного!», или: «Что за жизнь безъ борьбы? Впередь!», хотя онъ ни съ кѣмъ никогда не боролся и никогда не шелъ впередъ. Не выходило также приторно, когда онъ начиналъ толковать объ идеалахъ. Въ каждую университетскую годовщину, въ Татьянинъ день, онъ напивался пьянъ, подтягивалъ не въ тонъ «gaudeamus», и въ это время его сіяющее, вспотѣвшее лицо какъ бы говорило: «Глядите, я пьянъ, я кучу!» Но и это шло къ нему.

Владиміръ Семенычъ искренно вѣровалъ въ свое право писать и въ свою программу, не зналъ никакихъ сомнѣній и, повидимому, былъ очень доволенъ собой. Одно только печалило его, а именно: у газеты, въ которой онъ работалъ, было мало подписчиковъ и не было солидной репутаціи. Но Владиміръ Семенычъ вѣровалъ, что рано или поздно ему удастся пристроиться въ толстомъ журналѣ, гдѣ онъ развернется и покажетъ себя — и его маленькая печаль блѣднѣла въ виду яркихъ надеждъ.

Бывая у этого милаго человѣка, я познакомился съ его родной сестрой, женщиной-врачомъ Вѣрой Семеновной. Съ перваго же взгляда эта женщина поразила меня своимъ утомленнымъ, крайне болѣзненнымъ видомъ. Она была молода, хорошо сложена, съ правильнымъ, нѣсколько грубоватымъ лицомъ, но, въ сравненіи съ подвижнымъ, изящнымъ и болтливымъ братомъ, казалась угловатой, вялой, неряшливой и угрюмой. Ея движенія, улыбки и слова носили въ себѣ что-то вымученное, холодное, апатичное, и она не правилась, ее считали гордой, недалекой.

На самомъ же дѣлѣ, мнѣ кажется, онъ отдыхала.

— Милый другъ мой, — часто говорилъ мнѣ ея братъ, вздыхая и красивымъ писательскимъ жестомъ откидывая назадъ волосы: — никогда не судите по наружности! Поглядите вы на эту книгу: она давно уже прочтена, закорузла,

растрепана, валяется въ пыли, какъ ненужная вещь, но раскройте ее, и она заставитъ васъ поблѣднѣть и заплакать. Моя сестра похожа на эту книгу. Приподнимите переплетъ, загляните въ душу, и васъ охватитъ ужасъ. Въ какіе-нибудь три мѣсяца Вѣра перенесла, сколько хватило бы на всю человѣческую жизнь!

Владиміръ Семенычъ оглядывался, бралъ меня за рукавъ и начиналъ шептать:

— Вы знаете, кончивъ курсъ, она вышла замужъ по любви за одного архитектора. Цѣлая драма! Едва успѣли молодые прожить мѣсяцъ, какъ мужъ—фюйтъ!— умираетъ отъ тифа. Но это не все. Она сама заражается отъ мужа тифомъ и, когда, выздоровѣвъ, узнаетъ, что ея Иванъ умеръ, принимаетъ хорошую дозу морфія. Если бы не энергія подругъ, то моя Вѣра была бы уже въ раю. Послушайте, развѣ это не драма? И развѣ моя сестра не похожа на *ingénue*, которая уже сыграла всѣ пять дѣйствій своей жизни? Пусть публика глядитъ водевиль, но *ingénue* должна ѣхать домой отдохнуть.

Вѣра Семеновна, переживъ три несчастныхъ мѣсяца, поселилась у брата. Практическая медицина была не по ней, не удовлетворяла и утомляла ее; да она и не производила впечатлѣнія знающей, и я ни разу не слышалъ, чтобы она говорила о чемъ-нибудь, имѣющемъ отношеніе къ ея наукѣ.

Она оставила медицину и въ бездѣльи и молчаніи, точно заключенная, поникнувъ головой и опустивъ руки, лѣниво и безцвѣтно доживала свою молодость. Единственное, къ чему она еще не относилась равнодушно и что немного проясняло ея жизненные сумерки, было присутствіе около нея брата, котораго она любила. Она любила его самого, его программу, благоговѣла передъ его фельетонами, и когда ее спрашивали, чѣмъ занимается ея братъ, она тихимъ голосомъ, точно боясь разбудить или помѣшать, отвѣчала: «Онъ пишетъ!..» Обыкновенно, когда онъ писалъ, она сидѣла возлѣ и не сводила глазъ съ его пишущей руки. Въ это время она походила на больное животное, грѣющееся на солнцѣ...

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ Владиміръ Семенычъ сидѣлъ у себя за столомъ и писалъ для газеты критическій фельетонъ, возлѣ сидѣла Вѣра Семеновна и по обы-

бновенію глядѣла на его пишущую руку. Критикъ писалъ быстро, безъ помарокъ и остановокъ. Перо поскрипывало и взвизгивало. На столѣ около пишущей руки лежала раскрытая, только-что обрѣзанная книжка толстаго журнала.

Тамъ былъ рассказъ изъ крестьянской жизни, подписанный двумя буквами. Владиміръ Семенычъ былъ въ восторгѣ. Онъ находилъ, что авторъ прекрасно справляется съ формой изложенія, въ описаніяхъ природы напоминаетъ Тургенева, искрененъ и знаетъ превосходно крестьянскую жизнь. Самъ критикъ былъ знакомъ съ этой жизнью только по книгамъ и по наслышкѣ, но чувство и внутреннее убѣжденіе заставляли его вѣрить рассказу. Онъ предсказывалъ автору блестящую будущность, увѣрялъ его, что ждетъ окончанія рассказа съ большимъ нетерпѣніемъ и проч.

— Прекрасный рассказъ!—проговорилъ онъ, откидываясь на спинку стула и закрывая глаза отъ удовольствія.—Идея въ высшей степени симпатичная!

Вѣра Семеновна поглядѣла на него, громко зѣвнула и вдругъ задала неожиданный вопросъ. Вообще вечерами она имѣла привычку нервно зѣвать и задавать короткіе, отрывистые вопросы, не всегда шедшіе къ дѣлу.

— Володя, — спросила она: — что значитъ непротивленіе злу?

— Непротивленіе злу? — переспросилъ братъ, открывая глаза.

— Да. Какъ ты его понимаешь?

— Видишь ли, милая, представь, что на тебя нападаютъ воры или разбойники и хотятъ тебя ограбить, а ты вмѣсто того, чтобы...

— Нѣтъ, ты дай логическое опредѣленіе.

— Логическое опредѣленіе? Гм!.. Ну, что жъ?—замаялся Владиміръ Семенычъ.—Непротивленіе злу выражаетъ безучастное отношеніе ко всему, что въ сферѣ нравственнаго именуется зломъ.

Сказавши это, Владиміръ Семенычъ нагнулся къ столу и принялся за повѣсть. Въ этой повѣсти, написанной женщиною, изображалась тягость нелегальнаго положенія свѣтской дамы, живущей подъ одной крышей съ любовникомъ и со своимъ незаконнорожденнымъ ребенкомъ. Владиміръ Семенычъ былъ доволенъ и симпатичной идеей, и фабулой,

и исполненіемъ. Передавая вкратцѣ содержаніе повѣсти, онъ выбиралъ лучшія мѣста и прибавлялъ къ нимъ отъ себя: «Не правда ли, какъ все это вѣрно дѣйствительности, какъ жизненно и картинно! Авторъ не только повѣствователь-художникъ, но онъ также и тонкій психологъ, умѣющій вглядываться въ душу своихъ персонажей. Для примѣра возьмемъ хоть это рельефное описаніе душевнаго состоянія героини во время встрѣчи ея съ мужемъ» и т. д.

— Володя!—перебила Вѣра Семеновна его критическія изліянія.—Странная мысль занимаетъ меня со вчерашняго дня. Я все думаю: что мы изображали бы изъ себя, если бы жизнь человѣческая была построена на началахъ непротивленія злу?

— По всей вѣроятности, ничего. Непротивленіе злу дало бы полную свободу преступной волѣ, а отъ этого, не говоря ужъ о цивилизаціи, на землѣ не осталось бы камня на камнѣ.

— А что же бы осталось?

— Баши-бузуки и дома терпимости. Въ слѣдующемъ фельетонѣ я поговорю насчетъ этого, пожалуй. Спасибо, что напомнила.

И мой пріятель черезъ недѣлю сдержалъ свое обѣщаніе. Это было какъ разъ время—восьмидесятые годы, когда у насъ въ обществѣ и печати заговорили о непротивленіи злу, о правѣ судить, наказывать, воевать, когда кое-кто изъ нашей среды сталъ обходиться безъ прислуги, уходилъ въ деревню пахать, отказывался отъ мясной пицци и плотской любви.

Прочитавъ фельетонъ брата, Вѣра Семеновна подумала и едва замѣтно пожала плечами.

— Очень мило!—сказала она.—Но все же я еще многого не понимаю. Напримѣръ, въ «Соборянахъ» Лѣскова есть одинъ чудакъ-огородникъ, который сѣетъ на долю всѣхъ: покупателей, нищихъ и тѣхъ, кто захочетъ украсть. Разумно онъ поступаетъ?

По выраженію лица и по тону сестры Владиміръ Семеновичъ понялъ, что его фельетонъ не понравился ей, и чуть ли не первый разъ въ жизни въ немъ вздрогнуло его авторское чувство. Не безъ раздраженія онъ отвѣтилъ:

— Кража—явленіе безнравственное. Сѣять на долю воровъ, значить, признавать за ворами право на ихъ суще-

ствованіе. Чтѣ бы ты сказала, если бы я, открывая газету и планируя ее на отдѣлы, кромѣ честныхъ идей имѣлъ бы въ виду еще и шантажъ? Вѣдь по логикѣ этого огородника я долженъ удѣлить мѣсто также и шантажистамъ, подлецамъ мысли! Да?

Вѣра Семеновна ничего не отвѣтила. Она встала изъ-за стола, лѣниво поплелась къ дивану и легла.

— Не знаю, ничего не знаю! — сказала она въ раздумьи.— Ты, вѣроятно, правъ, но мнѣ кажется, я такъ чувствую, что въ нашей борьбѣ со зломъ есть какая-то фальшь, точно что-то не досказано или скрыто. Богъ знаетъ, быть-можетъ, наши приемы въ противленіи злу принадлежать къ числу предрасудковъ, которые вкоренились въ насъ такъ глубоко, что мы уже не въ силахъ разстаться съ ними и потому уже не можемъ судить о нихъ правильно.

— То-есть какъ же это?

— Я не знаю, какъ тебѣ объяснить. Быть-можетъ, человекъ ошибается, думая, что онъ обязанъ и имѣть право бороться со зломъ, такъ же, какъ ошибается, думая, напримѣръ, что сердце имѣетъ видъ червоннаго туза. Очень можетъ быть, что въ борьбѣ со зломъ мы имѣемъ право дѣйствовать не силой, а тѣмъ, чтѣ противоположно силѣ, то-есть, если ты, напримѣръ, хочешь, чтобы у тебя не украли этой картины, то не запирай ее, а отдай...

— Умно, очень умно! Если я хочу жениться на богатой купчихѣ, то, чтобы помѣшать мнѣ сдѣлать эту подлость, купчиха должна поспѣшить сама выйти за меня замужъ!

До полуночи бесѣдовали братъ и сестра, не понимая другъ друга. Если бы посторонній человекъ подслушалъ ихъ, то едва ли бы понялъ, чего хочетъ одинъ и чего хочетъ другая.

Вечерами братъ и сестра обыкновенно сидѣли дома. Знакомыхъ семейныхъ домовъ у нихъ не было, да они и не чувствовали потребности въ знакомствахъ, въ театрѣ ходили только на новыя пьесы,—таковъ былъ тогда обычай у интеллигентныхъ,—на концертахъ не бывали, потому что не любили музыки...

— Ты какъ хочешь думай, — сказала на другой день Вѣра Семеновна:—но для меня вопросъ уже отчасти рѣшенъ. Глубоко я убѣждена, что противиться злу, направленному противъ меня лично, я не имѣю никакого осно-

ванія. Захотятъ убить меня? Пусть. Отъ того, что я буду защищаться, убійца не станетъ лучше. Теперь для меня остается только рѣшить вторую половину вопроса: какъ я должна относиться къ злу, направленному противъ моихъ ближнихъ?

— Вѣра, ты не взбѣсись!—сказалъ Владиміръ Семенычъ и засмѣялся.—Непротивленіе становится, какъ я вижу, твоей *idée-fixe*!

Ему хотѣлось разыграть эти скучные разговоры въ шутку, но какъ-то уже было не до шутокъ, улыбка на лицѣ выходила кривой и кислой. Сестра ужъ не садилась у его стола и не слѣдила благоговѣнно за его пишущей рукой, а самъ онъ каждый вечеръ чувствовалъ, что позади него на диванѣ лежитъ человѣкъ, не согласный съ нимъ... И спина у него какъ будто деревянѣла и нѣмѣла, а въ душѣ вѣяло холодомъ. Авторское чувство злопамятно, неумолимо, не знаетъ прощенія, а сестра была первая и единственная, которая обнажила и растревожила это безпокойное чувство, похожее на большой ящикъ съ посудой, которую распаковать легко, но уложить опять, какъ она была, невозможно.

Проходили недѣли и мѣсяцы, а сестра не оставляла своихъ мыслей и не садилась у стола. Однажды, весеннимъ вечеромъ, Владиміръ Семенычъ сидѣлъ за столомъ и писалъ фельетонъ. Онъ разбиралъ повѣсть о томъ, какъ одна сельская учительница отказываетъ любимому и любящему ее человѣку, богатому и интеллигентному, только потому, что для нея съ бракомъ сопряжена невозможность продолжать свою педагогическую дѣятельность. Вѣра Семеновна лежала на диванѣ и думала о чемъ-то.

— Боже, какая скука!—сказала она, потягиваясь.—Какъ вяло и безсодержательно течетъ жизнь! Я не знаю, что дѣлать съ собой, а ты тратишь свои лучшіе годы на Богъ знаетъ что. Какъ алхимикъ, роешься въ старомъ, никому ненужномъ хламѣ—о, Боже мой!

Владиміръ Семенычъ выронилъ перо и медленно оглянулся на сестру.

— Скучно глядѣть на тебя! — продолжала сестра. — Вагнеръ изъ «Фауста» выкапывалъ червей, но тотъ хотя куда искалъ, а ты ищешь червей ради червей...

— Туманно-съ!

— Да, Володя, всё эти дни я думала, долго, мучительно думала и убѣдилась: ты безнадежный обскурантъ и рутинеръ. Ну, спроси себя, что можетъ дать тебѣ твоя усердная и добросовѣстная работа? Скажи: что? Вѣдь изъ этого стараго хлама, въ которомъ ты роешься, давно уже извлекли все, что можно было извлечь. Какъ ни толки воду въ стулѣ, какъ ни разлагай ее, а больше того, что уже сказано химиками, не скажешь...

— Вотъ ка-акъ!—протянулъ Владиміръ Семенычъ, поднимаясь.—Да, все это старыи хламъ, потому что идеи эти вѣчны, но что же по-твоему ново?

— Ты берешься работать въ области мысли, твое дѣло придумать что-нибудь новое. Не мнѣ тебя учить.

— Я — алхимикъ! — удивлялся и возмущался критикъ, насмѣшливо щура глаза. — Искусство, прогрессъ — это алхимія!?

— Видишь ли, Володя, мнѣ кажется, что если бы всё вы, мыслящіе люди, посвятили себя рѣшенію большихъ задачъ, то всё эти твои вопросыки, надъ которыми ты теперь бьешься, рѣшились бы сами собой, побочнымъ путемъ. Если ты поднимешься на шарфъ, чтобы увидѣть городъ, то поневолѣ, само собою, увидишь и поле, и деревни, и рѣки... Когда добываютъ стеаринъ, то, какъ побочный продуктъ, получается глицеринъ. Мнѣ кажется, что современная мысль засѣла на одномъ мѣстѣ и прилипла къ этому мѣсту. Она предубѣждена, вяла, робка, боится широкаго, гигантскаго полета, какъ мы съ тобой боимся взобраться на высокую гору, она консервативна.

Подобныя разговоры не проходили безслѣдно. Взаимныя отношенія брата и сестры съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Братъ въ присутствіи сестры уже не могъ работать и раздражался, когда зналъ, что сестра лежитъ на диванѣ и глядитъ ему въ спину; сестра же какъ-то болѣзненно морщилась и потягивалась, когда онъ, пытаясь вернуть прошлое, пробовалъ дѣлиться съ нею своими восторгамъ. Каждый вечеръ она жаловалась на скуку, заводила рѣчь о свободѣ мысли, о рутинерахъ. Увлеченная своими новыми мыслями, Вѣра Семеновна доказывала, что работа, въ которую былъ погруженъ ея братъ, есть предразсудокъ, тщетная попытка консервативныхъ умовъ продолжать то, что уже сослужило свою службу и уже сходить со сцены.

Сравненіямъ не было конца. Она сравнивала брата то съ алхимикомъ, то съ раскольникомъ-начетчикомъ, который скорѣе умретъ, чѣмъ поддастся убѣжденію...

Мало-по-малу стала замѣчаться переменѣна и въ ея образѣ жизни. Она могла уже по цѣлымъ днямъ и вечерамъ лежать на диванѣ, ничего не дѣлая, не читая, а только думая, причѣмъ лицо ея принимало холодное, сухое выраженіе, какое бываетъ у людей одностороннихъ, сильно вѣрующихъ; она стала отказываться отъ удобствъ, доставляемыхъ прислугой: сама за собой убирала, выносила, сама чистила полусапожки и платье. Братъ не могъ безъ раздраженія и даже ненависти глядѣть на ея холодное лицо, когда она принималась за черную работу. Въ этой работѣ, совершаемой всегда съ нѣкоторою торжественностью, онъ видѣлъ что-то натянутое, фальшивое, видѣлъ и фарисейство, и кокетство. И ужъ зная, что онъ не въ силахъ тронуть ее убѣжденіемъ, онъ, какъ школьникъ, придирался, дразнилъ ее.

— Не противишься злу, а сама противишься тому, что я имѣю прислугу! — язвилъ онъ. — Если прислуга зло, то зачѣмъ же ты противишься? Это непоследовательно!

Онъ страдалъ, возмущался и даже стыдился. Ему стыдно дѣлалось, когда сестра начинала дурить при постороннихъ.

— Ужасно, голубчикъ!—говорилъ онъ мнѣ по секрету, въ отчаяніи взмахивая руками.—Оказывается, что наша ingénue осталась играть еще и въ водевилѣ. Опсихопатилась до мозга костей! Я уже рукой махнулъ, пусть мыслить, какъ хочетъ, но зачѣмъ она говоритъ, зачѣмъ волнуешь меня. Она бы подумала: каково-то мнѣ слушать ее? Каково мнѣ, когда въ моемъ присутствіи осмѣливаются кощунственно подтверждать свое заблужденіе ученіемъ Христа? Мнѣ душно! Меня бросаетъ въ жаръ, когда моя сестрица беретъ проповѣдывать свое ученіе и старается перетолковать Евангеліе въ свою пользу, когда она нарочно умалчиваетъ объ изгнаніи торгующихъ изъ храма! Вотъ что значить, батенька, недоразвитіе, недомысліе! Вотъ что значить медицинскій факультетъ, не дающій общаго развитія!

Разъ Владиміръ Семенычъ, вернувшись со службы домой, засталъ сестру плачущей. Она сидѣла на диванѣ, опу-

стивъ голову и ломая руки, и обильныя слезы текли у нея по лицу. Доброе сердце критика сжалось отъ боли. Слезы потекли и у него изъ глазъ, и ему захотѣлось приласкать сестру, простить ее, попросить прощенія, зажить по-старому... Онъ сталъ на колѣни, осыпалъ поцѣлуями ея голову, руки, плечи... Она улыбнулась, улыбнулась непонятно, горько, а онъ радостно вскрикнулъ, вскочилъ, схватилъ со стола журналъ и сказалъ съ жаромъ:

— Ура! Живемъ по-старому, Вѣрочка! Господи благовослови! А какую я для тебя штучку приготовилъ! Давай-ка вмѣсто примирительнаго шампанскаго прочтемъ ее вмѣстѣ! Прекрасная, чудная вещь!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...—испугалась Вѣра Семеновна, отстраняя книгу.—Я уже читала! Не нужно, не нужно!

— Когда же ты читала?

— Годъ... два назадъ... Давно читала и знаю, знаю!

— Гм!.. Ты фанатичка!—сказалъ холодно братъ, бросая на столъ журналъ.

— Нѣтъ, ты фанатикъ, а не я! Ты!

И Вѣра Семеновна опять залилась слезами. Братъ стоялъ передъ ней, глядѣлъ на ея вздрагивающія плечи и думалъ. Думалъ онъ не о мукахъ одиночества, какое переживаетъ всякій, начинающій мыслить по-новому, по-своему, не о страданіяхъ, какія неизбѣжны при серьезномъ душевномъ переворотѣ, а о своей оскорбленной программѣ, о своемъ уязвленномъ авторскомъ чувствѣ.

Съ этого раза сталъ онъ относиться къ сестрѣ холодно, небрежно-насмѣшливо и терпѣлъ ее въ своей квартирѣ, какъ терпятъ старухъ-приживалокъ, она же перестала спорить съ нимъ и на всѣ его убѣжденія, насмѣшки и придирки отвѣчала снисходительнымъ молчаніемъ, которое еще болѣе раздражало его.

Въ одно лѣтнее утро Вѣра Семеновна, одѣтая по-дорожному, съ сумочкой черезъ плечо, вошла къ брату и холодно поцѣловала его въ лобъ.

— Ты это куда?—удивился Владиміръ Семенычъ.

— Въ N—скую губернію, оспу прививать.

Братъ вышелъ проводить ее на улицу.

— Ишь, ты, проказница, что надумала... — бормоталъ онъ.—Денегъ тебѣ не нужно?

— Нѣтъ, спасибо. Прощай.

Сестра пожала брату руку и пошла.

— Что же ты извозчика не нанимаешь?—крикнулъ Владиміръ Семенычъ.

Докторша не отвѣчала. Братъ поглядѣлъ вслѣдъ на ея рыжій ватерпруфъ, на покачиванія ея стана отъ лѣнливой походки, насильно вздохнулъ, но не возбудилъ въ себѣ чувства жалости. Сестра была для него уже чужой. Да и онъ былъ чуждъ для нея. По крайней мѣрѣ, она ни разу не оглянулась.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Владиміръ Семенычъ тотчасъ же сѣлъ за столъ и принялся за фельетонъ.

И потомъ уже я ни разу не видѣлъ Вѣры Семеновны. Гдѣ она теперь — не знаю. А Владиміръ Семенычъ все писалъ свои фельетоны, возлагалъ вѣнки, пѣлъ «gaudeamus», хлопоталъ о «кассѣ взаимопомощи сотрудниковъ московскихъ повременныхъ изданій».

Какъ-то онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкаго; лежалъ онъ больной три мѣсяца, сначала дома, потомъ въ Голицынской больницѣ. Образовалась у него фистула въ колѣнѣ. Поговаривали о томъ, что надо бы отправить его въ Крымъ, стали собирать въ его пользу. Но въ Крымъ онъ не поѣхалъ—умеръ. Мы похоронили его въ Ваганьковскомъ кладбищѣ, на лѣвой сторонѣ, гдѣ хоронятъ артистовъ и литераторовъ.

Какъ-то мы, пишущіе, сидѣли въ Татарскомъ ресторанѣ. Я рассказалъ, что недавно я былъ въ Ваганьковскомъ кладбищѣ и видѣлъ могилу Владиміра Семеныча. Могила была совершенно заброшена, сравнялась уже почти съ землей, крестъ пожалился; необходимо было привести ее въ порядокъ, собрать для этого нѣсколько рублей...

Но меня выслушали равнодушно, не отвѣтили ни слова, и я не собралъ ни копейки. Уже никто не помнилъ Владиміра Семеныча. Онъ былъ совершенно забытъ.

БАБЬЕ ЦАРСТВО.

I.

Наканунъ.

Вотъ толстый денежный пакетъ. Это изъ лѣсной дачи, отъ приказчика. Онъ пишетъ, что посылаетъ полторы тысячи рублей, которыя онъ отсудилъ у кого-то, выигравъ дѣло во второй инстанціи. Анна Акимовна не любила и боялась такихъ словъ, какъ отсудилъ и выигралъ дѣло. Она знала, что безъ правосудія нельзя, но почему-то, когда директоръ завода Назарычъ или приказчикъ на дачѣ, которые часто судились, выигрывали въ пользу ея какое-нибудь дѣло, то ей всякій разъ становилось жутко и какъ будто совѣстно. И теперь ей стало жутко и неловко, и захотѣлось отложить эти полторы тысячи куда-нибудь подале, чтобы не видѣть ихъ.

Она думала съ досадой: ея ровесницы,—а ей шель двадцать-шестой годъ,—теперь хлопочутъ по хозяйству, утомились и крѣпко уснуть, а завтра утромъ проснутся въ праздничномъ настроеніи; многія изъ нихъ давно уже повиходили замужъ и имѣютъ дѣтей. Только она одна почему-то обязана, какъ старуха, сидѣть за этими письмами, дѣлать на нихъ помѣтки, писать отвѣты, потомъ весь вечеръ до полуночи ничего не дѣлать и ждать, когда захочется спать, а завтра весь день будутъ ее поздравлять и просить у ней, а послѣ-завтра на заводѣ непременно случится какой-нибудь скандалъ.—побьютъ кого, или кто-нибудь умретъ отъ водки, и ее почему-то будетъ мучить совѣсть; а послѣ праздниковъ Назарычъ уволитъ за прогулъ человѣкъ двадцать,

и всё эти двадцать будутъ безъ шапокъ жаться около ея крыльца, и ей будетъ совѣстно выйти къ нимъ, и ихъ прогонять, какъ собакъ. И всё знакомые будутъ говорить за глаза и писать ей въ анонимныхъ письмахъ, что она миллионерша, эксплуататорша, что она заѣдаетъ чужой вѣкъ и сосетъ у рабочихъ кровь.

Вотъ въ сторонѣ лежитъ пачка прочитанныхъ и уже отложенныхъ писемъ. Это отъ просителей. Тутъ голодные, пьяные, обремененные многочисленными семействами, больные, униженные, непризнанные... Анна Акимовна уже намѣтила на каждомъ письмѣ, кому три рубля, кому пять; письма эти сегодня же пойдутъ въ контору, и завтра тамъ будетъ происходить выдача пособій, или, какъ говорятъ служащіе, кормленіе звѣрей.

Раздадутъ по мелочамъ и 470 рублей—проценты съ капитала, завѣщаннаго покойнымъ Акимомъ Ивалычемъ на нищихъ и убогихъ. Будетъ безобразная толкотня. Отъ воротъ до дверей конторы потянется гусемъ длинный рядъ какихъ-то чужихъ людей со звѣриными лицами, въ дохмотьяхъ, озябшихъ, голодныхъ и уже пьяныхъ, поминающихъ хриплыми голосами матушку-благодѣтельницу Анну Акимовну и ея родителей; задніе будутъ напирать на переднихъ, а передніе—браниться нехорошими словами. Конторщикъ, которому прискучать шумъ, брань и кричитыванія, выскочитъ и дастъ кому-нибудь по уху ко всеобщему удовольствію. А свои люди, рабочіе, не получившіе къ празднику ничего, кромѣ своего жалованья, и уже истратившіе все до копейки, будутъ стоять среди двора, смотрѣть и посмѣиваться—одни завистливо, другіе иронически.

«Купцы, а особенно купчихи больше любятъ нищихъ, чѣмъ своихъ рабочихъ,—подумала Анна Акимовна.—Это всегда такъ».

Взглядъ ея упалъ на денежный пакетъ. Хорошо бы раздать завтра эти ненужныя, противныя деньги рабочимъ, но нельзя ничего давать рабочему даромъ, а то запроситъ въ другой разъ. Да и что значать эти полторы тысячи, если на заводѣ всѣхъ рабочихъ тысяча-восемьсотъ слишкомъ, не считая ихъ жень и дѣтей? А то, пожалуй, выбрать одного изъ просителей, писавшихъ эти письма, какого-нибудь несчастнаго, давно уже потерявшаго надежду на лучшую жизнь, и отдать ему полторы тысячи. Бѣдняка ошеломятъ эти

деньги, какъ громъ, и, быть-можетъ, первый разъ въ жизни онъ почувствуетъ себя счастливымъ. Эта мысль показалась Аннѣ Акимовнѣ оригинальной и забавной и развлекала ее. Она наудачу потянула изъ пачки одно письмо и прочла. Какой-то губернской секретарь Чаликовъ давно уже безъ мѣста, боленъ и проживаетъ въ домѣ Гущина; жена въ чашоткѣ, пять малолѣтнихъ дочерей. Гущинскій четырехъэтажный домъ, въ которомъ жилъ Чаликовъ, хорошо знала Анна Акимовна. Ахъ, нехорошій, гнилой, нездоровый домъ!

— Вотъ отдамъ этому Чаликову,—рѣшила она.—Посылать не стану, лучше сама съезу, чтобы не было лишнихъ разговоровъ. Да,—разсуждала она, пряча въ карманъ полторы тысячи.—посмотрю и, пожалуй, дѣвочекъ куда-нибудь пристрою.

Ей стало весело, она позвонила и приказала подавать лошадей.

Когда она садилась въ сани, былъ седьмой часъ вечера. Окна во всѣхъ корпусахъ были ярко освѣщены, и оттого на громадномъ дворѣ казалось очень темно. У воротъ и далеко въ глубинѣ двора, около складовъ и рабочихъ баракъ горѣли электрическіе фонари.

Этихъ темныхъ, угрюмыхъ корпусовъ, складовъ и баракъ, гдѣ жили рабочіе, Анна Акимовна не любила и боялась. Въ главномъ корпусѣ послѣ смерти отца она была только одинъ разъ. Высокіе потолки съ желѣзными балками, множество громадныхъ, быстро вертящихся колесъ, приводныхъ ремней и рычаговъ, пронзительное шипѣніе, визгъ стали, дребезжанье вагонетокъ, жесткое дыханіе пара, блѣдныя или багровыя или черныя отъ угольной пыли лица, мокрая отъ пота рубаха, блескъ стали, мѣди и огня, запахъ масла и угля, и вѣтеръ, то очень горячій, то холодный, произвели на нее впечатлѣніе ада. Ей казалось, будто колеса, рычаги и горячіе шипящіе цилиндры стараются сорваться со своихъ связей, чтобы уничтожить людей, а люди, съ озабоченными лицами, не слыша другъ друга, бѣгаютъ и суетятся около машинъ, стараясь остановить ихъ страшное движеніе. Аннѣ Акимовнѣ что-то показывали и почтительно объясняли. Она помнитъ, какъ въ кузнечномъ отдѣленіи вытащили изъ печи кусокъ раскаленнаго желѣза, и какъ одинъ старикъ съ ремешкомъ на головѣ, а другой—молодой, въ синей блузѣ, съ цѣпочкой на груди и съ сер-

дитымъ лицомъ, должно-быть, изъ старшихъ, ударили молотками по куску желѣза, и какъ брызнули во всѣ стороны золотыя искры, и какъ, немного погодя, гремѣли передъ ней громаднымъ кускомъ листового желѣза; старикъ стоялъ на вытяжку и улыбался, а молодой вытиралъ рукавомъ мокрое лицо и объясняятъ ей что-то. И она еще помнитъ, какъ въ другомъ отдѣленіи старикъ съ однимъ глазомъ пилилъ кусокъ желѣза, и сыпались желѣзныя опилки, и какъ рыжій, въ темныхъ очкахъ и съ дырами на рубахѣ, работалъ у токарнаго станка, дѣлая что-то изъ куска стали; станокъ ревѣлъ и визжалъ и свистѣлъ, а Анну Акимовну тошнило отъ этого шума, и казалось, что у нея сверлятъ въ ушахъ. Она глядѣла, слушала, не понимала, благосклонно улыбалась, и ей было стыдно. Кормиться и получать сотни тысячъ отъ дѣла, котораго не понимаешь и не можешь любить,—какъ это странно!

А въ рабочихъ баракахъ она не была ни разу. Тамъ, говорятъ, сырость, клопы, развратъ, безначаліе. Удивительное дѣло: на благоустройство бараконъ уходятъ ежегодно тысячи рублей, а положеніе рабочихъ, если вѣрить анонимнымъ письмамъ, съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже...

«При отцѣ было больше порядка, — думала Анна Акимовна, выѣзжая со двора: — потому что онъ самъ былъ рабочій и зналъ, что нужно. Я же ничего не знаю и дѣлаю одиѣ глупости».

Ей опять стало скучно, и она была уже не рада, что поѣхала, и мысль о счастливцѣ, на котораго сваливаются съ неба полторы тысячи, уже не казалась ей оригинальной и забавной. Фхатъ къ какому-то Чаликову, когда дома постепенно разрушается и падаетъ миллионное дѣло, и рабочіе въ баракахъ живутъ хуже арестантовъ, — это значить дѣлать глупости и обманывать свою совѣсть. По шоссе и около него черезъ поле, направляясь къ городскимъ огнямъ, шли толпами рабочіе изъ сосѣднихъ фабрикъ—ситцевой и бумажной. Въ морозномъ воздухѣ раздавались смѣхъ и веселый говоръ. Анна Акимовна поглядѣла на женщинъ и малолѣтковъ, и ей вдругъ захотѣлось простоты, грубости, тѣсноты. Она ясно представила себѣ то далекое время, когда ее звали Анюткой, и когда она, маленькая, лежала подъ однимъ одѣяломъ съ матерью, а рядомъ, въ другой

комнатѣ, стирала бѣлье жилища-прачка, и изъ сосѣднихъ квартирѣ, сквозь тонкія стѣны, слышались смѣхъ, брань, дѣтскій плачь, гармоника, жужжаніе токарныхъ станковъ и швейныхъ машинъ, а отецъ, Акимъ Иванычъ, знавшій почти всѣ ремесла, не обращая никакого вниманія на тѣсноту и шумъ, паялъ что-нибудь около печки или чертиль или строгаль. И ей захотѣлось стирать, гладить, бѣгать въ лавку и кабакъ, какъ это она дѣлала каждый день, когда жила съ матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой! Ея большой домъ съ люстрами и картинами, лакей Мишенька во фракѣ и съ бархатными усиками, благолѣпная Варварушка и льстивая Агаөбюшка, и эти молодые люди обоего пола, которые почти каждый день приходятъ къ ней просить денегъ, и передъ которыми она почему-то всякій разъ чувствуетъ себя виноватой, и эти чиновники, доктора и дамы, благотворящіе на ея счетъ, льстящіе ей и презирающіе ее втайнѣ за низкое происхожденіе, — какъ все это уже прискучило и чуждо ей!

Вотъ желѣзнодорожный переѣздъ и застава; пошли дома вперемежку съ огородами; вотъ, наконецъ, и широкая улица, гдѣ стоитъ знаменитый домъ Гущина. На улицѣ, обыкновенно тихой, теперь по случаю кануна праздника было большое движеніе. Въ трактирахъ и портерныхъ шумѣли. Если бы проѣзжалъ теперь по улицѣ кто-нибудь не здѣшній, живущій въ центрѣ города, то онъ замѣтилъ бы только грязныхъ, пьяныхъ и ругателей, но Анна Акимовна, жившая съ дѣтства въ этихъ краяхъ, узнавала теперь въ толпѣ то своего покойнаго отца, то мать, то дядю. Отецъ былъ мягкая, расплывчатая душа, немножко фантазеръ, безпечный и лекомысленный; у него не было пристрастія ни къ деньгамъ, ни къ почету, ни къ власти; онъ говорилъ, что рабочему человѣку некогда разбирать праздники и ходить въ церковь; и если бъ не жена, то онъ, пожалуй, никогда бы не говѣлъ и въ постъ ѣлъ бы скоромное. А дядя, Иванъ Иванычъ, наоборотъ, былъ кремьнь; во всемъ, что относилось къ религіи, политикѣ и нравственности, онъ былъ крутъ и неумолимъ, и наблюдалъ не только за собой, но и за всѣми служалцами и знакомыми. Не дай Богъ, бывало, пойти къ нему въ компану и не перекреститься! Роскошныя хоромы, въ которыхъ живетъ теперь Анна Акимовна, онъ держалъ занертыми и отпиралъ ихъ только въ большіе

праздники для важныхъ гостей, а самъ жилъ въ конторѣ, въ одной маленькой комнаткѣ, уставленной образами. Онъ тяготѣлъ къ старой вѣрѣ и постоянно принималъ у себя старообрядческихъ архіереевъ и поповъ, хотя былъ крещенъ и вѣчанъ, и жену свою похоронилъ по обряду православной церкви. Брата Акима, своего единственнаго наследника, онъ не любилъ за легкомысліе, которое называлъ простотой и глупостью, и за равнодушіе къ вѣрѣ. Онъ держалъ его въ черномъ тѣлѣ, на положеніи рабочаго, платилъ ему по 16 руб. въ мѣсяць. Акимъ говорилъ своему брату *вы* и въ прощенные дни со всѣмъ своимъ семействомъ кланялся ему въ ноги. Но года за три до своей смерти Иванъ Ивановичъ приблизилъ его къ себѣ, простилъ и приказалъ нанять для Аютки гувернантку.

Ворота подъ домомъ Гущина темныя, глубокия, вонючія; слышно, какъ около стѣнъ покашливаютъ мужчины. Оставивъ сани на улицѣ, Анна Акимовна вошла во дворъ и спросила тутъ, какъ пройти въ 46-й номеръ къ чиновнику Чаликову. Ее направили къ крайней двери направо, въ третій этажъ. И во дворѣ, и около крайней двери, даже на лѣстницѣ былъ тотъ же противный запахъ, что и подъ воротами. Въ дѣтствѣ, когда отецъ Анны Акимовны былъ простымъ рабочимъ, она жила въ такихъ домахъ, и потомъ, когда обстоятельства измѣнились, часто посѣщала ихъ въ качествѣ благотворительницы; узкая каменная лѣстница съ высокими ступенями, грязная, прерываемая въ каждомъ этажѣ площадкою; засаленный фонарь въ пролетѣ; смрадь, на площадкахъ около дверей корыта, горшки, ломотья,—все это было знакомо ей уже давнымъ-давно... Одна дверь была открыта, и въ нее видно было, какъ на столахъ сидѣли портныи-евреи въ шапкахъ и шили. На лѣстницѣ Аннѣ Акимовнѣ встрѣчались люди, но ей и въ голову не приходило, что ее могутъ обидѣть. Рабочихъ и мужиковъ, трезвыхъ и пьяныхъ, она такъ же мало боялась, какъ своихъ интеллигентныхъ знакомыхъ.

Въ квартирѣ № 46 сѣней не было, и начиналась она съ кухни. Обыкновенно въ квартирахъ фабричныхъ и мастеровыхъ пахнетъ лакомъ, смолой, кожей, дымомъ, смотря по тому, чѣмъ занимается хозяинъ; квартиры же обѣднѣвшихъ дворянъ и чиновниковъ узнаются по промозглому запаху какой-то кислоты. Этотъ противный запахъ обдалъ Анну

Акимовну и теперь, едва она переступила порогъ. Въ углу за столомъ сидѣлъ спиной къ двери какой-то мужчина въ черномъ сюртукѣ, должно-быть, самъ Чаликовъ, и съ нимъ пять дѣвочекъ. Старшей, широколицей и худенькой, съ гребенкой въ волосахъ, было на видъ лѣтъ пятнадцать, а младшей, пухленькой, съ волосами какъ у ежа,—не больше трехъ. Всѣ шестеро ѣли. Около печи, съ ухватомъ въ рукѣ, стояла маленькая, очень худая, съ желтымъ лицомъ женщина въ юбкѣ и бѣлой кофточкѣ, беременная.

— Не ожидалъ я отъ тебя, Лизочка, что ты такая непослушная, — говорилъ мужчина съ укоризной. — Ай, ай, какъ стыдно! Значить, ты хочешь, чтобы папочка тебя высѣкъ, да?

Увидѣвъ на порогѣ незнакомую даму, тощая женщина вздрогнула и оставила хватъ.

— Василий Никитичъ!—окликнула она не сразу, глухимъ голосомъ, какъ будто не вѣря своимъ глазамъ.

Мужчина оглянулся и вскочилъ. Это былъ костлявый, узкоплечій человекъ, со впалыми висками и съ плоскою грудью. Глаза у него были маленькіе, глубокіе, съ темными кругами, носъ длинный, птичій и немножко покривившійся вправо, ротъ широкій. Борода у него двоилась, усы онъ брилъ и отъ этого походилъ больше на выѣздного лакея, чѣмъ на чиновника.

— Здѣсь живетъ господинъ Чаликовъ?—спросила Анна Акимовна.

— Точно такъ-съ, — строго отвѣтилъ Чаликовъ, но тотчасъ же узнавъ Анну Акимовну и вскрикнулъ: — Госпожа Глаголева! Анна Акимовна!—и вдругъ задохнулся и всплеснулъ руками, какъ бы отъ страшнаго испуга. — Благодаръ-тебница.

Со стономъ онъ подбѣжалъ къ ней и, мыча, какъ параличный,—на бородѣ у него была кануста, и пахло отъ него водкой,—припалъ лбомъ къ муфтѣ и какъ бы замеръ.

— Ручку! Ручку святую!—проговорилъ онъ, задыхаясь.— Сонъ! Прекрасный сонъ! Дѣти, разбудите меня!

Онъ повернулъ къ столу и сказалъ рыдающимъ голосомъ, потрясая кулаками:

— Провидѣніе услышало насъ! Пришла наша избавительница, нашъ ангелъ! Мы спасены! Дѣти, на колѣни! На колѣни!

Госпожа Чаликова и дѣвочки, кромѣ самой младшей, стали для чего-то быстро убирать со стола.

— Вы писали, что ваша жена очень больна,—сказала Анна Акимовна, и ей стало совѣстно и досадно.

«Полторы тысячи я ему не дамъ»,—подумала она.

— Вотъ она, моя жена!—сказалъ Чаликовъ тонкимъ женскимъ голоскомъ, какъ будто слезы ударили ему въ голову.—Вотъ она, несчастная! Одною ногою въ могилѣ! Но мы, сударыня, не роищемъ. Легче умереть, чѣмъ такъ жить. Умирай, несчастная!

«Что онъ ломается?—подумала Анна Акимовна съ досадой.—Сейчасъ видно, что привыкъ имѣть дѣло съ кушцами».

— Говорите со мной, пожалуйста, по-человѣчески,—сказала она.—Я комедій не люблю.

— Да, сударыня, пятеро осиротѣвшихъ дѣтей вокругъ гроба матери при погребальныхъ свѣчахъ—это комедія! Эхъ!—сказалъ Чаликовъ съ горечью и отвернулся.

— Замолчи!—шепнула жена и дернула его за рукавъ.— У насъ, сударыня, не прибрано,—сказала она, обращаясь къ Аннѣ Акимовнѣ:—ужъ вы извините... Дѣло семейное, сами изволите знать. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

«Не дамъ я имъ полторы тысячи»,—онять подумала Анна Акимовна.

И, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ людей и отъ кислаго запаха, она уже достала портмонэ и рѣшила оставить рублей 25—не больше; но ей вдругъ стало совѣстно, что она ѣхала такъ далеко и безпокоила людей изъ-за пустяковъ.

— Если вы дадите мнѣ бумаги и чернилъ, то я сейчасъ напишу доктору, моему хорошему знакомому, чтобы онъ по-бывалъ у васъ,—сказала она, краснѣя.—Докторъ очень хорошій. А на лѣкарства я вамъ оставляю.

Госпожа Чаликова бросилась стирать со стола.

— Здѣсь не чисто! Куда ты?—прошипѣлъ Чаликовъ, глядя на нее со злобой.—Проводи къ жильцу! Пожалуйте, сударыня, къ жильцу, осмѣлюсь просить васъ,—обратился онъ къ Аннѣ Акимовнѣ.—Тамъ чисто.

— Оснѣжь Ильичъ не велѣлъ ходить въ его комнату!—сказала строго одна изъ дѣвочекъ.

По Анну Акимовну уже повели изъ кухни черезъ узкую

проходную комнату, межъ двухъ кроватей; видно было по расположенію постелей, что на одной спали двое вдоль, а на другой—трое поперекъ. Въ слѣдующей затѣмъ комнатѣ жильца, въ самомъ дѣлѣ, было чисто. Опрятная постель съ краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, подушка въ бѣлой наволочкѣ, даже банмачокъ для часовъ, столъ, покрытый пеньковою скатертью, а на немъ чернильница молочнаго цвѣта, перья, бумага, фотографіи въ рамочкахъ, все какъ слѣдуетъ, и другой столъ, черный, на которомъ въ порядкѣ лежали часовые инструменты и разобранные часы. На стѣнахъ были развѣшаны молотки, клещи, буравчики, стамески, плоскозубцы и т. п., и висѣло трое стѣнныхъ часовъ, которые тикали; одни часы громадные, съ толстыми гириями, какіе бывають въ трактирахъ.

Принимаясь за письмо, Анна Акимовна увидѣла передъ собой на столѣ портретъ отца и свой портретъ. Это ее удивило.

— Кто здѣсь у васъ живетъ?—спросила она.

— Жилецъ, сударыня, Пименовъ. Онъ у васъ на заводѣ служить.

— Да? А я думала, часовой мастеръ.

— Часами онъ занимается приватнымъ образомъ, между дѣломъ. Любитель-съ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, когда слышно было только, какъ тикали часы и скрипѣло перо по бумагѣ, Чаликовъ вздохнулъ и сказалъ насмѣшливо, съ негодованіемъ:

— Правда говорится: изъ благородства да изъ чиновъ шубы себѣ не сошьешь. Кокарда на лбу и благородный титулъ, а кушать нечего. По-моему, если челоуѣкъ низкаго званія помогаетъ бѣднымъ, то онъ гораздо благороднѣе какого-нибудь Чаликова, который погрязъ въ нищетѣ и порокѣ.

Чтобы польстить Аннѣ Акимовнѣ, онъ сказалъ еще нѣсколько фразъ, обидныхъ для своего благородства, и было ясно, что онъ унижалъ себя потому, что считалъ себя выше ея. Она, между тѣмъ, кончила письмо и запечатала. Письмо будетъ брошено, а деньги пойдутъ не на лѣченіе,—это она знала, но все-таки положила на столъ 25 рублей и, подумавъ, прибавила еще двѣ красныхъ бумажки. Тощая желтая рука госпожи Чаликовой, похожая на куриную лапку, мелькнула у нея передъ глазами и сжала деньги въ кулачокъ.

— Это вы изволили дать на лѣкарства,—сказалъ Чаликовъ дрогнувшимъ голосомъ:—но протяните руку помощи также мнѣ... и дѣтямъ,—добавилъ онъ и всхлипнулъ:—дѣтямъ несчастнымъ! Не за себя боюсь, за дочерей боюсь! Гидры разврата боюсь!

Стараясь открыть портмонэ, въ которомъ испортился замочекъ, Анна Акимовна сконфузилась, покраснѣла. Ей было стыдно, что люди стоятъ передъ ней, смотрятъ ей въ руки и ждутъ и, вѣроятно, въ глубинѣ души смѣются надъ ней. Въ это время кто-то вошелъ въ кухню и застучалъ ногами, стряхивая снѣгъ.

— Жилецъ пришелъ,—сказала госпожа Чаликова.

Анна Акимовна еще больше сконфузилась. Ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ заводскихъ засталъ ее въ этомъ смѣшномъ положеніи. Жилецъ, какъ нарочно, вошелъ въ свою комнату въ ту самую минуту, когда она, сломавши, наконецъ замочекъ, подавала Чаликову нѣсколько бумажекъ, а Чаликовъ мычалъ, какъ параличный, и искалъ губами, куда бы поцѣловать ее. Въ жилецѣ она узнала рабочаго, который когда-то въ кузнечномъ отдѣленіи гремѣлъ передъ ней желѣзнымъ листомъ и давалъ ей объясненія. Очевидно, онъ пришелъ теперь прямо съ завода: лицо у него было смуглое отъ копоти, и одна щека около носа запачкана сажей. Руки совсѣмъ черныя, и блуза безъ пояса лоснилась отъ масляной грязи. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, средняго роста, черноволосый, плечистый и, повидимому, очень сильный. Анна Акимовна съ перваго же взгляда опредѣлила въ немъ старшаго, получающаго не меньше 35 руб. въ мѣсяцъ, строгаго, крикливаго, бьющаго рабочихъ по зубамъ, и это видно было по его манерѣ стоять, по той позѣ, какую онъ невольно вдругъ принялъ, увидѣвъ у себя въ комнатѣ даму, а главное потому, что у него были брюки на-выпускъ, карманы на груди и острая, красиво подстриженная борода. Покойный отецъ, Акимъ Ивановичъ, былъ братомъ хозяина, а все-таки боялся старшихъ, въ родѣ этого жильца и заискивалъ у нихъ.

— Извините, мы безъ васъ распорядились тутъ,—сказала Анна Акимовна.

Рабочій смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, конфузливо улыбался и молчалъ.

— Вы, сударыня, погромче...—тихо сказалъ Чаликовъ.—

Господи́нь Пименовъ, когда приходятъ по вечерамъ съ за- вода, бывають туги на ухо.

Но Анна Акимовна была уже рада, что ей тутъ больше нечего дѣлать, кивнула головой и быстро вышла. Пименовъ пошелъ проводить ее.

— Вы давно у насъ служите?—спросила она громко, не оборачиваясь къ нему.

— Съ девяти лѣтъ. Я еще при вашемъ дяденькѣ опре- дѣлился.

— Какъ, однако, давно! Вотъ дядя и отецъ знали всѣхъ служащихъ, а я почти никого не знаю. Я васъ видѣла и раньше, но не знала, что ваша фамилія Пименовъ.

Анна Акимовна чувствовала желаніе оправдаться передъ нимъ, сдѣлать видъ, что давала она сейчасъ деньги не серьезно, а шутя.

— Охъ, эта бѣдность! — вздохнула она. — Творимъ мы добрыя дѣла и въ праздники, и въ будни, а все толку нѣтъ. Миѣ кажется, что помогать такимъ, какъ этотъ Ча- ликовъ, бесполезно.

— Конечно, бесполезно,—согласился Пименовъ.—Сколько ни дайте, все пропьеть. А теперь всю ночь мужъ и жена будутъ отнимать другъ у дружки и драться,—добавилъ онъ и засмѣялся.

— Да, надо сознаться, наша филантропія бесполезна, скучна и смѣшна. Но, вѣдь, тоже, согласитесь, нельзя си- дѣть сложа руки, надо дѣлать что-нибудь. Напримѣръ, что дѣлать съ Чаликовыми?

Она обернулась къ Пименову и остановилась, ожидая отъ него отвѣта; онъ тоже остановился и медленно и молча пожалъ плечами. Очевидно, онъ зналъ что дѣлать съ Ча- ликовыми, но это было такъ грубо и нечеловѣчно, что онъ не рѣшился даже сказать. И Чаликовы были для него до такой степени не интересны и ничтожны, что черезъ мгнове- ніе онъ уже не помнилъ о нихъ; глядя въ глаза Аниѣ Акимовнѣ, онъ улыбался отъ удовольствія, и выраженіе у него было такое, какъ будто ему снилось что-то очень хо- рошее. Анна Акимовна только теперь, стоя къ нему близко, но его лицу, особенно по глазамъ, увидала, какъ онъ уто- мленъ и какъ ему хочется спать.

«Вотъ ему бы дать тѣ полторы тысячи!»—подумала она,

но эта мысль почему-то показалась ей несообразной и оскорбительной для Пименова.

— У васъ небось все тѣло болитъ отъ работы, а вы меня провожаете,—сказала она, спускаясь по лѣстницѣ.— Идите домой.

Но онъ не разслышалъ. Когда выходили на улицу, онъ забѣжалъ впередъ, отстегнувъ у саней полость и, подсаживая Анну Акимовну, сказалъ:

— Благополучно праздника встрѣтити!

II.

У т р о.

— Ужъ давно отзвонили! Наказаніе Господне, и къ шапочному разбору не поспѣете! Вставайте!

— Двѣ лошади бѣгутъ, бѣгутъ...—сказала Анна Акимовна и проснулась; передъ ней со свѣчой въ рукахъ стояла ея горничная, рыжая Маша.—Что? Что тебѣ?

— Обѣдня уже отошла!—говорила Маша съ отчаяньемъ.— Третій разъ бужу! По мнѣ хоть до вечера спите, но вѣдь сами приказали будить!

Анна Акимовна приподнялась на локоть и взглянула на окло. На дворѣ еще было совсѣмъ темно, и только нижній край оконной рамы бѣлѣлъ отъ снѣга. Слышался густой низкій звонъ, но это звонили не въ приходѣ, а гдѣ-то дальше. Часы на столикѣ показывали три минуты седьмого.

— Хорошо, Маша... Черезъ три минутки...—сказала Анна Акимовна умоляющимъ голосомъ и укрылась съ головой.

Она представила себѣ снѣгъ у крыльца, сани, темное небо, толпу въ церкви и запахъ можжевельника, и ей стало жутко, но она все-таки рѣшила, что тотчасъ же встанетъ и поѣдетъ къ ранней обѣднѣ. И пока она грѣлась въ постели и боролась со сномъ, который, какъ нарочно, бываетъ удивительно сладокъ, когда не велятъ спать, и пока ей мерещился то громадный садъ на горѣ, то Гущинскій домъ, ее все время безпокоила мысль, что ей надо сію минуту вставать и ѣхать въ церковь.

Но когда она встала, было уже совсѣмъ свѣтло, и часы показывали половину десятаго. За ночь навалило много новаго снѣгу, деревья одѣлись въ бѣлое, и воздухъ былъ

необыкновенно свѣтеть, прозраченъ и нѣженъ, такъ что когда Анна Акимовна поглядѣла въ окно, то ей, прежде всего, захотѣлось вздохнуть глубоко-глубоко. А когда она умывалась, остатокъ давняго дѣтскаго чувства, — радость, что сегодня Рождество, вдругъ шевельнулась въ ея груди, и послѣ этого стало легко, свободно и чисто на душѣ, какъ будто и душа умылась или окунулась въ бѣлый снѣгъ. Вошла Мама, разряженная и крѣпко затянутая въ корсетъ, и поздравила съ праздникомъ; потомъ она долго причесывала и помогала надѣвать платье. Запахъ и ощущение новаго, пышнаго, прекраснаго платья, его легкій шумъ и запахъ свѣжихъ духовъ возбуждали Анну Акимовну.

— Вотъ и святки, — сказала она весело Машѣ. — Теперь будемъ гадать.

— Мнѣ лѣтошній годъ вышло — за старикомъ быть. Три раза такъ выходило.

— Ну, Богъ милостивъ.

— А что жъ, Анна Акимовна? Я такъ думаю, чѣмъ ни то, ни се, ни два, ни полтора, такъ ужъ лучше за старика, — сказала печально Маша и вздохнула. — Мнѣ ужъ двадцать-первый годъ пошелъ, не шутка.

Всѣмъ въ домѣ было извѣстно, что рыжая Маша была влюблена въ лакея Мишеньку, и вотъ уже три года, какъ продолжалась эта глубокая, страстная, но безнадежная любовь.

— Ну, полно пустяки говорить, — утѣшила Анна Акимовна. — Мнѣ скоро тридцать лѣтъ, а я все собираюсь за молодого.

Пока хозяйка одѣвалась, Мишенька, въ новомъ фракѣ и въ лакированныхъ ботинкахъ, ходилъ по залѣ и гостиной и ждалъ, когда она выйдетъ, чтобы поздравить ее съ праздникомъ. Онъ ходилъ всегда какъ-то особенно, мягко и нѣжно ступая; глядя при этомъ на его ноги, руки и наклонъ головы, можно было подумать, что онъ это не просто ходитъ, а учится танцевать первую фигуру кадрили. Несмотря на свои тонкіе бархатные усики и красивую, нѣсколько даже шулерскую наружность, онъ былъ степененъ, разсудителенъ и набоженъ, какъ старикъ. Молился онъ Богу всегда съ земными поклонами и любилъ кадить у себя въ комнатѣ ладаномъ. Богатыхъ и знатныхъ онъ уважалъ и благоговѣлъ предъ ними, бѣдняковъ же и вся-

каго рода просителей презиралъ всю силою своей лакейски-чистоплотной души. Подъ крахмальною сорочкой у него была еще фланелевая, которую онъ носилъ зимою и лѣтомъ, крѣпко дорожа своимъ здоровьемъ; уши были заткнуты ватой.

Когда черезъ залу проходила Анна Акимовна съ Малшей, онъ склонилъ голову внизъ и нѣсколько на бокъ и сказалъ своимъ приятнымъ, медовымъ голосомъ:

— Честь имѣю поздравить васъ, Анна Акимовна, съ высокаторжественнымъ праздникомъ Рождества Христова.

Анна Акимовна дала ему пять рублей, а бѣдная Маша обомлѣла. Его праздничный видъ, поза, голосъ и то, что онъ сказалъ, поразили ее своею красотой и изяществомъ; продолжая идти за своею барышней, она уже ни о чемъ не думала, ничего не видѣла и только улыбалась то блаженно, то горько.

Верхній этажъ въ домѣ назывался чистой, или благородной половиной и хоромами, нижнему же, гдѣ хозяйничала тетушка Татьяна Ивановна, было присвоено названіе торговой, стариковской или просто бабьей половины. Въ первой принимали обыкновенно благородныхъ и образованныхъ, а во второй—кого попроще и личныхъ знакомыхъ тетушки. Красивая, полная, здоровая, еще молодая и свѣжая, чувствуя на себѣ роскошное платье, отъ котораго, казалось ей, во всѣ стороны шло сіяніе, Анна Акимовна спустилась въ нижній этажъ. Тутъ ее встрѣтили упреками, что она, образованная, Бога забыла, проспала обѣдню и не приходила внизъ разговляться, и всѣ всплескивали руками и искренно говорили, что она красивая, необыкновенная, и она вѣрила этому, смѣялась, цѣловалась и совала кому рубль, кому три или пять, смотря по человѣку. Ей нравилось внизу. Куда ни взглянешь,—кѣты, образа, лампады, портреты духовныхъ особъ, пахнетъ монахами, въ кухнѣ стучать ножами, и уже понесся по всѣмъ комнатамъ запахъ чего-то скоромнаго, очень вкуснаго. Желтые крашеные полы сіяютъ, и отъ дверей къ переднимъ угламъ идутъ дорожками узкіе ковры съ ярко-синими полосами, а солнце такъ и рѣжетъ въ окна.

Въ столовой сидятъ какія-то чужія старушки; въ комнатахъ Варварушки тоже старушки и съ ними глухонѣмая дѣвица, которая все стыдится чего-то и говоритъ: «блы,

блы...» Двѣ тощенькія дѣвочки, взятыя изъ пріюта на праздники, подошли къ Аннѣ Акимовнѣ, чтобы поцѣловать ручку, и остановились передъ ней, пораженные роскошью ея платья; она замѣтила, что одна изъ дѣвочекъ косельская, и среди легкаго праздничнаго настроенія у нея вдругъ болѣзненно сжалось сердце отъ мысли, что этою дѣвочкой будутъ пренебрегать женихи, и она никогда не выйдетъ замужъ. Въ комнатѣ у кухарки Агаеюшки за самоваромъ сидѣло человѣкъ пять громадныхъ мужиковъ въ новыхъ рубахахъ, но это были не рабочіе съ завода, а кухонная родня. Увидѣвъ Анну Акимовну, мужики вскочили съ мѣсть и изъ приличія перестали жевать, хотя у всѣхъ были полные рты; въ комнату вошелъ изъ кухни поваръ Степанъ, въ бѣломъ колпакѣ и съ ножомъ въ рукѣ, и поздравилъ; пришли дворники въ валенкахъ и тоже поздравили. Выглянулъ водовозъ съ сосульками на бородѣ, но не посмѣлъ войти.

Анна Акимовна ходила по комнатамъ, а за нею весь штатъ: тетушка, Варварушка, Никандровна, швейка Марѳа Петровна, нижняя Маша. Варварушка, худая, тонкая, высокая, выше всѣхъ въ домѣ, одѣтая во все черное, пахнущая кипарисомъ и кофеемъ, въ каждой комнатѣ крестилась на образа и кланялась въ поясъ, и при взглядѣ на нее почему-то всякій разъ приходило на память, что она уже приготовила себѣ къ смертному часу саванъ, и что въ томъ же сундукѣ, гдѣ лежитъ этотъ саванъ, спрятаны также ея выигрышные билеты.

— Ты, Анютинька, будь милостива ради праздника,— сказала она, отворяя дверь въ кухню.—Прости его, ужъ Богъ съ нимъ! Ну ихъ!

Среди кухни на колѣняхъ стоялъ кучеръ Пантелей, уволенный за пьянство еще въ ноябрѣ. Это былъ добрый человѣкъ, но во хмелю онъ бывалъ буенъ и никакъ не могъ уснуть, а все ходилъ въ корпуса и кричалъ тамъ угрожающимъ тономъ: «Мнѣ все извѣстно!» Теперь по его брыластому, опухшему лицу и по глазамъ, налитымъ кровью, видно было, что съ ноября до праздника онъ шилъ не переставая.

— Простите, Анна Акимовна!—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ, стукнувъ лбомъ о полъ и показывая свой бычій затылокъ.

— Тебя тетушка уволила, у нея и проси.

— Что тетушка?—говорила тетушка, входя въ кухню и тяжело дыша; она была очень толста, и на ея груди могли бы помѣститься самоваръ и подносъ съ чашками.—Что тамъ еще тетушка? Ты тутъ хозяйка, ты и распорядься, а по мяѣ ихъ, подлецовъ, хотъ бы вовсе не было. Ну, вставай, боровъ!—крикнула она на Пантелея, не вытерпѣвъ.—Пошелъ съ глазъ! Послѣдній разъ тебя прощаю, а случится опять грѣхъ—не проси милости!

Затѣмъ пошли въ столовую пить кофе. Но едва сѣли за столъ, какъ опростетью вбѣжала нижняя Маша и проговорила съ ужасомъ: «Пѣвчіе!»—и побѣжала назадъ. Послышались сморканье, низкій басовой кашель и шумъ шаговъ, похожій на то, какъ будто въ переднюю около залы вводили подкованныхъ лошадей. На полминуты все затихло... Пѣвчіе вскрикнули внезапно и такъ громко, что всѣ вздрогнули. Пока они иѣли, пріѣхалъ богадѣленскій батюшка, а съ нимъ дьяконъ и дьячокъ. Надѣвая епитрахиль, батюшка медленно разсказалъ, что ночью, когда звонили къ утрени, шелъ снѣгъ и было не холодно, а къ утру морозъ сталъ крѣпчать, Богъ съ нимъ, и теперъ, должно-быть, градусовъ двадцать.

— Многие, однако, утверждаютъ, что зима для человѣка здоровѣе, чѣмъ лѣто,—сказалъ дьяконъ, но тотчасъ же придалъ своему лицу суровое выраженіе и зашѣлъ вслѣдъ за священникомъ: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ...»

Вскорѣ пріѣхалъ батюшка изъ чернорабочей больницы съ дьячкомъ, потомъ сестры изъ общины, дѣти изъ пріюта, и иѣніе слышалось почти непрерывно. Пѣли, закусывали и уходили.

Приняли съ поздравленіемъ служащіе на заводѣ, человѣкъ двадцать. Тутъ были одни только старшіе: механики, ихъ помощники, модельщики, бухгалтеръ и проч.—всѣ благообразные, въ новыхъ черныхъ сюртукахъ. Все это были молодцы, точно на подборъ, каждый зналъ себѣ цѣну, т. е. зналъ, что, потеряй онъ сегодня мѣсто, завтра же его съ удовольствіемъ пригласятъ на другой заводъ. Повидимому, тетушку они любили, такъ какъ держали себя при ней свободно и даже курили, а бухгалтеръ, когда толпой подходили къ закускѣ, взялъ ее за широкую талію. Развязны они были отчасти и оттого, быть-можетъ, что Варварушка,

имѣвшая при старикахъ большую власть и слѣдившая за нравственностью служащихъ, теперь не имѣла въ домѣ никакого значенія, а, быть-можетъ, и оттого, что многіе изъ нихъ еще помнили время, когда тетушка Татьяна Ивановна, которую братья держали въ строгости, была одѣта простою бабой, на манеръ Агабьюшки, и когда Анна Акимовна бѣгала по двору около корцусовъ, и всѣ звали ее Анюткой.

Служащіе кушали, говорили и посматривали съ недоумѣніемъ на Анну Акимовну: какъ она выросла, какъ похорошѣла! Но эта изящная, воспитанная гувернантками и учителями дѣвушка была уже чужая для нихъ, непонятная, и они невольно держались больше около тетушки, которая говорила имъ *ты*, угощала ихъ непрерывно и, чокаясь съ ними, уже выпила двѣ рюмки рябиновой. Анна Акимовна всегда боялась, чтобы не подумали про нее, что она гордая, выскочка или ворона въ павлиньихъ перьяхъ; и теперь, пока служащіе толпились около закуски, она не выходила изъ столовой и вмѣшивалась въ разговоръ. У своего вчерашняго знакомаго Пименова она спросила.

— Отчего у васъ въ комнатѣ такъ много часовъ?

— Я въ починку беру,—отвѣтилъ онъ.— Занимаюсь этакъ между дѣломъ, по праздникамъ, или когда не спится.

— Значить, если у меня испортятся часы, то я могу отдать вамъ ихъ въ починку?—спросила Анна Акимовна, смѣясь.

— Что жъ? Я съ удовольствіемъ,—сказалъ Пименовъ, и на лицѣ его выразилось умиленіе, когда она, сама не зная зачѣмъ, отцѣпила отъ корсажа свои великолѣпные часики и подала ему; онъ молча осмотрѣлъ ихъ и возвратилъ.— Что жъ? Я съ удовольствіемъ,—повторилъ онъ.— Я уже не починаю карманныхъ часовъ. У меня зрѣніе слабое, и докторъ запретилъ мнѣ заниматься мелкой работой. Но для васъ я могу сдѣлать исключеніе.

— Доктора врутъ, — сказалъ бухгалтеръ; всѣ засмѣялись.— Ты не вѣрь имъ,—продолжалъ онъ, польщенный этимъ смѣхомъ.— Въ прошломъ году, въ посту, изъ барабана зубъ выскочилъ и угораздилъ прямо въ старика Калмыкова, въ голову, такъ что мозгъ видать было, и докторъ сказалъ, что помретъ; иначе, до сихъ поръ живъ и работаетъ, только послѣ этой штуки заикаться сталъ.

— Врутъ-то, врутъ доктора, да не очень,—вздохнула

тетушка. — Петръ Андричъ покойничекъ потерялъ глаза. Такъ же вотъ, какъ ты, день-деньской работалъ на заводѣ около горячей печки и ослѣпъ. Глаза не любятъ жара. Ну, да что толковать?—встрепенулась она.—Пойдемъ выпьемъ! Съ праздничкомъ васъ поздравляю, голубчики мои. Ни съ кѣмъ не пью, а съ вами выпью, грѣшница. Дай Богъ!

Аннѣ Акимовнѣ казалось, что Пименовъ послѣ вчерашняго презираетъ ее, какъ филантропку, но очарованъ ею, какъ женщиной. Она смотрѣла на него и находила, что онъ держится очень мило и одѣтъ прилично. Правда, у сюртука немного рукава коротки и, кажется, талія высокая и брюки не модныя, не широкія, но зато галстукъ повязанъ со вкусомъ и небрежно, и не такъ ярко, какъ у другихъ. И, повидимому, онъ добродушный человекъ, такъ какъ покорно кушаетъ все, что кладетъ ему на тарелку тетушка. Она вспомнила, какой онъ былъ вчера черный, и какъ ему хотѣлось спать, и это воспоминаніе почему-то растрогало ее.

Когда служащіе собрались уходить, Анна Акимовна подала Пименову руку, ей хотѣлось сказать ему, чтобъ онъ какъ-нибудь запросто пришелъ посидѣть, но не сумѣла: какъ-то языкъ не послушался; и чтобы не подумали, что Пименовъ ей понравился, она и товарищамъ его подала руку.

Затѣмъ пришли ученики той школы, гдѣ она была попечительницей. Всѣ они были острижены и одѣты въ однообразныя сѣрыя блузы. Учитель,—высокій, еще безусый молодой человекъ съ красивыми пятнами на лицѣ,—замѣтно волнуясь, выстроилъ учениковъ въ ряды; мальчики зашѣли стройно, но рѣзкими, неприятными голосами. Директоръ завода, Назарычъ, лысый, остроглазый старовѣръ, никогда не ладилъ съ учителями, но этого, который теперь суетливо помахивалъ рукой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ, самъ не зная за что. Онъ обращался съ нимъ высокомерно и грубо, задерживалъ жалованье и вмѣшивался въ преподаваніе, и, чтобы окончательно выжить его, недѣли за двѣ до праздника опредѣлили въ школу сторожемъ дальняго родственника своей жены, пьянаго мужика, который не слушался учителя и при ученикахъ говорилъ ему дерзости.

Аннѣ Акимовнѣ все это было извѣстно, но помочь она не могла, такъ какъ сама боялась Назарыча. Теперь ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ, обласкать учителя, сказать

ему, что она имъ очень довольна, но когда послѣ пѣнія онъ сталъ сильно конфузиться и извиняться въ чемъ-то, и когда тетушка, говоря ему *ты*, фамиллярно потащила его къ столу, ей стало скучно и неловко, и она, приказавъ дать дѣтямъ гостинцевъ, пошла къ себѣ наверхъ.

— Въ этихъ праздничныхъ порядкахъ въ сущности много жестокаго,—сказала она, немного погодя, какъ бы про себя, глядя въ окно на мальчиковъ, какъ они толпою шли отъ дома къ воротамъ и на ходу, пожимаясь отъ холода, надѣвали свои шубы и пальто.—Въ праздники хочется отдохнуть, сидѣть дома съ родными, а бѣдные мальчики, учитель, служащіе обязаны почему-то идти по морозу, потомъ поздравлять, выражать свое почтеніе, конфузиться...

Мишенька, стоявшій тутъ же въ залѣ у дверей и слышавшій это, сказалъ:

— Не отъ насъ это пошло, не нами и кончится. Конечно, я необразованный человѣкъ, Анна Акимовна, но такъ понимаю, бѣдные должны всегда почитать богатыхъ. Сказано: Богъ шельму мѣтитъ. Въ острогахъ, въ ночлежныхъ домахъ и въ кабакахъ всегда только одни бѣдные, а порядочные люди, замѣтите, всегда богатые. Про богатыхъ сказано: бездна бездну призываетъ.

— Вы, Миша, всегда выражаетесь какъ-то скучно и непонятно,—сказала Анна Акимовна и пошла въ другой конецъ залы.

Былъ только двѣнадцатый часъ въ началѣ. Тишина громадныхъ комнатъ, нарушаемая только изрѣдка ивнѣмъ; доносившимся изъ нижняго этажа, нагоняла зѣвоту. Бронза, альбомы и картины на стѣнахъ, изображавшія море съ корабликами, лугъ съ коровками и рейнскіе виды, были до такой степени не новы, что взглядъ только скользилъ по нимъ и не замѣчалъ ихъ. Праздничное настроеніе стало уже прискучать. Анна Акимовна попрежнему чувствовала себя красивою, доброю и необыкновенною, но уже ей казалось, что это никому не нужно; казалось ей, что и это дорогое платье она надѣла неизвѣстно для кого и для чего. И ее уже, какъ это бывало во всѣ праздники, стали томить одиночество и неотвязная мысль, что ея красота, здоровье, богатство—одинъ лишь обманъ, такъ какъ она лишняя на этомъ свѣтѣ, никому она не нужна, никто ее не любитъ.

Она прошлась по всѣмъ комнатамъ, напѣвая и поглядывая въ окна. Остановившись въ залѣ, она не могла удержаться, чтобы не заговорить съ Мишенькой.

— Не знаю, Миша, что вы о себѣ думаете,—сказала она и вздохнула.—Право, за это даже Богъ накажетъ.

— Вы о чемъ-съ?

— Вы знаете, о чемъ. Извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши личныя дѣла, но мнѣ кажется, вы сами изъ упрямства портите себѣ жизнь. Согласитесь, вамъ теперь какъ разъ самая пора жениться, а она дѣвушка прекрасная, достойная. Лучше ея вы никогда не найдете. Красавица, умная, кроткая, преданная... А наружность!.. Принадлежи она къ нашему, или высшему кругу, въ нее влюблялись бы за одни чудные рыжіе волосы. Посмотрите, какъ у нея волосы подходятъ къ цвѣту лица. Ахъ, Боже мой, вы ничего не понимаете и сами не знаете, что вамъ нужно,—сказала съ горечью Анна Акимовна, и слезы выступили у нея на глазахъ.—Бѣдная дѣвочка, мнѣ ее такъ жалко! Я знаю, вы хотите взять съ деньгами, но я вамъ уже говорила: я за Машей дамъ приданое.

Свою будущую супругу Мишенька рисовалъ въ воображеніи не иначе, какъ въ видѣ высокой, полной, солидной и благочестивой женщины съ походкой какъ у павы и почему-то непремѣнно съ длинною шалью на плечахъ, а Маша худа и тонка, стянута въ корсетъ, и походка у нея мелкая, а главное, она была слишкомъ соблазнительна и подчасъ сильно нравилась Мишенькѣ, но это, по его мнѣнію, годилось не для брака, а лишь для дурного поведенія. Когда Анна Акимовна пообѣщала дать приданое, то онъ нѣкоторое время колебался; но какъ-то бѣдный студентъ въ коричневомъ пальто поверхъ мундира, приходившій къ Аннѣ Акимовнѣ съ письмомъ, не могъ удержаться и, восхищенный, обнялъ Машу внизу около вѣшалокъ, и она слегка вскрикнула; Мишенька, стоя наверху на лѣстницѣ, видѣлъ это и съ той поры сталъ питать къ Машѣ брезгливое чувство. Бѣдный студентъ! Кто знаетъ, если бы ее обнялъ богатый студентъ или офицеръ, то послѣдствія были бы другія...

— Отчего же вы не хотите?—спрашивала Анна Акимовна.—Чего вамъ еще нужно?

Мишенька молчалъ и неподвижно глядѣлъ на кресло, поднявъ брови.

— Вы любите другую?

Молчаніе. Вошла рыжая Маша съ письмами и визитными карточками на подносѣ. Догадавшись, что разговоръ шель о ней, она покраснѣла до слезъ.

— Почтальоны приходили,—пробормотала она.—И тамъ пришелъ какой-то чиновникъ Чаликовъ и дожидается внизу. Говорить, что вы приказали ему зачѣмъ-то придти сегодня.

— Какая наглость!—разсердилась Анна Акимовна.—Я ему ничего не приказывала. Скажите, чтобъ онъ убирался, меня дома нѣтъ!

Послышался звонокъ. Это были священники изъ своего прихода, ихъ всегда принимали въ благородной половинѣ, то-есть наверху. Вслѣдъ за поами пришли съ визитомъ директоръ завода Назарычъ и фабричный докторъ, потомъ Мишенька доложилъ объ инспекторѣ народныхъ училищъ. Приемъ визитеровъ начался.

Когда выпадали свободныя минутки, Анна Акимовна садилась въ гостиной въ глубокое кресло и, закрывъ глаза, думала о томъ, что одиночество ея вполне естественно, такъ какъ она не вышла замужъ и никогда не выйдетъ. Но въ этомъ не она виновата. Сама судьба изъ простой рабочей обстановки, гдѣ, если вѣрить воспоминаніямъ, ей было такъ удобно и по себѣ, бросила ее въ эти громадныя комнаты, гдѣ она никакъ не можетъ придумать, что съ собой дѣлать, и не можетъ понять, для чего передъ ней мелькаетъ такъ много людей; то, что происходило теперь, казалось ей ничтожнымъ, ненужнымъ, такъ какъ ни на одну минуту не давало ей счастья и не могло дать.

«Вотъ влюбиться бы,—думала она, потягиваясь, и отъ одной этой мысли у нея около сердца становилось тепло.— И отъ завода избавиться бы...»—мечтала она, воображая, какъ съ ея совѣсти сваливаются всѣ эти тяжелые корпуса, бараки, школа... Затѣмъ она вспомнила отца и подумала, что если бы онъ жилъ дольше, то, навѣрное, выдалъ бы ее за простого человѣка, напримѣръ, за Пименова. Приказалъ бы ей выходить за него,—вотъ и все. И это было бы хорошо: заводъ тогда пошалъ бы въ настоящія руки.

Она представила себѣ его курчавую голову, смѣлый профиль, тонкія, насмѣшливыя губы и силу, странную силу въ его плечахъ, рукахъ, въ груди и то утомленіе, съ какимъ онъ сегодня разсматривалъ ея часики.

— Что жъ?—проговорила она.—И ничего бы... Я бы вышла.

— Анна Акимовна!—позвалъ ее Мишенька, неслышно войдя въ гостиную.

— Какъ вы меня испугали!—сказала она, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.—Что вамъ?

— Анна Акимовна!—повторилъ онъ, прикладывая руку къ сердцу и поднимая брови.—Вы—моя госпожа и благодѣтельница, и вы одна только можете наставлять меня насчетъ брака, такъ какъ вы для меня все равно, что мать родная... Но прикажите, чтобы внизу не смѣялись и не дразнили. Проходу не даютъ!

— А какъ они васъ дразнятъ?

— Говорятъ: Машенькинъ Мишенька.

— Фуй, какой вздоръ!—возмутилась Анга Акимовна.—Какъ вы все глупы! Какой вы глупый, Миша! Какъ вы надоѣли мнѣ! Я васъ видѣть не хочу!

III.

Обѣдъ.

Какъ и въ прошломъ году, послѣдніе пріѣхали съ визитомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Крылинъ и извѣстный адвокатъ Лысевичъ. Пріѣхали они, когда на дворѣ становилось уже темно. Крылинъ, старикъ за 60 лѣтъ, съ широкимъ ртомъ и съ сѣдыми бакенами около ушей, похожій лицомъ на рысь, былъ въ мундирѣ съ аннинскою лентой и въ бѣлыхъ штанахъ. Онъ долго держалъ руку Анны Акимовны въ своихъ обѣихъ рукахъ, глядѣлъ ей пристально въ лицо, шевелилъ губами и, наконецъ, сказалъ съ разстановкой, въ одну ноту:

— Я уважалъ вашего дядюшку... и батюшку, и пользовался ихъ расположеніемъ. Теперь считаю пріятнымъ долгомъ, какъ видите, поздравить ихъ уважаемую наслѣдницу... несмотря на болѣзнь и на значительное разстояніе... И весьма радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи.

Присяжный повѣренный Лысевичъ, высокій красивый блондинъ, съ легкою просѣдою въ вискахъ и бородѣ, отличается необыкновенно изяшными манерами. Онъ входитъ съ перевальцемъ, кланяется будто нехотя и, разговаривая, поводитъ плечами, и все это съ лѣнливою граціей, какъ за-

стоявшійся, избалованный конь. Онъ сытъ, чрезвычайно здоровъ и богатъ; разъ даже выигралъ сорокъ тысячъ, но скрылъ это отъ своихъ знакомыхъ. Любитъ хорошо покушать, особенно сыры, трюфели, тертую рѣдьку съ коноплянымъ масломъ, а въ Парижѣ, по его словамъ, онъ ѣлъ жаренныя немытыя кишки. Говоритъ онъ складно, плавно, безъ запинки, и лишь изъ кокетства иной разъ позволить себѣ запнуться и щелкнуть пальцами, какъ бы подбирая слово. Во все то, что ему приходится говорить на судѣ, онъ давно уже не вѣритъ, или, быть-можетъ, и вѣритъ, но не придаетъ этому никакой цѣны,—все это давно уже извѣстно, старо, обыкновенно... Онъ вѣритъ въ одно только оригинальное и необыденное. Прописная мораль въ оригинальной формѣ вызываетъ у него слезы. Обѣ записныя книжки у него исписаны необыкновенными выраженіями, которыя онъ вычитываетъ у разныхъ авторовъ, и когда ему нужно бываетъ отыскать какое-нибудь выраженіе, то онъ первно роется въ обѣихъ книжкахъ и обыкновенно не находитъ. Еще покойный Акимъ Ивановъ въ веселую минуту изъ тщеславія пригласилъ его въ повѣренныя по дѣламъ завода и назначилъ ему двѣнадцать тысячъ жалованья. Всѣ заводскія дѣла заключались въ двухъ-трехъ мелкихъ взысканіяхъ, которыя Лысевичъ поручалъ своимъ помощникамъ.

Анна Акимовна знала, что на заводѣ ему нечего дѣлать, но отказать ему не могла: не хватало мужества, да и привыкла къ нему. Онъ называлъ себя ея юрисконсультомъ, а свое жалованье, за которымъ онъ присылалъ аккуратно каждое первое число,—суровою прозой. Аннѣ Акимовнѣ было извѣстно, что когда послѣ смерти отца продавали ея лѣсъ на шпалы, то Лысевичъ нажилъ на этой продажѣ больше пятнадцати тысячъ и подѣлился съ Назарычемъ. Узнавши объ этомъ обманѣ, Анна Акимовна горько заплакала, но потомъ привыкла.

Поздравивъ и поцѣловавъ обѣ руки, онъ смѣрился ея взглядомъ и поморщился.

— Не надо,—сказалъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ.— Я говорилъ, милая, не надо!

— Вы о чемъ, Викторъ Николаичъ?

— Я говорилъ: не надо полнѣть. Въ вашемъ роду у всѣхъ несчастная склонность къ полнотѣ. Не надо,—по-

вторилъ онъ умоляющимъ голосомъ и поцѣловалъ руку.— Вы такая хорошая! Вы такая славная! Вотъ, ваше превосходительство,—обратился онъ къ Крылину:—рекомендую: единственная въ свѣтѣ женщина, которую я когда-либо серьезно любилъ.

— Это неудивительно. Быть въ ваши годы знакомымъ съ Анной Акимовной и не любить ея—это невозможно.

— Я ее обожаю!—продолжалъ адвокат совершенно искренно, но со своею обычною лѣнливою граціей.— Я люблю, но не потому, что я мужчина, а она женщина; когда я съ ней, то кажется, что она какого-то третьяго пола, а я четвертаго, и мы уносимся вмѣстѣ въ область тончайшихъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ и тамъ сливаемся въ спектръ. Лучше всѣхъ опредѣляетъ подобныя отношенія *Leconte de Lisle*. У него есть одно превосходное мѣсто, удивительное мѣсто.

Лысевичъ порылся въ одной книжкѣ, потомъ въ другой и, не найдя изреченія, успокоился. Стали говорить о погодѣ, объ оперѣ, о томъ, что скоро прійдетъ Дузе. Анна Акимовна вспомнила, что Лысевичъ и, кажется, Крылинъ въ прошломъ году обѣдали у нея, и теперь, когда они собрались уходить, она искренно и умоляющимъ голосомъ стала доказывать имъ, что такъ какъ они уже больше нигде не побѣдутъ съ визитомъ, то должны остаться у нея пообѣдать. Послѣ нѣкотораго колебанія гости согласились.

Кромѣ обѣда, состоящаго изъ шей, поросенка, гуся съ яблоками и проч., на кухнѣ въ большіе праздники готовили еще такъ-называемый французскій или поварской обѣдъ, на случай, если кто изъ гостей въ верхнемъ этажѣ пожелаетъ откусать. Когда въ столовой застучали посудой, Лысевичъ сталъ проявлять замѣтное возбужденіе; онъ потиралъ руки, поводилъ плечами, жмурился и съ чувствомъ рассказывалъ о томъ, какіе обѣды когда-то задавали старики и какой чудесный матюкъ изъ наливовъ умѣеть готовить здѣшній поварь,—не матюкъ, а откровеніе! Онъ предвкушалъ обѣдъ, уже ѣлъ его мысленно и наслаждался. Когда же Анна Акимовна повела его подъ руку въ столовую, и онъ, наконецъ, вынулъ рюмку водки и положилъ себѣ въ ротъ кусочекъ семги, то даже замурлыкалъ отъ удовольствія. Жевалъ онъ громко, противно, издавая носомъ какіе-то звуки, и глаза его при этомъ становились масляными и алчными.

Закуска была роскошная. Были, между прочимъ, свѣжіе бѣлые грибы въ сметанѣ и соусъ провансаль изъ жареныхъ устриць и раковыхъ шеекъ, сильно сдобренный горькими пикулями. Самый обѣдъ состоялъ изъ праздничныхъ, изысканныхъ блюдъ, и вина были прекрасныя. Мишенька прислуживалъ за столомъ съ упоеніемъ. Когда онъ ставилъ на столъ какое-нибудь новое кушанье и снималъ съ блестящей кастрюли крышечку, или наливалъ вино, то дѣлалъ это съ важностью профессора черной магіи, и, глядя на его лицо и на походку, похожую на первую фигуру кадрили, адвокатъ нѣсколько разъ подумалъ: «Какой дуракъ!»

Послѣ третьяго блюда Лысевичъ говорилъ, обращаясь къ Аннѣ Акимовнѣ:

— Женщина *fin de siècle*,—я разумѣю молодую и, конечно, богатую,—должна быть независима, умна, изящна, интеллигентна, смѣла и немножко развратна. Развратна въ мѣру, немножко, потому что, согласитесь, сытость есть уже утомленіе. Вы, милая моя, должны не прозябать, не жить, какъ всѣ, а смаковать жизнь, а легкій развратъ есть соусъ жизни. Заройтесь въ цвѣты съ одуряющимъ ароматомъ, задыхайтесь въ мускусѣ, фыйте гашиншъ, а, главное, любите, любите и любите... На первыхъ порахъ я на вашемъ мѣстѣ завелъ бы себѣ семерыхъ мужчинъ, по числу дней въ недѣлѣ, и одного назвалъ бы Понедѣльникомъ, другого—Вторникомъ, третьяго—Средой и т. д., чтобы каждый зналъ свой день.

Этотъ разговоръ волновалъ Анну Акимовну. Она ничего не ѣла и только выпила рюмку вина.

— Дайте же мнѣ, наконецъ, сказать!—говорила она.—Для себя лично я не понимаю любви безъ семьи. Я одинока, одинока, какъ мѣсяцъ на небѣ, да еще съ ущербомъ, и, что бы вы тамъ ни говорили, я увѣрена, я чувствую, что этотъ ущербъ можно пополнить только любовью въ обыкновенномъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что эта любовь опредѣлитъ мои обязанности, мой трудъ, освѣтитъ мое міросозерцаніе. Я хочу отъ любви мира моей душѣ, покоя, хочу подалее отъ мускуса и всѣхъ тамъ спиритизмовъ и *fin de siècle*... однимъ словомъ,—смѣшалась она:—мужъ и дѣти.

— Замужъ хотите? Что жъ, и это можно,—согласился Лысевичъ.—Вамъ все нужно испытать: и замужество, и ревность, и сладость первой измѣны, и даже дѣтей... Но

торопитесь жить, торопитесь, милая, время уходить, не ждуть.

— Вотъ возьму и выйду замужъ!— сказала она, сердито глядя на его сытое, довольное лицо.— Выйду самымъ обыкновеннымъ, самымъ пошлымъ образомъ и буду сѣять отъ счастья. И, можете себѣ представить, выйду за простого рабочаго человѣка, за какого-нибудь механика или чертежника.

— И это недурно. Герцогиня Джосіана полюбила Гуинплена, и это ей позволяется, потому что она герцогиня; вамъ тоже все позволяется, потому что вы необыкновенная. Если, милая, захотите любить негра или арапа, то не стѣснитесь, выписывайте себѣ негра. Ни въ чемъ себѣ не отказывайте. Вы должны быть такъ же смѣлы, какъ ваши желанія. Не отставляйте отъ нихъ.

— Неужели меня такъ трудно понять?—спросила Анна Акимовна съ изумленіемъ, и глаза ея заблестѣли отъ слезъ.— Поймите же, у меня на рукахъ громадное дѣло, двѣ тысячи рабочихъ, за которыхъ я должна отвѣтить передъ Богомъ. Люди, которые работаютъ на меня, слынутъ и глохнутъ. Мнѣ страшно жить, страшно! Я страдаю, а вы имѣете жестокость говорить мнѣ о какихъ-то неграхъ и... и улыбаетесь!— Анна Акимовна ударила кулакомъ по столу.— Продолжать жизнь, какую я теперь веду, или выйти за такого же празднаго, неумѣлаго человѣка, какъ я было бы просто преступленіемъ. Я не могу больше такъ жить,— сказала она горячо:— не могу!

— Какъ она хороша! — проговорилъ Лысевичъ, восхищаясь ею.— Богъ мой, какъ она хороша! Но что же вы сердитесь, милая? Пусть я не правъ, но неужели вы думаете, что если вы во имя идей, которыя я, впрочемъ, глубоко уважаю, будете скучать и отказывать себѣ въ жизненной радости, то рабочимъ станетъ отъ этого легче? Ничуть! Нѣтъ, развратъ, развратъ!— сказалъ онъ рѣшительно.— Вамъ необходимо, вы обязаны быть развратной! Обмозгуйте это, милая, обмозгуйте!

Анна Акимовна была рада, что высказалась, и повеселѣла. Ей нравилось, что она такъ хорошо говорила и такъ честно и красиво мыслить, и она была уже увѣрена, что если бы, напримѣръ, Пименовъ полюбилъ ее, то она пошла бы за него съ удовольствіемъ.

Мишенька сталъ наливать шампанское.

— Вы меня злите, Викторъ Николаичъ,—сказала она, чокаясь съ адвокатомъ.—Мнѣ досадно, что вы даете совѣты, а сами совсѣмъ не знаете жизни. По-вашему, если механикъ или чертежникъ, то ужъ непременно мужикъ и певѣжа. А это умнѣйшіе люди! Необыкновенные люди!

— Вашъ батюшка и дядюшка... я ихъ зналъ и уважалъ,—проговорилъ съ разстановкой Крылинъ, который сидѣлъ, вытянувшись какъ истуканъ, и все время, не переставая, ѣлъ:—были люди значительнаго ума и... и высокихъ душевныхъ качествъ.

— Ладно, знаемъ мы эти качества!—пробормоталъ адвокатъ и попросилъ позволенія закурить.

Когда кончился обѣдъ, Крылина увели отдыхать. Лысевичъ докурить сигару и, покачиваясь отъ сытости, пошелъ за Анной Акимовной въ ея кабинетъ. Укромные уголки съ фотографіями, вѣрами на стѣнахъ и съ неизбѣжнымъ розовымъ или голубымъ фонаремъ среди потолка онъ не любилъ, какъ выраженіе вялаго, несоригинальнаго характера; къ тому же, воспоминанія о нѣкоторыхъ его романахъ, которыхъ онъ теперь стыдился, были у него связаны съ этимъ фонаремъ. Кабинетъ же Анны Акимовны съ голыми стѣнами и безвкусною мебелью ему чрезвычайно нравился. Ему было мягко и уютно сидѣть на турецкомъ диванѣ и поглядывать на Анпу Акимовну, которая обыкновенно сидѣла на коврѣ передъ каминомъ и, охвативъ колѣни руками, глядѣла на огонь и о чемъ-то думала, и въ это время ему казалось, что въ ней играетъ мужицкая, старовѣрская кровь.

Всякій разъ послѣ обѣда, когда подавали кофе и ликеры, онъ оживлялся и рассказывалъ ей разныя литературныя новости. Говорилъ онъ витѣвато, вдохновенно, самъ увлекался своимъ рассказомъ, а она слушала его и всякій разъ думала, что за такое удовольствіе можно заплатить не двѣнадцать тысячъ, а втрое больше, и прощала ему все, что ей не нравилось въ немъ. Случалось, что онъ рассказывалъ ей содержаніе повѣстей и даже романовъ, и тогда два или три часа проходили незамѣтно, какъ минуты. Теперь онъ началъ какъ-то кисло, разслабленнымъ голосомъ и закрывши глаза.

— Я, милая, давно ужъ ничего не читалъ,—сказалъ онъ, когда она попросила его рассказать что-нибудь.— Впрочемъ, иногда читаю Жюль Верна.

— А я думала, что вы расскажете мнѣ что-нибудь новенькое.

— Гм... новенькое, — сонно пробормоталъ Лысевичъ и еще глубже забился въ уголъ дивана.—Вся новенькая литература, милая моя, для насъ съ вами не подходитъ. Конечно, она должна быть такою, какова она есть, и не признавать ея—значило бы не признавать естественнаго порядка вещей, и я признаю ее, но...

Лысевичъ, казалось, уснулъ. Но черезъ минуту опять послышался его голосъ:

— Вся новенькая литература, на манеръ осенняго вѣтра въ трубѣ, стонетъ и воетъ: «Ахъ, несчастный! ахъ, жизнь твою можно уподобить тюрьмѣ! ахъ, какъ тебѣ въ тюрьмѣ темно и сыро! ахъ, ты непременно погибнешь, и нѣтъ тебѣ спасенія!» Это прекрасно. но я предпочелъ бы литературу, которая учитъ, какъ бѣжать изъ тюрьмы. Изъ всѣхъ современныхъ писателей я почитываю, впрочемъ, иногда одного Мопасана.—Лысевичъ открылъ глаза.—Хорошій писатель, превосходный писатель!—Лысевичъ задвигался на диванѣ.—Удивительный художникъ! Страшный, чудовищный, сверхъестественный художникъ! — Лысевичъ всталъ съ дивана и поднялъ кверху правую руку.—Мопасанъ!—сказалъ онъ въ восторгѣ.—Милая, читайте Мопасана! Одна страница его дастъ вамъ больше, чѣмъ всѣ богатства земли! Что ни строка, то новый горизонтъ. Мягчайшія, нѣжнѣйшія движенія души смѣняются сильными, бурными ощущеніями, ваша душа точно подъ давленіемъ сорока тысячъ атмосферъ обращается въ ничтожнѣйшій кусочекъ какого-то вещества неопредѣленнаго, розоватаго цвѣта, которое, какъ мнѣ кажется, если бы можно было положить его на языкъ, дало бы терпкій, сладострастный вкусъ. Какое бѣшенство переходовъ, мотивовъ, мелодій! Вы покоитесь на ландышахъ и розахъ, и вдругъ мысль, страшная, прекрасная, неотразимая мысль неожиданно налетаетъ на васъ, какъ локомотивъ, и обдаетъ васъ горячимъ паромъ и оглушаетъ свистомъ. Читайте, читайте Мопасана! Милая, я этого требую!

Лысевичъ замахалъ руками и въ сильномъ волненіи прошепелъ изъ угла въ уголъ.

— Нѣтъ, это невозможно!—проговорилъ онъ, какъ бы въ отчаяніи.—Послѣдняя его вещь истомила меня, ошпынила! Но я боюсь, что вы останетесь къ ней равнодушны. Чтобъ

она увлекла васъ, надо ее смаковать, медленно выжимать сокъ изъ каждой строчки, пить... Надо ее пить!

Послѣ длиннаго вступленія, въ которомъ было много такихъ словъ, какъ демоническое сладострастіе, сѣтъ изъ тончайшихъ нервовъ, самумъ, кристалль и т. п., онъ, наконецъ, сталъ рассказывать содержаніе романа. Рассказывалъ онъ уже не такъ вычурно, но очень подробно, приводя наизусть цѣлыя описанія и разговоры; дѣйствующія лица романа восхищали его, и, характеризуя ихъ, онъ становился въ позы, мѣнялъ выраженіе лица и голосъ, какъ настоящій актеръ. Отъ восторга онъ хохоталъ то басомъ, то очень тонкимъ голоскомъ, всплескивалъ руками или хваталъ себя за голову съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она собиралась у него лопнуть. Анна Акимовна слушала съ восхищеніемъ, хотя уже читала этотъ романъ, и въ передачѣ адвоката онъ казался ей во много разъ красивѣе и сложнѣе, чѣмъ въ книжкѣ. Онъ обращалъ ея вниманіе на разныя тонкости и подчеркивалъ счастливыя выраженія и глубокія мысли, но она видѣла только жизнь, жизнь, жизнь и самое себя, какъ будто была дѣйствующимъ лицомъ романа; у нея поднимало духъ, и она сама, тоже хохоча и всплескивая руками, думала о томъ, что такъ жить нельзя, что нѣтъ надобности жить дурно, если можно жить прекрасно; она вспомнила свои слова и мысли за обѣдомъ и гордилась ими, и когда въ воображеніи вдругъ вырасталъ Пименовъ, то ей было весело и хотѣлось, чтобы онъ полюбилъ ее.

Кончивши рассказывать, Лысевичъ, изнеможенный, сѣлъ на диванъ.

— Какая вы славная! Какая хорошая!—начать онъ, немало погодя, слабымъ голосомъ, точно больной.—Я, милая, счастливъ около васъ, но все-таки зачѣмъ мнѣ сорокъ два года, а не тридцать? Мои и ваши вкусы не совпадаютъ: вы должны быть развратны, а я давно уже пережилъ этотъ фазисъ и хочу любви тончайшей, не матеріальной, какъ солнечный лучъ, то-есть, съ точки зрѣнія женщины вашихъ лѣтъ, я уже ни къ чорту не годенъ.

Онъ, по его словамъ, любилъ Тургенева, пѣвца дѣвственной любви, чистоты, молодости и грустной русской природы, но самъ онъ любилъ дѣвственную любовь не вблизи, а по наслышкѣ, какъ нѣчто отвлеченное, существующее внѣ дѣйствительной жизни. Теперь онъ увѣрялъ себя, что Анну Аки-

мовну онъ любилъ платонически, идеально, хотя самъ не зналъ, что это значить. Но ему было хорошо, уютно, тепло, Анна Акимовна казалась очаровательною, оригинальною, и онъ думалъ, что пріятное самочувствіе, вызываемою въ немъ этою обстановкой, и есть именно то самое, что называется платоническою любовью.

Онъ припалъ щекой къ ея рукѣ и сказалъ тономъ, какимъ обыкновенно ласкаютъ маленькихъ дѣтей:

— Дуся моя, а за что вы меня оштрафовали?

— Какъ? Когда?

— Я къ празднику не получилъ отъ васъ наградныхъ.

Раньше Аннѣ Акимовнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы адвокату къ праздникамъ посылались наградныя, и теперь она находилась въ затрудненіи: сколько ему дать? А дать было нужно, такъ какъ онъ ждалъ, хотя смотрѣлъ на нее глазами, полными любви.

— Должно-быть, Назарычъ забылъ, — сказала она. — Но это не поздно поправить.

Вдругъ она вспомнила про вчерашнія полторы тысячи, которыя лежали у нея теперь въ спальнѣ, въ туалетномъ столѣ. И когда она принесла эти несимпатичныя деньги и подала ихъ адвокату, и онъ съ лѣнливою граціей сунулъ ихъ въ боковой карманъ, то все это произошло какъ-то мило и естественно. Неожиданное напоминаніе о наградныхъ и эти полторы тысячи были къ лицу адвокату.

— Merci, — сказалъ онъ и поцѣловалъ ей палець.

Вошелъ Крылинъ съ заспаннымъ блаженнымъ лицомъ, но уже безъ орденовъ.

Онъ и Лысевичъ посидѣли еще немного, выпили по стакану чаю и стали собираться. Анна Акимовна была немножко смущена... Она совершенно забыла, гдѣ служить Крылинъ, и нужно ли давать ему деньги или нѣтъ, а если нужно, то теперь дать или послать въ конвертѣ.

— Гдѣ онъ служить? — шепнула она Лысевичу.

— А чортъ его знаетъ, — пробормоталъ адвокатъ, зѣвая.

Она сообразила, что если Крылинъ бывалъ у дяди и отца и уважалъ ихъ, то не даромъ: очевидно, дѣлалъ добрыя дѣла на ихъ счетъ, служа въ какомъ-нибудь благотворительномъ учрежденіи. Она, прощаясь, сунула ему въ руку триста рублей; онъ какъ бы изумился и минуту молча

смотрѣлъ на нее оловянными глазами, но потомъ какъ бы понялъ и сказалъ:

— Но квитанцію, многоуважаемая Анна Акимовна, вы можете получить не раньше новаго года.

Лысевичъ совсѣмъ уже раскисъ и отяжелѣлъ и шатался, когда Мишенька надѣвалъ на него шубу. А спускаясь внизъ, онъ имѣлъ видъ совершенно разслабленнаго, и видно было, что какъ только онъ сядетъ въ сани, то уснетъ тотчасъ же.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ Крылину томно, останавливаясь среди лѣстницы: — не приходилось ли вамъ испытывать такое чувство, будто какая-то невидимая сила вытягиваетъ васъ въ длину, вы все тянетесь-тянетесь и, наконецъ, обращаетесь въ тончайшую проволоку? Субъективно это выражается въ какомъ-то особенномъ сладострастномъ чувствѣ, которое ни съ чѣмъ сравнить нельзя.

Анна Акимовна, стоя наверху, видѣла, какъ оба они дали Мишенькѣ по бумажкѣ.

— Не забывайте! До свиданья! — крикнула она имъ и побѣжала къ себѣ въ спальню.

Она быстро сбросила платье, которое уже наскучило ей, надѣла капотъ и побѣжала внизъ. И когда бѣжала по лѣстницѣ, то смѣялась и стучала ногами какъ мальчишка. Ей сильно хотѣлось шалить.

IV.

Вечеръ.

Тетушка въ просторной ситцевой блузѣ, Варварушка и еще какихъ-то двѣ старушки сидѣли въ столовой и ужинали. Передъ ними на столѣ лежали большой кусокъ солонины, окорокъ и разныя соленыя закуски, и отъ солонины, очень жирной и вкусной на видъ, валилъ къ потолку паръ. Въ нижнемъ этажѣ виноградныхъ винъ не употребляли, но зато было много разнаго рода водокъ и наливокъ. Кухарка Агабюшка, полная, бѣлая, сытая, стояла у двери, скрестивши руки, и разговаривала со старухами, а кушанья подавала и принимала нижняя Маша, брюнетка съ пунцовою лентой въ волосахъ. Старухи были сыты еще съ утра и за часъ до ужина пили чай со сладкимъ сдобнымъ

пирогомъ, а потому ѣли теперь черезъ силу, какъ бы по обязанности.

— Охъ, матушки!—охнула тетушка, когда въ столовую вдругъ вѣбжала Анна Акимовна и сѣла на стулъ рядомъ съ нею.—Испугала до смерти!

Въ домѣ любили, когда Анна Акимовна бывала въ духѣ и дурачилась; это всякій разъ напоминало, что старики уже умерли, а старухи въ домѣ не имѣютъ уже никакой власти, и каждый можетъ жить какъ угодно, не боясь, что съ него сурово взыщутъ. Только двѣ незнакомыя старухи покосились на Анну Акимовну съ недоумѣніемъ: она напѣвала, а за столомъ грѣхъ пѣть.

— Матушка наша, красавица, картина писаная!—начала слащаво причитывать Агабьюшка.—Алмазь нашъ драгоценный!.. Народу-то, народу нынче прѣзжало нашу королеву глядѣть—Господи твоя воля! И генералы, и офицеры, и господа... Я въ окно глядѣла-глядѣла, считала-считала, да и бросила.

— А по мнѣ, они хоть бы вовсе не ѣздили, подлецы!—сказала тетушка; она съ грустью поглядѣла на племянницу и добавила:—Только время провели сироткѣ моей бѣдной.

Анна Акимовна была голодна, такъ какъ съ самаго утра ничего не ѣла. Ей налили какой-то очень горькой настойки, она вышла и закусила солониной съ горчицей и нашла, что это необыкновенно вкусно. Потомъ нижняя Маша подала пидѣйку, моченія яблоки и крыжовникъ. И это тоже понравилось. Но только одно было неприятно: отъ изразцовой печки вѣяло жаромъ, было душно, и у всѣхъ разгорѣлись щеки. Послѣ ужина убрали со стола скатерть и поставили тарелки съ мятыми пряниками, орѣхами и изюмомъ.

— Садись и ты... чего тамъ!—сказала тетушка кухаркѣ.

Агабьюшка вздохнула и сѣла за столъ; передъ ней Маша поставила тоже рюмку для наливки, и Аннѣ Акимовнѣ стало уже казаться, что одинаково, какъ отъ печки, такъ и отъ бѣлой шеи Агабьюшки, вѣтъ жаромъ. Говорили всѣ о томъ, какъ теперь трудно стало выходить замужъ, что въ прежнее время мужчины если не на красоту, то хоть на деньги лѣстились, а теперь не разберешь, что имъ нужно, и прежде оставались въ дѣвушкахъ только горбатыя и хромыя, а теперь не берутъ даже красивыхъ и богатыхъ. Тетушка стала объяснять это безирравствен-

ностью и тѣмъ, что люди Бога не боятся, но вдругъ вспомнила, что ея братъ Иванъ Ивановичъ и Варварушка — оба святой жизни — и Бога боялись, а все же потихоньку дѣтей рожали и отправляли въ воспитательный домъ; она спохватилась и перевела разговоръ на то, какой у нея когда-то женишокъ былъ, изъ заводскихъ, и какъ она его любила, но ее насильно братья выдали за вдовца иконописца, который, слава Богу, черезъ два года померъ. Нижняя Маша тоже подошла къ столу и съ таинственнымъ видомъ рассказала, что вотъ уже недѣля, какъ каждый день по утрамъ во дворѣ показывается какой-то неизвѣстный мужчина съ черными усами и въ пальто съ барашковымъ воротникомъ: войдетъ во дворъ, поглядитъ на окна большого дома и пойдетъ дальше — къ корпусамъ; мужчина ничего себѣ видный...

Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ Аннѣ Акимовнѣ почему-то вдругъ захотѣлось замужъ, захотѣлось сильно, до тоски: кажется, полжизни и все состояніе отдала бы, только знать бы, что въ верхнемъ этажѣ есть человекъ, который для нея ближе всѣхъ на свѣтѣ, что онъ крѣпко любитъ ее и скучаетъ по ней; и мысль объ этой близости, восхитительной, невыразимой на словахъ, волновала ее душу. И инстинктъ здоровья и молодости льстилъ ей и злалъ, что настоящая поэзія жизни не пришла, а еще впереди, и она вѣрила и, откинувшись на спинку стула (у нея распустились волосы при этомъ), стала смѣяться, а глядя на нее, смѣялись и остальные. И въ столовой долго не умолкали безпричинный смѣхъ.

Доложили, что пришла почевать Жужелица. Это была богомолка Папа или Спиридоновна, маленькая худенькая женщина, лѣтъ пятидесяти, въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ, остроглазая, остроносая, съ острымъ подбородкомъ: глаза у нея были хитрые, ехидные, и глядѣла она съ такимъ выраженіемъ, какъ будто всѣхъ пасквозь видѣла. Губы у нея были сердечкомъ. За ехидство и ненавистничество въ купеческихъ домахъ ее прозвали Жужелицей.

Войдя въ столовую, она, ни на кого не глядя, направилась къ образамъ и зачѣла альтомъ «Рождество Твое», потомъ спѣла «Дѣва днесъ», потомъ «Христось рождается», затѣмъ обернулась и пропизала всѣхъ взглядомъ.

— Съ праздничкомъ! — сказала она и поцѣловала въ

плечо Анну Акимовну.—Насилу, насилу добралась до васъ, благодѣтели мои.— Она поцѣловала въ плечо тетушку:— Пошла я къ вамъ еще утромъ, да по дорогѣ къ добрымъ людямъ заходила отдохнуть. «Останься, да останься, Спиридоновна»,— ахъ, и не видала, какъ вечеръ насталь.

Такъ какъ она не употребляла мясного, то ей подали икры и семги. Она кушала, поглядывая на всѣхъ исподлобья, и водочки три рюмки вышила. Накушавшись, помолилась Богу и поклонилась Аннѣ Акимовнѣ въ ноги.

Какъ это было въ прошломъ и въ третьемъ году, стали играть въ короли, а вся прислуга, сколько ея было въ двухъ этажахъ, столпилась въ дверяхъ, чтобы поглядѣть на игру. Аннѣ Акимовнѣ показалось, что раза два въ толпѣ бабъ и мужиковъ промелькнулъ и Мишенька съ снисходительною улыбкой. Первая вышла въ короли Жужелица, и Анна Акимовна-солдатъ платила ей дань, а потомъ тетушка стала королемъ, и Анна Акимовна пошла въ мужики или «тютюки», что вызвало общій восторгъ, а Агабьюшка вышла въ принцы и застыдилась отъ удовольствія. На другомъ концѣ стола составила еще партія: обѣ Маши, Варварушка и швейка Марѳа Петровна, которую разбудили нарочно для игры въ короли, и лицо у нея было заспанное, злое.

Во время игры разговоръ шелъ о мужчинахъ, о томъ, какъ трудно теперь выйти за хорошаго человѣка, и о томъ, какая доля лучше—дѣвчья или вдовья.

— Дѣвка ты красивая, здоровая, крѣпкая,—сказала Жужелица Аннѣ Акимовнѣ.—Только я никакъ не пойму, мать, для кого ты себя бережешь.

— Что же дѣлать, если никто не беретъ?

— А, можетъ, дала обѣтъ остаться въ дѣвахъ? — продолжала Жужелица, какъ бы не слыша.—Что жъ, хорошее дѣло, оставайся... Оставайся,—повторила она, внимательно и ехидно глядя себѣ въ карты.—Такъ, братъ, оставайся... да... Только дѣвы, преподобныя-то эти самыя, разныя бываютъ,—вздыхнула она и пошла съ короля.—Охъ, разныя, мать! Однѣ, дѣйствительно, блюдутъ себя, словно монашенки, и ни снѣ пороха, а ежели какая и согрѣшитъ часомъ, то измучится вся, бѣдная, и осуждать грѣхъ. А вотъ другія дѣвушки и въ черныхъ платьяхъ ходятъ, и саваны себѣ шьютъ, а сами-то втихомолку старичковъ богатенькихъ

любить. Да-а, канаресочки мои. Иная шельма околдуетъ старика и властвуетъ надъ нимъ, голубушки мои, властвуетъ, кружить его, кружить, а какъ набрала побольше денегъ да выигранныхъ билетовъ, такъ и заколдуетъ до смерти.

Въ отвѣтъ на эти намеки Варварушка только вздохнула и поглядѣла на образъ. На лицѣ ея изобразилось христіанское смиреніе.

— Есть у меня одна знакомая дѣвушка такая, врагиня моя лютая, — продолжала Жужелица, оглядывая всѣхъ съ торжествомъ. — Тоже все вздыхаетъ, да все на образа смотритъ, дьяволица. Когда она властвовала у одного старца, то, бывало, придешь къ ней, а она дастъ тебѣ кусокъ и прикажетъ земные поклоны класть, и сама читаетъ: «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси»... Въ праздникъ дастъ кусокъ, а въ будни попрекаетъ. Ну, а теперь ужъ я натѣшусь надъ ней! Натѣшусь вволю, алмазныя!

Варварушка опять взглянула на образъ и перекрестилась.

— Да, никто меня не беретъ, Спиридоновна, — сказала Анна Акимовна, чтобы перемѣнить разговоръ. — Что подѣлаешь?

— Сама виновата, мать. Все ждешь благородныхъ да образованныхъ, а шла бы за своего брата — купца.

— Купца не нужно! — сказала тетушка и встревожилась. — Спаси, Царица Небесная! Благородный деньги твои прометасть, да зато жалѣть тебя будетъ, дурочка. А купецъ заведетъ такія строгости, что ты въ своемъ же домѣ мѣста себѣ не найдешь. Тебѣ приласкаться къ нему хочется, а онъ купоны рѣжетъ, а сядешь съ нимъ ѣсть, онъ тебя твоимъ же кускомъ хлѣба попрекаетъ, деревенщина!.. Выходи за благороднаго.

Заговорили всѣ сразу, громко перебивая другъ друга, а тетушка стучала по столу щипцами для орѣховъ и, красная, сердитая, говорила:

— Не надо купца, не надо! А заведешь въ домѣ купца, пойду въ богадѣльню!

— Тш... Тише! — крикнула Жужелица; когда всѣ утихли, она прищурила одинъ глазъ и сказала: — Знаешь, что, Аннушка, ласточка моя? Выходить замужъ по-настоящему, какъ всѣ, тебѣ не къ чему. Ты человѣкъ богатый, вольный, сама себѣ королева; но и въ старыхъ дѣвкахъ оставаться какъ будто, дѣтка, не годится. Найду-ка я тебѣ, знаешь,

какого-нибудь завалющенькаго и простоватенькаго человѣчка, примешь ты для видимости законъ и тогда — гуляй, Малашка! Ну, мужу сунешь тамъ тысячь пять или десять, и пусть идетъ, откуда пришелъ, а ты дома сама себѣ госпожа,—кого хочешь, того любишь, и никто не можетъ тебя осудить. И люби ты тогда своихъ благородныхъ да образованныхъ. Эхъ, не жизнь, а масляница! — Жужелица щелкнула пальцами и подсвистнула:— Гуляй, Малашка!

— А грѣхъ!—сказала тетушка.

— Ну, грѣхъ,—усмѣхнулась Жужелица. — Она образованная, понимаетъ. Человѣка зарѣзать или старика околдовать—грѣхъ, это точно, а любить милаго дружочка даже очень не грѣхъ. Да и что тамъ, право! Никакого грѣха нѣтъ! Все это богомолки выдумали, чтобы простой народъ морочить. И вотъ тоже вездѣ говорю — грѣхъ да грѣхъ, а сама и не знаю, почему грѣхъ.—Жужелица выпила наливки и крикнула.— Гуляй, Малашка! — сказала она, обращаясь на этотъ разъ, очевидно, къ себѣ самой.—Тридцать лѣтъ, бабочки, думала все о грѣхахъ, да боялась, а теперь вижу: прозѣвала, проворонила! Эхъ, дура я, дура! — вздохнула она. — Бабій вѣкъ—короткій вѣкъ, и каждымъ денечкомъ дорожить бы надо. Красива ты, Аннушка, очень и богата, а ужъ какъ стукнетъ тридцать-пять или сорокъ, только и вѣку твоего, пиши конецъ. Не слушай, братъ, никого, живи, гуляй до сорока, а потомъ успѣешь отмолить,—хватитъ времени поклоны бить, да саваны шить. Богу свѣчка, валяй и чорту кочергу! Валяй все въ одно мѣсто! Ну, такъ какъ же? Хочешь облагодѣтельствовать человѣчка?

— Хочу,—засмѣялась Анна Акимовна.—Мигъ теперь все равно, я бы за простого пошла.

— Что жъ, и хорошо бы! Ухъ, какого бы ты тогда себѣ молодца выбрала!—Жужелица заимурилась и покачала головой.—Ухъ!

— Я и сама ей говорю: благородныхъ не дожدهшься, такъ шла бы ужъ не за купца, а за кого попроще,—сказала тетушка.—По крайности, взяли бы мы себѣ въ домъ хозяина. А мало ли хорошихъ людей? Хоть нашихъ заводскихъ взять. Всѣ тверезые, степенные...

— А еще бы!—согласилась Жужелица.—Ребята славные. Хочешь, тетка, я Аннушку за Лебединскаго Василя по-сватаю?

— Ну, у Васи ноги длинные,—сказала тетушка серьезно.— Сухой очень. Виду нѣтъ.

Въ толпѣ около дверей засмѣялись.

— Ну, за Пименова. Хочешь идти за Пименова?—спросила Жужелица у Анны Акимовны.

— Хорошо. Сватай за Пименова.

— Ей-Богу?

— Сватай!—сказала рѣшительно Анна Акимовна и ударила по столу.—Честное слово пойду!

— Ей-Богу?

Аннѣ Акимовнѣ вдругъ стало стыдно, что у нея горять щеки и что на нее все смотрять, она смѣшала на столѣ карты и побѣжала изъ комнаты, и когда бѣжала по лѣстницѣ и потомъ пришла наверхъ и сѣла въ гостиной у рояля, изъ нижняго этажа доносился гулъ, будто море шумѣло; вѣроятно, говорили про нее и про Пименова и, быть-можетъ, пользуясь ея отсутствіемъ, Жужелица обижала Варварушку и ужъ, конечно, не стѣснялась въ выраженіяхъ.

Во всемъ верхнемъ этажѣ горѣла только одна лампа въ залѣ, и ея слабый свѣтъ черезъ дверь проникалъ въ темную гостиную. Былъ десятый часъ, не больше. Анна Акимовна сыграла одинъ вальсъ, потомъ другой, третій, — играла непрерывно. Она смотрѣла въ темный уголъ за роялемъ, улыбалась, мысленно звала, и ей приходило въ голову: не поѣхать ли сейчасъ въ городъ къ кому-нибудь, напримѣръ, хоть къ Лысевичу, и не рассказать ли ему, что происходитъ у нея теперь на душѣ? Ей хотѣлось говорить безъ умолку, смѣяться, дурачиться, но темный уголъ за роялемъ угрюмо молчалъ и кругомъ, во всѣхъ комнатахъ верхняго этажа, было тихо, безлюдно.

Она любила чувствительные романсы, но у нея былъ грубый, необработанный голосъ, и потому она только аккомпанировала, а пѣла чуть слышно, однимъ лишь дыханіемъ. Она пѣла шопотомъ романсы за романсомъ, все больше о любви, разлукѣ, утраченныхъ надеждахъ, и воображала, какъ она протянетъ къ нему руки и скажетъ съ мольбой, со слезами: «Пименовъ, снимите съ меня эту тяжесть!» И тогда, точно грѣхи ей простятся, станетъ на душѣ легко, радостно, наступитъ свободная и, быть-можетъ, счастливая жизнь. Въ тоскѣ ожиданія она склонилась къ клавишамъ

и ей страстно захотѣлось, чтобы переменѣна въ жизни произошла сейчасъ же, немедленно, и было страшно отъ мысли, что прежняя жизнь будетъ продолжаться еще нѣкоторое время. Потомъ опять играла и пѣла чуть слышно, и кругомъ было тихо. Изъ нижняго этажа уже не доносился гулъ: должно-быть, тамъ легли спать. Давно уже пробило десять. Приближалась длинная, одинокая, скучная ночь.

Анна Акимовна прошла по всеѣмъ комнатамъ, полежала на диванѣ, прочла у себя въ кабинетѣ письма, полученные вечеромъ. Было двѣнадцать писемъ поздравительныхъ и три анонимныхъ, безъ подписи. Въ одномъ какой-то простой рабочей ужаснымъ, едва разборчивымъ почеркомъ жаловался на то, что въ фабричной лавкѣ продаются рабочимъ горькое постное масло, отъ котораго пахнетъ керосиномъ; въ другомъ—кто-то доносилъ почтительно, что Назарычъ на послѣднихъ торгахъ, покупая желѣзо, взялъ отъ кого-то взятку въ тысячу рублей; въ третьемъ ее бранили за безчеловѣчность.

Праздничное возбужденіе уже проходило, и чтобы поддержать его, Анна Акимовна сѣла опять за рояль и тихо заиграла одинъ изъ новыхъ вальсовъ, потомъ вспомнила, какъ умно и честно она мыслила и говорила сегодня за обѣдомъ. Поглядѣла она кругомъ на темныя окна и стѣны съ картинами, на слабый свѣтъ, который шелъ изъ залы, и вдругъ нечаянно заплакала и ей досадно стало, что она такъ одинока, что ей не съ кѣмъ поговорить, посоветоваться. Чтобы подбодрить себя, она старалась нарисовать въ воображеніи Пименова, но уже ничего не выходило.

Пробило двѣнадцать. Вошелъ Мишенька, уже не во фракѣ, а въ пиджакѣ, и молча зажегъ двѣ свѣчи; затѣмъ онъ вышелъ и черезъ минуту вернулся съ подносомъ, на которомъ была чашка съ чаемъ.

— Что вы смѣетесь? — спросила она, замѣтивъ на его лицѣ улыбку.

— Я внизу былъ и слышалъ, какъ вы шутили насчетъ Пименова... — сказалъ онъ и прикрылъ рукой смѣющійся ротъ.—Посадить бы его давеча обѣдать съ Викторомъ Николаевичемъ и съ генераломъ, такъ онъ померъ бы со страху.—У Мишеньки задрожали плечи отъ смѣха.—Онъ и вилки, небось, держать не умѣетъ.

Смѣхъ лакея, его слова, пиджакъ и усики произвели на Анну Акимовну впечатлѣніе нечистоты. Она закрыла глаза, чтобы не видѣть его, и, сама того не желая, вообразила Пименова обѣдающаго вмѣстѣ съ Лысевичемъ и Крылиннымъ, и его робкая, неинтеллигентная фигура показалась ей жалкой, безпомощной, и она почувствовала отвращеніе. И только теперь въ первый разъ за весь день, она поняла ясно, что все то, что она думала и говорила о Пименовѣ и о бракѣ съ простымъ рабочимъ—вздоръ, глупость и самодурство. Чтобы убѣдить себя въ противномъ, преодолѣть отвращеніе, она хотѣла вспомнить слова, какія говорила за обѣдомъ, но уже не могла сообразить; стыдъ за свои мысли и поступки, и страхъ, что она, быть-можетъ, сказала сегодня что-нибудь лишнее, и отвращеніе къ своему малодушію смутили ее чрезвычайно. Она взяла свѣчу и быстро, какъ будто ее гналъ кто-нибудь, сошла внизъ, разбудила тамъ Спиридоновну и стала увѣрять ее, что она пошутила. Потомъ пошла къ себѣ въ спальню. Рыжая Маша, дремавшая въ креслѣ около постели, вскочила и стала поправлять подушки. Лицо у нея было утомленное, заспанное, и великолѣпные волосы сблизись на одну сторону.

— Вечеромъ опять приходилъ чиновникъ Чаликовъ, — сказала она, зѣвая: — да я не посмѣла докладывать. Ужъ очень пьяный. Говорить, что опять завтра придетъ.

— Что ему нужно отъ меня?—разсердилась Анна Акимовна и ударила гребенкой объ полъ.—Я не хочу его видѣть! Не хочу!

Она рѣшила, что у нея въ жизни никого уже больше не осталось, кромѣ этого Чаликова, что онъ уже не перестанетъ преслѣдовать ее и напоминать ей каждый день, какъ неинтересна и нелѣпа ея жизнь. Вѣдь она на то только и способна, чтобы помогать бѣднымъ. О, какъ это глупо!

Она легла, не раздѣваясь, и зарыдала отъ стыда и скуки. Досаднѣе и глупѣе всего казалось ей то, что сегодняшнія мечты насчетъ Пименова были честны, возвышенны, благородны, но въ то же время она чувствовала, что Лысевичъ и даже Крылинъ для нея были ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ. Она думала теперь, что если бы можно было только-что прожитый длинный день изобразить на картинѣ, то все дурное и пошлое, какъ, напри- мѣръ, обѣдъ, слова адвоката, игра въ короли, были бы

правдой, мечты же и разговоры о Пименовѣ выдѣлялись бы изъ цѣлаго, какъ фальшивое мѣсто, какъ натяжка. И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастьѣ, что все уже для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она спала съ матерью подъ однимъ одѣяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно.

Рыжая Маша стояла на колѣняхъ передъ постелью и смотрѣла на нее печально, съ недоумѣніемъ, потомъ и сама заплакала и припала лицомъ къ ея рукѣ; и безъ словъ было понятно, отчего ей такъ горько

— Дуры мы съ тобой,—говорила Анна Акимовна, плача и смѣясь.—Дуры мы! Ахъ, какія мы дуры!

ПОПРЫГУНЯ.

1.

На свадьбѣ у Ольги Ивановны были всѣ ея друзья и добрые знакомые.

— Посмотрите на него: не правда ли, въ немъ что-то есть? — говорила она своимъ друзьямъ, кивая на мужа и какъ бы желая объяснить, почему это она вышла за простаго, очень обыкновеннаго и ничѣмъ не замѣчательнаго человѣка.

Ея мужъ, Осипъ Степанычъ Дымовъ, былъ врачомъ и имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника. Служилъ онъ въ двухъ больницахъ: въ одной сверхштатнымъ ординаторомъ, а въ другой — прозекторомъ. Ежедневно отъ 9 часовъ утра до полудня онъ принималъ больныхъ и занимался у себя въ палатѣ, а послѣ полудня ѣхалъ на конкѣ въ другую больницу, гдѣ вскрывалъ умершихъ больныхъ. Частная практика его была ничтожна, рублей на пятьсотъ въ годъ. Вотъ и все. Что еще можно про него сказать? А между тѣмъ, Ольга Ивановна и ея друзья и добрые знакомые были не совсѣмъ обыкновенные люди. Каждый изъ нихъ былъ чѣмъ-нибудь замѣчательнъ и немножко извѣстенъ, имѣлъ уже имя и считался знаменитостью, или же хотя и не былъ еще знаменитъ, но зато подавалъ блестящія надежды. Артистъ изъ драматическаго театра, большой, давно признанный талантъ, изящный, умный и скромный человѣкъ и отличный чтець, учившій Ольгу Ивановну читать; пѣвецъ изъ оперы, добродушный толстякъ, со вздохомъ увѣрявшій

Ольгу Ивановну, что она губить себя: если бы она не лѣнилась и взяла себя въ руки, то изъ нея вышла бы замѣчательная пѣвица; затѣмъ, нѣсколько художниковъ и во главѣ ихъ жанристъ, анималистъ и пейзажистъ Рябовскій, очень красивый бѣлокурый молодой человекъ, лѣтъ 25, имѣвшій успѣхъ на выставкахъ и продавшій свою послѣднюю картину за пятьсотъ рублей; онъ поправлялъ Ольгѣ Ивановнѣ ея этюды и говорилъ, что изъ нея, быть-можетъ, выйдетъ толкъ; затѣмъ виолончелистъ, у котораго инструментъ плакалъ, и который откровенно сознавался, что изъ всѣхъ знакомыхъ ему женщинъ умѣетъ аккомпанировать одна только Ольга Ивановна; затѣмъ литераторъ, молодой, но уже извѣстный, писавшій повѣсти, пьесы и рассказы. Еще кто? Ну, еще Василій Васильевичъ, баринъ, помѣщикъ, дилетантъ-иллюстраторъ и виньетистъ, сильно чувствовавшій старый русскій стиль, былинку и эпосъ; на бумагѣ, на фарфорѣ и на законченныхъ тарелкахъ онъ производилъ буквально чудеса. Среди этой артистической, свободной и избалованной судьбою компаніи, правда, деликатной и скромной, но вспоминавшій о существованіи какихъ-то докторовъ только во время болѣзни, и для которой имя Дымовъ звучало такъ же безразлично, какъ Сидоровъ или Тарасовъ, — среди этой компаніи Дымовъ казался чужимъ, лишнимъ и маленькимъ, хотя былъ высокъ ростомъ и широкъ въ плечахъ. Казалось, что на немъ чужой фракъ и что у него приказничья борода. Впрочемъ, если бы онъ былъ писателемъ или художникомъ, то сказали бы, что своей бородкой онъ напоминаетъ Зола.

Артистъ говорилъ Ольгѣ Ивановнѣ, что со своими льняными волосами и въ вѣнчалномъ нарядѣ она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною оно сплошь бываетъ покрыто нѣжными бѣлыми цвѣтами.

— Нѣтъ, вы послушайте! — говорила ему Ольга Ивановна, хватая его за руку. — Какъ это могло вдругъ случиться? Вы слушайте, слушайте... Надо вамъ сказать, что отецъ служилъ вмѣстѣ съ Дымовымъ въ одной больницѣ. Когда бѣдняжка-отецъ заболѣлъ, то Дымовъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ дежурилъ около его постели. Столько самопожертвованія! Слушайте, Рябовскій... И вы, писатель, слушайте, это очень интересно. Подойдите поближе. Сколько самопожертвованія, искренняго участія! Я тоже не спала

ночи и сидѣла около отца, и вдругъ — здравствуйте, побѣдила добра молодца! Мой Дымовъ вѣшался по самыя уши. Право, судьба бываетъ такъ причудлива. Ну, послѣ смерти отца онъ иногда бывалъ у меня, встрѣчался на улицѣ и въ одинъ прекрасный вечеръ вдругъ — бац! сдѣлалъ предложеніе... какъ снѣгъ на голову... Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски. И вотъ, какъ видите, стала супругой. Не правда ли, въ немъ есть что-то сильное, могучее, медвѣжье? Теперь его лицо обращено къ намъ въ три четверти, плохо освѣщено, но когда онъ обернется, вы посмотрите на его лобъ. Рябовскій, что вы скажете объ этомъ лобѣ? Дымовъ, мы о тебѣ говоримъ! — крикнула она мужу. — Иди сюда. Протяни свою честную руку Рябовскому... Вотъ такъ. Будьте друзьями.

Дымовъ, добродушно и наивно улыбаясь, протянулъ Рябовскому руку и сказалъ:

— Очень радъ. Со мной кончилъ курсъ тоже ибкто Рябовскій. Это не родственникъ вашъ?

II.

Ольгѣ Ивановнѣ было 22 года, Дымову 31. Зажили они послѣ свадьбы превосходно. Ольга Ивановна въ гостиной увѣшала всѣ стѣны сплошь своими и чужими этюдами въ рамкахъ и безъ рамъ, а около рояля и мебели устроила красивую тѣсоту изъ китайскихъ зонтовъ, мольбертовъ, разноцвѣтныхъ тряпочекъ, кинжаловъ, бюстиковъ, фотографій... Въ столовой она оклеила стѣны лубочными картинами, повѣсила лапти и серпъ, поставила въ углу косу и грабли, и получилась столовая въ русскомъ вкусѣ. Въ спальнѣ она, чтобы похоже было на пещеру, задрапировала потолокъ и стѣны темнымъ сукномъ, повѣсила надъ кроватями венеціанскій фонарь, а у дверей поставила фигуру съ аллебардой. И всѣ находили, что у молодыхъ супруговъ очень миленькій уголокъ.

Ежедневно, вставши съ постели часовъ въ одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояли, или же, если было солнце, писала что-нибудь масляными красками. Потомъ, въ первомъ часу, она ѣхала къ своей портнихѣ. Такъ какъ у нея и Дымова денегъ было очень немного, въ обрѣзъ, то, чтобы часто появляться въ новыхъ платьяхъ и поражать своими нарядами, ей и ея портнихѣ приходилось пускаться на

хитрости. Очень часто изъ стараго перекрашеннаго платья, изъ ничега не стоящихъ кусочковъ тюля, кружевъ, плюша и шелка выходили просто чудеса, нѣчто обворожительное, не платье, а мечта. Отъ портнихи Ольга Ивановна обыкновенно ѣхала къ какой-нибудь знакомой актрисѣ, чтобы узнать театральныя новости и кстати похлопотать насчетъ билета къ первому представленію новой пьесы или къ бенефису. Отъ актрисы нужно было ѣхать въ мастерскую художника или на картинную выставку, потомъ къ кому-нибудь изъ знаменитостей—приглашать къ себѣ, или отдать визитъ, или просто поболтать. И вездѣ ее встрѣчали весело и дружелюбно и увѣряли ее, что она хорошая, милая, рѣдкая... Тѣ, которыхъ она называла знаменитыми и великими, принимали ее, какъ свою, какъ ровню, и пророчили ей въ одинъ голосъ, что при ея талантахъ, вкусѣ и умѣ, если она не разбросается, выйдетъ большой толкъ. Она пѣла, играла на рояли, писала красками, лѣпила, участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, но все это не какъ-нибудь, а съ талантомъ; дѣлала ли она фонарики для иллюминаціи, рядилась ли, завязывала ли кому галстукъ—все у нея выходило необыкновенно художественно, граціозно и мило. Но ни въ чемъ ея талантливость не сказывалась такъ ярко, какъ въ ея умѣньи быстро знакомиться и коротко сходитьсѣ съ знаменитыми людьми. Стоило кому-нибудь прославиться хоть немножко и заставить о себѣ говорить, какъ она ужъ знакомилась съ нимъ, въ тотъ же день дружилась и приглашала къ себѣ. Всякое новое знакомство было для нея суцимъ праздникомъ. Она боготворила знаменитыхъ людей, гордилась ими и каждую ночь видѣла ихъ во снѣ. Она жаждала ихъ и никакъ не могла утолить своей жажды. Старые уходили и забывались, приходили на смѣну имъ новые, но и къ этимъ она скоро привыкала или разочаровывалась въ нихъ и начинала жадно искать новыхъ и новыхъ великихъ людей, находила и опять искала. Для чего?

Въ пятомъ часу она обѣдала дома съ мужемъ. Его простота, здравый смыслъ и добродушіе приводили ее въ умиленіе и восторгъ. Она то и дѣло вскакивала, порывисто обнимала его голову и осыпала ее поцѣлуями.

— Ты, Дымовъ, умный, благородный человекъ, — говорила она;— но у тебя есть одинъ очень важный недостатокъ.

Ты совѣмъ не интересуешься искусствомъ. Ты отрицаешь и музыку, и живопись.

— Я не понимаю ихъ,—говорилъ онъ кротко.— Я всю жизнь занимался естественными науками и медициной, и мнѣ некогда было интересоваться искусствами.

— Но вѣдь это ужасно, Дымовъ!

— Почему же? Твои знакомые не знаютъ естественныхъ наукъ и медицины, однако ты не ставишь имъ этого въ упрекъ. У каждого свое. Я не понимаю пейзажей и оперъ, но думаю такъ: если одни умные люди посвящаютъ имъ всю свою жизнь, а другіе умные люди платятъ за нихъ громадные деньги, то, значитъ, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значитъ отрицать.

— Дай, я пожму твою честную руку!

Послѣ обѣда Ольга Ивановна ѣхала къ знакомымъ, потомъ въ театръ или на концертъ и возвращалась домой послѣ полуночи. Такъ каждый день.

По средамъ у нея бывали вечеринки. На этихъ вечеринкахъ хозяйка и гости не играли въ карты и не танцевали, а развлекали себя разными художествами. Актеръ изъ драматическаго театра читалъ, пѣвецъ пѣлъ, художники рисовали въ альбомы, которыхъ у Ольги Ивановны было множество, виолончелистъ игралъ, и сама хозяйка тоже рисовала, лѣлила, пѣла и аккомпанировала. Въ промежуткахъ между чтеніемъ, музыкой и пѣніемъ говорили и спорили о литературѣ, театрѣ и живописи. Дамъ не было, потому что Ольга Ивановна всѣхъ дамъ, кромѣ актрисъ и своей портинки, считала скучными и пошлыми. Ни одна вечеринка не обходилась безъ того, чтобы хозяйка не вздрагивала при каждомъ звонкѣ и не говорила съ побѣднымъ выраженіемъ лица: «Это онъ!», разумѣя подъ словомъ «онъ» какую-нибудь новую приглашенную знаменитость. Дымова въ гостиной не было, и никто не вспоминалъ объ его существованіи. Но ровно въ половинѣ двѣнадцатаго отворялась дверь, ведущая въ столовую, показывался Дымовъ со своею добродушною кроткою улыбкой и говорилъ, потирая руки:

— Пожалуйте, господа, закусить.

Всѣ шли въ столовую и всякій разъ видѣли на столѣ одно и то же: блюдо съ устрицами, кусокъ ветчины или

телятины, сардины, сыръ, икру, грибы, водку и два графина съ виномъ.

— Милый мой метръ-д'отель!—говорила Ольга Ивановна, всплескивая руками отъ восторга. — Ты просто очарователенъ! Господа, посмотрите на его лобъ! Дымовъ, повернись въ профиль. Господа, посмотрите: лицо бенгальскаго тигра, а выраженіе доброе и милое, какъ у оленя. У, милый!

Гости ѣли и, глядя на Дымова, думали: «Въ самомъ дѣлѣ, славный малый»,—но скоро забывали о немъ и продолжали говорить о театрѣ, музыкѣ и живописи.

Молодые супруги были счастливы, и жизнь ихъ текла какъ по маслу. Впрочемъ, третья недѣля ихъ медоваго мѣсяца была проведена не совсѣмъ счастливо, даже печально. Дымовъ заразился въ больницѣ рожей, пролежалъ въ постели шесть дней и долженъ былъ остричь до-гола свои красивые черные волосы. Ольга Ивановна сидѣла около него и горько плакала, но, когда ему полегчало, она надѣла на его стриженую голову бѣленькій платокъ и стала писать съ него бедунна. И обонимъ было весело. Дня черезъ три послѣ того, какъ онъ, выздоровѣвши, сталъ опять ходить въ больницы, съ нимъ произошло новое недоразумѣніе.

— Миѣ не везеть, мама!—сказалъ онъ однажды за обѣдомъ.—Сегодня у меня было четыре вскрытія, и я себѣ сразу два пальца порѣзалъ. И только дома я это замѣтилъ.

Ольга Ивановна испугалась. Онъ улыбнулся и сказалъ, что это пустяки и что ему часто приходится во время вскрытій дѣлать себѣ порѣзы на рукахъ.

— Я увлекаюсь, мама, и становлюсь разсѣяннымъ.

Ольга Ивановна съ тревогой ожидала трупнаго зараженія и по ночамъ молилась Богу, но все обошлось благополучно. И опять потекла мирная счастливая жизнь безъ печалей и тревогъ. Настоящее было прекрасно, а на смѣну ему приближалась весна, уже улыбавшаяся издали и общавшая тысячу радостей. Счастью не будетъ конца! Въ апрѣлѣ, въ маѣ и въ іюнѣ дача далеко за городомъ, прогулки, этюды, рыбная ловля, соловьи, а потомъ, съ іюля до самой осени, поѣздка художниковъ на Волгу и въ этой поѣздкѣ, какъ непремѣнный членъ сосетѣ, будетъ принимать участіе и Ольга Ивановна. Она уже сшила себѣ два дорожныхъ костюма изъ холстинки, купила на дорогу красокъ, кистей, холста и новую палитру. Почти каждый день къ ней при-

ходилъ Рябовскій, чтобы посмотрѣть, какіе она сдѣлала успѣхи по живописи. Когда она показывала ему свою живопись, онъ засовывалъ руки глубоко въ карманы, крѣпко сжималъ губы, сопѣлъ и говорилъ:

— Такъ-съ... Это облако у васъ кричитъ: оно освѣщено не по-вечернему. Передній планъ какъ-то сжеванъ и что-то, понимаете ли, не то... А избушка у васъ подавилась чѣмъ-то и жалобно пищить... надо бы уголь этотъ потемнѣе взять. А въ общемъ недурственно... Хвалю.

И чѣмъ онъ непонятнѣе говорилъ, тѣмъ легче Ольга Ивановна его понимала.

III.

На второй день Троицы послѣ обѣда Дымовъ купилъ закусокъ и конфетъ и поѣхалъ къ женѣ на дачу. Онъ не видѣлся съ нею уже двѣ недѣли и сильно соскучился. Сидя въ вагонѣ и потомъ отыскивая въ большой роуцѣ свою дачу, онъ все время чувствовалъ голодь и утомленіе и мечталъ о томъ, какъ онъ на свободѣ поужинаетъ вмѣстѣ съ женой и потомъ завалится спать. И ему весело было смотрѣть на свой свертокъ, въ которомъ были завернуты икра, сыръ и бѣлорыбца.

Когда онъ отыскалъ свою дачу и узналъ ее, уже заходило солнце. Старуха-горничная сказала, что барыни нѣтъ дома и что, должно-быть, онѣ скоро придуть. На дачѣ, очень неприглядной на видъ, съ низкими потолками, оклеенными писчею бумагой, и съ неровными щелистыми полами, было только три комнаты. Въ одной стояла кровать, въ другой на стульяхъ и окнахъ валялись холсты, кисти, засаленная бумага и мужскія пальто и шляпы, а въ третьей Дымовъ засталъ трехъ какихъ-то незнакомыхъ мужчинъ. Двое были брюнеты съ бородами, а третій совсѣмъ бритый и толстый, повидимому, — актеръ. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ актеръ басомъ, нелюдимо оглядывая Дымова. — Вамъ Ольгу Ивановну нужно? Погодите, она сейчасъ придетъ.

Дымовъ сѣлъ и сталъ дожидаться. Одинъ изъ брюнетовъ сонно и вяло поглядывая на него, налилъ себѣ чаю и спросилъ:

— Можетъ, чаю хотите?

Дымову хотѣлось и пить и ѣсть, но, чтобы не портить себѣ аппетита, онъ отказался отъ чая. Скоро послышались шаги и знакомый смѣхъ; хлопнула дверь, и въ комнату вѣбжала Ольга Ивановна въ широкополой шляпѣ и съ ящичкомъ въ рукѣ, а вслѣдъ за нею съ большимъ зонтомъ и со складнымъ стуломъ вошелъ веселый, краснощекий Рябовскій.

— Дымовъ! — вскрикнула Ольга Ивановна и вспыхнула отъ радости.— Дымовъ! — повторила она, кладя ему на грудь голову и обѣ руки. — Это ты! Отчего ты такъ долго не пріѣзжалъ? Отчего? Отчего?

— Когда же мнѣ, мама? Я всегда занятъ, а когда бываю свободенъ, то все случается такъ, что расписание поѣздовъ не подходитъ.

— Но какъ я рада тебя видѣть! Ты мнѣ всю, всю ночь снился, и я боялась, какъ бы ты не заболѣлъ. Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ ты мнѣ, какъ ты кстати пріѣхалъ! Ты будешь моимъ спасителемъ. Ты одинъ только можешь спасти меня! Завтра будетъ здѣсь преоригинальная свадьба,—продолжала она, смѣясь и завязывая мужу галстукъ.— Женится молодой телеграфистъ на станціи, нѣкто Чикельдѣевъ. Красивый молодой человекъ, ну, не глупый и есть въ лицѣ, знаешь, что-то сильное, медвѣжье... Можно съ него молодого варяга писать. Мы, всѣ дачники, принимаемъ въ немъ участіе и дали ему честное слово быть у него на свадьбѣ... Человекъ небогатый, одинокій, робкій и, конечно, было бы грѣшно отказать ему въ участіи. Представь, послѣ обѣдни вѣнчанье, потомъ изъ церкви всѣ пѣшкомъ до квартиры невѣсты... понимаешь, рожа, пѣніе птицъ, солнечныя пятна на травѣ и всѣ мы разноцвѣтными пятнами на ярко-зеленомъ фонѣ — преоригинально, во вкусѣ французскихъ экспрессионистовъ. Но, Дымовъ, въ чемъ я пойду въ церковь? — сказала Ольга Ивановна и сдѣлала плачущее лицо. — У меня здѣсь ничего нѣтъ, буквально ничего! Ни платья, ни цвѣтовъ, ни перчатокъ... Ты долженъ меня спасти. Если пріѣхалъ, то, значить, сама судьба велить тебѣ спасти меня. Возьми, мой дорогой, ключи, поѣзжай домой и возьми тамъ въ гардеробѣ мое розовое платье. Ты его помнишь, оно виситъ первое... Потомъ въ кладовой съ правой стороны на полу ты увидишь двѣ картонки. Какъ откроешь верхнюю, такъ тамъ все тюль, тюль, тюль и разные доскутки,

а подъ ними цвѣты. Цвѣты все вынь осторожно, постарайся, дуся, не помять, ихъ потомъ я выберу... И перчатки купи.

— Хорошо, — сказала Дымовъ. — Я завтра поѣду и пришло.

— Когда же завтра? — спросила Ольга Ивановна и посмотрѣла на него съ удивленіемъ. — Когда же ты успѣешь завтра? Завтра отходить первый поѣздъ въ 9 часовъ, а вѣнчаніе въ 11. Нѣтъ, голубчикъ, надо сегодня, обязательно сегодня! Если завтра тебѣ нельзя будетъ пріѣхать, то пришли съ разсылнымъ. Ну, иди же... Сейчасъ долженъ придти пассажирскій поѣздъ. Не опоздай, дуся.

— Хорошо.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль тебя отпустить, — сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нея на глазахъ. — И зачѣмъ я, дура, дала слово телеграфисту?

Дымовъ быстро выпилъ стаканъ чаю, взялъ баранку и, кротко улыбаясь, пошелъ на станцію. А икру, сыръ и бѣлорыбицу съѣли два брюнета и толстый актеръ.

IV.

Въ тихую лунную іюльскую ночь Ольга Ивановна стояла на палубѣ волжскаго парохода и смотрѣла то на воду, то на красивые берега. Рядомъ съ нею стоялъ Рябовскій и говорилъ ей, что черныя тѣни на водѣ — не тѣни, а сонъ, что въ виду этой колдовской воды съ фантастическимъ блескомъ, въ виду бездоннаго неба и грустныхъ, задумчивыхъ береговъ, говорящихъ о суетѣ нашей жизни и о существованіи чего-то высшаго, вѣчнаго, блаженнаго, хорошо бы забыться, умереть, стать воспоминаніемъ. Прошедшее пошло и не интересно, будущее ничтожно, а эта чудная, единственная въ жизни ночь скоро кончится, сольется съ вѣчностью — зачѣмъ же жить?

А Ольга Ивановна прислушивалась то къ голосу Рябовскаго, то къ тишинѣ ночи и думала о томъ, что она безсмертна и никогда не умретъ. Бирюзовый цвѣтъ воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, черныя тѣни и безстчетная радость, наполнявшая ея душу, говорили ей, что изъ нея выйдетъ великая художница, и что гдѣ-то тамъ за далью, за лунной ночью, въ безконечномъ пространствѣ ожидаютъ ее успѣхъ, слава, любовь народа... Когда она, не мигая, долго смотрѣла вдаль, ей чудились

толпы людей, огни, торжественные звуки музыки, крики восторга, сама она въ бѣломъ платѣ и цвѣты, которые сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Думала она также о томъ, что рядомъ съ нею, облокотившись о бортъ, стоитъ настоящій великій человѣкъ, гений, Божій избранникъ... Все, что онъ создалъ до сихъ поръ, прекрасно, ново и необыкновенно, а то, что создастъ онъ со временемъ, когда съ мужалостью окрѣпнетъ его рѣдкій талантъ, будетъ поразительно, неизмѣримо высоко, и это видно по его липу, по манерѣ выражаться и по его отношенію къ природѣ. Отѣняхъ, вечернихъ тонахъ, о лунномъ блескѣ онъ говоритъ какъ-то особенно, своимъ языкомъ, такъ что невольно чувствуется обаяніе его власти надъ природой. Самъ онъ очень красивъ, оригиналенъ, и жизнь его, независимая, свободная, чуждая всего житейскаго, похожа на жизнь птицы.

— Становится свѣжо, — сказала Ольга Ивановна и вздрогнула.

Рябовскій окуталъ ее въ свой плащъ и сказалъ печально:

— Я чувствую себя въ вашей власти. Я рабъ. Зачѣмъ вы сегодня такъ обворожительны?

Онъ все время глядѣлъ на нее, не отрываясь, и глаза его были страшны, и она боялась взглянуть на него.

— Я безумно люблю васъ...— шепталъ онъ, дыша ей на щеку.— Скажите мнѣ одно слово, и я не буду жить, брошу искусство... — бормоталъ онъ въ сильномъ волненіи. — Любите меня, любите...

— Не говорите такъ,— сказала Ольга Ивановна, закрывая глаза.— Это страшно. А Дымовъ?

— Что Дымовъ? Почему Дымовъ? Какое мнѣ дѣло до Дымова? Волга, луна, красота, моя любовь, мой восторгъ, а никакого нѣтъ Дымова... Ахъ, я ничего не знаю... Не нужно мнѣ проплага, мнѣ дайте одно мгновеніе... одинъ мигъ!

У Ольги Ивановны забилося сердце. Она хотѣла думать о мужѣ, но все ея прошлое со свадьбой, съ Дымовымъ и съ вечерниками, казалось ей маленькимъ, ничтожнымъ, тусклымъ, ненужнымъ и далекимъ-далекимъ... Въ самомъ дѣлѣ: что Дымовъ? почему Дымовъ? какое ей дѣло до Дымова? Да существуетъ ли онъ въ природѣ и не сонъ ли онъ только?

«Для него, простого и обыкновеннаго человѣка, достаточно и того счастья, которое онъ уже получилъ,— думала

она, закрывая лицо руками.—Пусть осуждаютъ *тамъ*, проклинаютъ, а я вотъ на зло всѣмъ возьму и погибну, возьму вотъ и погибну... Надо испытать все въ жизни. Боже, какъ жутко и какъ хорошо!»

— Ну что? Что?—бормоталъ художникъ, обнимая ее и жадно цѣлуя руки, которыми она слабо пыталась отстранить его отъ себя.—Ты меня любишь? Да? Да? О, какая ночь! Чудная ночь!

— Да, какая ночь!—прошептала она, глядя ему въ глаза, блестящія отъ слезъ, потомъ быстро оглянулась, обняла его и крѣпко поцѣловала въ губы.

— Бѣ Клинешимъ подходимъ!—сказалъ кто-то на другой сторонѣ палубы.

Послышались тяжелые шаги. Это проходилъ мимо человѣкъ изъ буфета.

— Послушайте,—сказала ему Ольга Ивановна, смѣясь и плача отъ счастья:—принесите намъ вина.

Художникъ, блѣдный отъ волненія, сѣлъ на скамью, посмотрѣлъ на Ольгу Ивановну обожающими, благодарными глазами, потомъ закрылъ глаза и сказалъ, томно улыбаясь:

— Я усталъ.

И прислонился головою къ борту.

V.

Второго сентября день былъ теплый и тихій, но пасмурный. Рано утромъ на Волгѣ бродилъ легкій туманъ, а послѣ девяти часовъ сталъ накрапывать дождь. И не было никакой надежды, что небо прояснится. За чаемъ Рябовскій говорилъ Ольгѣ Ивановнѣ, что живопись—самое неблагодарное и самое скучное искусство, что онъ не художникъ, что одни только дураки думаютъ, что у него есть талантъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, схватилъ ножъ и поцарапалъ имъ свой самый лучшій этюдъ. Послѣ чая онъ, мрачный, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на Волгу. А Волга уже была безъ блеска, тусклая, матовая, холодная на видъ. Все, все напоминало о приближеніи тоскливой, хмурой осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегахъ, алмазные отраженія лучей, прозрачную синюю даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь съ Волги и уложила въ сундуки до будущей весны, и вороны летали около Волги и дразнили ее: «Голая! голая!» Рябовскій слу-

шалъ ихъ карканье и думалъ о томъ, что онъ уже выдохся и потерялъ талантъ, что все на этомъ свѣгѣ условно, относительно и глупо, и что не слѣдовало бы связывать себя съ этой женщиной... Однимъ словомъ, онъ былъ не въ духѣ и хандрилъ.

Ольга Ивановна сидѣла за перегородкой на кровати и, перебирая пальцами свои прекрасные льняные волосы, воображала себя то въ гостиной, то въ спальнѣ, то въ кабинетѣ мужа; воображеніе уносило ее въ театръ, къ портнихѣ и къ знаменитымъ друзьямъ. Что-то они подѣлываютъ теперь? Вспоминаютъ ли о ней? Сезонъ уже начался, и пора бы подумать о вечеринкахъ. А Дымовъ? Милый Дымовъ! Какъ кротко и дѣтски-жалобно онъ проситъ ее въ своихъ письмахъ поскорѣ ѣхать домой! Каждый мѣсяцъ онъ высылалъ ей по 75 рублей, а когда она написала ему, что задолжала художникамъ сто рублей, то онъ прислалъ ей и эти сто. Какой добрый, великодушный человѣкъ! Путешествіе утомило Ольгу Ивановну, она скучала, и ей хотѣлось поскорѣ уйти отъ этихъ мужиковъ, отъ запаха рѣчной сырости и сбросить съ себя это чувство физической нечистоты, которое она испытывала все время, живя въ крестьянскихъ избахъ и кочуя изъ села въ село. Если бы Рябовскій не далъ честнаго слова художникамъ, что онъ проживетъ съ ними здѣсь до 20-го сентября, то можно было бы уѣхать сегодня же. И какъ бы это было хорошо!

— Боже мой,—простоналъ Рябовскій:—когда же, наконецъ, будетъ солнце? Не могу же я солнечный пейзажъ продолжать безъ солнца!..

— А у тебя есть этюдъ при облачномъ небѣ,—сказала Ольга Ивановна, выходя изъ-за перегородки. — Помнишь, на правомъ планѣ лѣсъ, а на лѣвомъ — стадо коровъ и гуси. Теперь ты могъ бы его кончить.

— Э!—поморщился художникъ. — Кончить! Неужели вы думаете, что самъ я такъ глупъ, что не знаю, что мнѣ нужно дѣлать!

— Какъ ты ко мнѣ перемѣнился! — вздохнула Ольга Ивановна.

— Ну, и прекрасно.

У Ольги Ивановны задрожало лицо, она отошла къ печкѣ и заплакала.

— Да, недоставало только слезъ. Перестаньте! У меня тысячи причинъ плакать, однакоже, я не плачу.

— Тысячи причинъ!—всхлинула Ольга Ивановна.—Самая главная причина, что вы уже тяготитесь мной. Да!—сказала она и зарыдала. — Если говорить правду, то вы стыдитесь нашей любви. Вы все стараетесь, чтобы художники не замѣтили, хотя этого скрыть нельзя, и имъ все давно уже извѣстно.

— Ольга, я объ одномъ прошу васъ, — сказалъ художникъ умоляюще и приложивъ руку къ сердцу:—объ одномъ: не мучьте меня! Больше мнѣ отъ васъ ничего не нужно!

— Но поклянитесь, что вы меня все еще любите!

— Это мучительно!—процѣдилъ сквозь зубы художникъ и вскочилъ.—Кончится тѣмъ, что я брошусь въ Волгу или сойду съ ума! Оставьте меня!

— Ну, убедите, убейте меня!—крикнула Ольга Ивановна.— Убейте!

Она опять зарыдала и пошла за перегородку. На соломенной крышѣ избы зашуршалъ дождь. Рябовскій схватилъ себя за голову и прошелся изъ угла въ уголь, потомъ съ рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто желая что-то кому-то доказать, надѣлъ фуражку, перекинулъ черезъ плечо ружье и вышелъ изъ избы.

По уходѣ его, Ольга Ивановна долго лежала на кровати и плакала. Сначала она думала о томъ, что хорошо бы отравиться, чтобы вернувшійся Рябовскій засталъ ее мертвою, потомъ же она унеслась мыслями въ гостиную, въ кабинетъ мужа и вообразила, какъ она сидитъ неподвижно рядомъ съ Дымовымъ и наслаждается физическимъ покоемъ и чистотой, и какъ вечеромъ сидитъ въ театрѣ и слушаетъ Мазини. И тоска по цивилизаціи, по городскому шуму и извѣстнымъ людямъ защемила ее сердце. Въ избу вошла баба и стала не спѣша топить печь, чтобы готовить обѣдъ. Запахло гарью, и воздухъ носилъ отъ дыма. Приходили художники въ высокихъ грязныхъ сапогахъ и съ мокрыми отъ дождя лицами, разсматривали этюды и говорили себѣ въ утѣшеніе, что Волга даже и въ дурную погоду имѣетъ свою прелесть. А дешевые часы на стѣнкѣ: тикъ-тикъ-тикъ... Озябшія мухи столпились въ переднемъ углу около образовъ и жужжать, и слышно, какъ подъ лавками въ толстыхъ напкахъ возятся прусаки...

Рябовскій вернулся домой, когда заходило солнце. Онъ бросилъ на столъ фуражку и, блѣдный, замученный, въ грязныхъ сапогахъ, опустился на лавку и закрылъ глаза.

— Я усталъ...—сказалъ онъ и задвигалъ бровями, сплясь поднять вѣки.

Чтобы приласкаться къ нему и показать, что она не сердится, Ольга Ивановна подошла къ нему, молча поцѣловала и провела гребенкой по его бѣлокурымъ волосамъ. Ей захотѣлось причесать его.

— Что такое?—спросилъ онъ, вздрогнувъ, точно къ нему прикоснулись чѣмъ-то холоднымъ, и открылъ глаза. — Что такое? Оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ.

Онъ отстранилъ ее руками и отошелъ, и ей показалось, что лицо его выражало отвращеніе и досаду. Въ это время баба осторожно несла ему въ обѣихъ рукахъ тарелку съ щами, и Ольга Ивановна видѣла, какъ она обмочила во щахъ свои большіе пальцы. И грязная баба съ перестянутымъ животомъ, и щи, которыя сталъ жадно ѣсть Рябовскій, и изба, и вся эта жизнь, которую вначалѣ она такъ любила за простоту и художественный безпорядокъ, показались ей теперь ужасными. Она вдругъ почувствовала себя оскорбленной и сказала холодно:

— Намъ нужно разстаться на нѣкоторое время, а то отъ скуки мы можемъ серьезно поссориться. Мнѣ это надоѣло. Сегодня я уѣду.

— На чемъ? На палочкѣ верхомъ?

— Сегодня четвергъ, значить, въ половинѣ десятаго придетъ пароходъ.

— А? Да, да... Ну, что жъ, поѣзжай... — сказалъ мягко Рябовскій, утираясь вмѣсто салфетки полотенцемъ. — Тебѣ здѣсь скучно и дѣлать нечего, и надо быть большимъ эгоистомъ, чтобы удерживать тебя. Поѣзжай, а послѣ двадцатаго увидимся.

Ольга Ивановна укладывалась весело, и даже щеки у нея разгорѣлись отъ удовольствія. Неужели это правда, — спрашивала она себя: — что скоро она будетъ писать въ гостиную, а спать въ спальнѣ и обѣдать со скатертью? У нея отлегло отъ сердца, и она уже не сердилась на художника.

— Краски и кисти я оставлю тебѣ, Рябуша, — говорила она. — Что останется, привезешь... Смотри же, безъ меня

туть не лѣнись, не хандри, а работай. Ты у меня молодчина, Рябуша.

Въ десять часовъ Рябовскій, на прощанье, поцѣловаль ее для того, какъ она думала, чтобы не цѣловать на пароходѣ при художникахъ, и проводилъ на пристань. Подошелъ скоро пароходъ и увезъ ее.

Приѣхала она домой черезъ двое съ половиной сутокъ. Не снимая шляпы и ватерируфа, тяжело дыша отъ волненія, она прошла въ гостиную, а оттуда въ столовую. Дымовъ безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ сидѣлъ за столомъ и точилъ ножъ о вилку; передъ нимъ на тарелкѣ лежалъ рябчикъ. Когда Ольга Ивановна входила въ квартиру, она была убѣждена, что необходимо скрыть все отъ мужа и что на это хватитъ у нея умѣнья и силы, но теперь, когда она увидѣла широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящіе радостные глаза, она почувствовала, что скрывать отъ этого человѣка такъ же подло, отвратительно и такъ же невозможно и не подъ силу ей, какъ оклеветать, украсть или убить, и она въ одно мгновеніе рѣшила рассказать ему все, что было. Давши ему поцѣловать себя и обнять, она опустилась передъ нимъ на колѣни и закрыла лицо.

— Что? Что, мама? — спросилъ онъ нѣжно. — Соскучилась?

Она подняла лицо, красное отъ стыда, и поглядѣла на него виновато и умоляюще, но страхъ и стыдъ помѣшали ей говорить правду.

— Ничего... — сказала она. — Это я такъ...

— Сядемъ, — сказалъ онъ, поднимая ее и усаживая за столъ. — Вотъ такъ... Кушай рябчика. Ты проголодалась, бѣдняжка.

Она жадно вдыхала въ себя родной воздухъ и ѣла рябчика, а онъ съ умиленіемъ глядѣлъ на нее и радостно смѣялся.

VI.

Повидимому, съ середины зимы Дымовъ сталъ догадываться, что его обманываютъ. Онъ, какъ будто у него была совѣсть нечиста, не могъ уже смотрѣть женѣ прямо въ глаза, не улыбался радостно при встрѣчѣ съ нею и, чтобы меньше оставаться съ нею наединѣ, часто приводилъ къ

себѣ обѣдать своего товарища Коростелева, маленькаго стриженаго человѣчка съ помятымъ лицомъ, который, когда разговаривалъ съ Ольгой Ивановной, то отъ смущенія разстегивалъ всѣ пуговицы своего пиджака и опять ихъ застегивалъ и потомъ начиналъ правой рукой щипать свой лѣвый усъ. За обѣдомъ оба доктора говорили о томъ, что при высокомъ стояніи діафрагмы иногда бываютъ перебои сердца, или что множественные невриты въ послѣднее время наблюдаются очень часто, или что вчера Дымовъ, вскрывши трупъ съ діагностикой «злокачественная анемія», нашелъ ракъ поджелудочной железы. И казалось, что оба они вели медицинскій разговоръ только для того, чтобы дать Ольгѣ Ивановнѣ возможность молчать, т. е. не лгать. Послѣ обѣда Коростелевъ сѣлся за рояль, а Дымовъ вздыхалъ и говорилъ ему:

— Эхъ, братъ! Ну, да что! Сыграй-ка что-нибудь печальное.

Поднявъ плечи и широко разставивъ пальцы, Коростелевъ бралъ нѣсколько аккордовъ и начиналъ пѣть теноромъ «Укажи мнѣ такую обитель, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ», а Дымовъ еще разъ вздыхалъ, подпиралъ голову кулакомъ и задумывался.

Въ послѣднее время Ольга Ивановна вела себя крайне неосторожно. Каждое утро она просыпалась въ самомъ дурномъ настроеніи и съ мыслью, что она Рябовскаго уже не любитъ и что, слава Богу, все уже кончено. Но, напившись кофе, она соображала, что Рябовскій отнял у нея мужа и что теперь она осталась безъ мужа и безъ Рябовскаго; потомъ она вспомнила разговоры своихъ знакомыхъ о томъ, что Рябовскій готовитъ къ выставкѣ нѣчто поразительное, смѣсь пейзажа съ жанромъ, во вкусѣ Полѣнова, отчего всѣ, кто бываетъ въ его мастерской, приходятъ въ восторгъ; но вѣдь это, думала она, онъ создалъ подъ ея влияніемъ и вообще, благодаря ея влиянію, онъ сильно измѣнился къ лучшему. Вліяніе ея такъ благотворно и существенно, что, если она оставитъ его, то онъ, пожалуй, можетъ погибнуть. И вспомнила она также, что въ послѣдній разъ онъ приходилъ къ ней въ какомъ-то сѣромъ сюртучкѣ съ искрами и въ новомъ галстукѣ и спрашивалъ томно: «Я красивъ?» И въ самомъ дѣлѣ, онъ, изящный, со своими длинными кудрями и съ голубыми глазами, былъ

очень красивъ (или, можетъ-быть, такъ показалось) и былъ ласковъ съ ней.

Вспомнивъ про многое и сообразивъ, Ольга Ивановна одѣвалась и въ сильномъ волненіи ѣхала въ мастерскую къ Рябовскому. Она заставляла его веселымъ и восхищеннымъ своею, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпною картиной; онъ прыгалъ, дурачился и на серьезные вопросы отвѣчалъ шутками. Ольга Ивановна ревновала Рябовскаго къ картинѣ и ненавидѣла ее, но изъ вѣжливости простаивала передъ картиной молча минутъ пять и, вздохнувъ, какъ вздыхаютъ передъ святыней, говорила тихо:

— Да, ты никогда не писалъ еще ничего подобнаго. Знаешь, даже странно.

Потомъ она начинала умолять его, чтобы онъ любилъ ее, не бросалъ, чтобы пожалѣлъ ее бѣдную и несчастную. Она плакала, цѣловала ему руки, требовала, чтобы онъ клялся ей въ любви, доказывала ему, что безъ ея хорошаго вліянія онъ собьется съ пути и погибнетъ. И, испортивъ ему хорошее настроеніе духа и чувствуя себя униженной, она уѣзжала къ портнихѣ или къ знакомой актрисѣ похлопотать насчетъ билета.

Если она не заставляла его въ мастерской, то оставляла ему письмо, въ которомъ клялась, что, если онъ сегодня не придетъ къ ней, то она непременно отравится. Онъ трусилъ, приходилъ къ ней и оставался обѣдать. Не стѣсняясь присутствіемъ мужа, онъ говорилъ ей дерзости, она отвѣчала ему тѣмъ же. Оба чувствовали, что они связываютъ другъ друга, что они деспоты и враги, и злились, и отъ злости не замѣчали, что оба они неприличны и что даже стриженный Коростелевъ понимаетъ все. Послѣ обѣда Рябовскій спѣшилъ проститься и уйти.

— Куда вы идете?—спрашивала его Ольга Ивановна въ передней, глядя на него съ ненавистью.

Онъ, морщась и щуря глаза, называлъ какую-нибудь даму, общую знакомую, и было видно, что это онъ смѣется надъ ея ревностью и хочетъ досадить ей. Она шла къ себѣ въ спальню и ложилась въ постель; отъ ревности, досады, чувства униженія и стыда она кусала подушку и начинала громко рыдать. Дымовъ оставлялъ Коростелева въ гостиной, шелъ въ спальню и, сконфуженной, растерянный, говорилъ тихо:

— Не плачь громко, мама... Зачѣмъ? Надо молчать объ этомъ... Надо не подавать вида... Знаешь, что случилось, того уже не поправишь.

Не зная, какъ усмирить въ себѣ тяжелую ревность, отъ которой даже въ вискахъ ложило, и думая, что еще можно поправить дѣло, она умывалась, пудрила заплаканное лицо и летѣла къ знакомой дамѣ. Не заставъ у нея Рябовскаго, она ѣхала къ другой, потомъ къ третьей... Сначала ей было стыдно такъ ѣздить, но потомъ она привыкла, и случалось, что въ одинъ вечеръ она объѣзжала всѣхъ знакомыхъ женщинъ, чтобы отыскать Рябовскаго, и всѣ понимали это.

Однажды она сказала Рябовскому про мужа:

— Этотъ человѣкъ гнететъ меня своимъ великодушіемъ!

Эта фраза ей такъ понравилась, что, встрѣчаясь съ художниками, которые знали объ ея романѣ съ Рябовскимъ, она всякій разъ говорила про мужа, дѣлая энергическій жестъ рукой:

— Этотъ человѣкъ гнететъ меня своимъ великодушіемъ!

Порядокъ жизни былъ такой же, какъ въ прошломъ году. По средамъ бывали вечеринки. Артистъ читалъ, художники рисовали, віолончелистъ игралъ, пѣвецъ пѣлъ, и неизмѣнно въ половинѣ двѣнадцатаго открывалась дверь, ведущая въ столовую, и Дымовъ, улыбаясь, говорилъ:

— Пожалуйста, господа, закусить.

Попржежнему Ольга Ивановна искала великихъ людей, находила и не удовлетворялась и опять искала. Попржежнему она каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымовъ уже не спалъ, какъ въ прошломъ году, а сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то работалъ. Ложился онъ часа въ три, а вставалъ въ восемь.

Однажды вечеромъ, когда она, собираясь въ театръ, стояла передъ трюмо, въ спальню вошелъ Дымовъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Онъ кротко улыбался и, какъ прежде, радостно смотрѣлъ женѣ прямо въ глаза. Лицо его сіяло.

— Я сейчасъ диссертацию защищалъ,—сказалъ онъ, садясь и поглаживая колѣна.

— Защитилъ?—спросила Ольга Ивановна.

— Ого!—засмѣялся онъ и вытянулъ шею, чтобы увидѣть въ зеркалѣ лицо жены, которая продолжала стоять къ нему спиной и поправлять прическу. — Ого! — повторилъ онъ. —

Знаешь, очень возможно, что мнѣ предложатъ приватъ-доцентуру по общей паталогіи. Этимъ пахнетъ.

Видно было по его блаженному, сіяющему лицу, что, если бы Ольга Ивановна раздѣлила съ нимъ его радость и торжество, то онъ простилъ бы ей все, и настоящее и будущее, и все бы забылъ, но она не понимала, что значить приватъ-доцентура и общая паталогія, къ тому же боялась опоздать въ театръ и ничего не сказала.

Онъ посидѣлъ двѣ минуты, виновато улыбнулся и вышелъ.

VII.

Это былъ безпокойнѣйшій день.

У Дымова сильно болѣла голова; онъ утромъ не пилъ чаю, не пошелъ въ больницу и все время лежалъ у себя въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ. Ольга Ивановна, по обыкновенію, въ первомъ часу отправилась къ Рябовскому, чтобы показать ему свой этюдъ *nature morte* и спросить его, почему онъ вчера не приходилъ. Этюдъ казался ей ничтожнымъ, и написала она его только затѣмъ, чтобы имѣть лишній предлогъ сходить къ художнику.

Она вошла къ нему безъ звонка, и когда въ передней снимала калоши, ей послышалось, какъ будто въ мастерской что-то тихо пробѣжало, по-женски шурша платьемъ, и когда она поспѣшила заглянуть въ мастерскую, то увидѣла только кусокъ коричневой юбки, который мелькнулъ на мгновение и исчезъ за большою картиной, занавѣшенной вмѣстѣ съ мольбертомъ до пола чернымъ каленкоромъ. Сомнѣваться нельзя было, это пряталась женщина. Какъ часто сама Ольга Ивановна находила себѣ убѣжище за этой картиной! Рябовскій, повидимому, очень смущенный, какъ бы удивился ея приходу, протянулъ къ ней обѣ руки и сказалъ, натянуто улыбаясь:

— А-а-а-а! Очень радъ васъ видѣть. Что скажете хорошенькаго?

Глаза у Ольги Ивановны наполнились слезами. Ей было стыдно, горько, и она за миллионъ не согласилась бы говорить въ присутствіи посторонней женщины, соперницы, лунии, которая стояла теперь за картиной и, вѣроятно, злоратно хихикала.

— Я принесла вамъ этюдъ... — сказала она робко, тонкимъ голоскомъ, и губы ея задрожали:— *nature morte*.

— А-а-а... этюдъ?

Художникъ взялъ въ руки этюдъ и, разсматривая его, какъ бы машинально прошелъ въ другую комнату.

Ольга Ивановна покорно шла за нимъ.

— Nature morte... первый сортъ,—бормоталъ онъ, подбирая рному:—курортъ... чортъ... портъ...

Изъ мастерской слышались торопливые шаги и шуршанье платья. Значить, она ушла. Ольгѣ Ивановичѣ хотѣлось громко крикнуть, ударить художника по головѣ чѣмъ-нибудь тяжелымъ и уйти, но она ничего не видѣла сквозь слезы, была подавлена своимъ стыдомъ и чувствовала себя ужъ не Ольгой Ивановной и не художницей, а маленькою козявкой.

— Я усталъ...—томно проговорилъ художникъ, глядя на этюдъ и встряхивая головой, чтобы побороть дремоту. — Это мило, конечно, но и сегодня этюдъ, и въ прошломъ году этюдъ, и черезъ мѣсяць будетъ этюдъ... Какъ вамъ не наскучить? Я бы на вашемъ мѣстѣ бросилъ живопись и занялся серьезно музыкой или чѣмъ-нибудь. Вѣдь вы не художница, а музыкантъша. Однако, знаете, какъ я усталъ! Я сейчасъ скажу, чтобъ дали чаю... А?

Онъ вышелъ изъ комнаты, и Ольга Ивановна слышала, какъ онъ что-то приказывалъ своему лакею. Чтобъ не прощаться, не объясняться, а главное не зарыдать, она, пока не вернулся Рябовскій, поскорѣ побѣжала въ переднюю, надѣла калоши и вышла на улицу. Тутъ она легко вздохнула и почувствовала себя навсегда свободной и отъ Рябовскаго, и отъ живописи, и отъ тяжелаго стыда, который такъ давилъ ее въ мастерской! Все кончено!

Она поѣхала къ портнихѣ, потомъ къ Барнаю, который только вчера пріѣхалъ, отъ Барная—въ нотный магазинъ, и все время она думала о томъ, какъ она напишетъ Рябовскому холодное, жесткое, полное собственного достоинства письмо, и какъ весною или лѣтомъ она поѣдетъ съ Дымовымъ въ Крымъ, освободится тамъ окончательно отъ прошлаго и начнетъ новую жизнь.

Вернувшись домой поздно вечеромъ, она, не переодѣваясь, сѣла въ гостиной сочинять письмо. Рябовскій сказалъ ей, что она не художница, и она въ отместку напишетъ ему теперь, что онъ каждый годъ пишетъ все одно и то же и каждый день говоритъ одно и то же, что онъ застылъ, и

что изъ него не выйдетъ ничего, кромѣ того, что уже вышло. Ей хотѣлось написать также, что онъ многимъ обязанъ ея хорошему вліянію, а если онъ поступаетъ дурно, то это только потому, что ея вліяніе парализуется разными двусмысленными особами, въ родѣ той, которая сегодня пряталась за картину.

— Мама! — позвалъ изъ кабинета Дымовъ, не отворяя двери.—Мама!

— Что тебѣ?

— Мама, ты не входи ко мнѣ, а только подойди къ двери.—Вотъ что... Третьяго дня я заразился въ больницѣ дифтеритомъ и теперь... мнѣ не хорошо. Пошли скорѣе за Коростелевымъ.

Ольга Ивановна всегда звала мужа, какъ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ, не по имени, а по фамиліи; его имя Осипъ не нравилось ей, потому что напоминало гоголевскаго Осипа и каламбуръ: «Осипъ охрипъ, а Архипъ осипъ». Теперь же она вскрикнула:

— Осипъ, это не можетъ быть!

— Пошли! Мнѣ не хорошо... — сказалъ за дверью Дымовъ, и слышио было, какъ онъ подошелъ къ дивану и легъ.—Пошли!—глухо послышался его голосъ.

«Что же это такое? — подумала Ольга Ивановна, холодѣя отъ ужаса.—Вѣдь это опасно!»

Безъ всякой надобности она взяла свѣчу и пошла къ себѣ въ спальню и тутъ, соображая, что ей нужно дѣлать, нечаянно поглядѣла на себя въ трюмо. Съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, въ жакетѣ съ высокими рукавами, съ желтыми воланами на груди и съ необыкновеннымъ направлениемъ полосъ на юбкѣ, она показалась себѣ страшной и гадкой. Ей вдругъ стало до боли жаль Дымова, его безграничной любви къ ней, его молодой жизни и даже этой его осиротѣлой постели, на которой онъ давно уже не спалъ, и вспоминалась ей его обычная, кроткая, покорная улыбка. Она горько заплакала и написала Коростелеву умоляющее письмо. Было два часа ночи.

VIII.

Когда въ восьмомъ часу утра Ольга Ивановна, съ тяжелой отъ бессонницы головой, непричесанная, некрасивая и съ виноватымъ выраженіемъ вышла изъ спальни, мимо

нея прошелъ въ переднюю какой-то господинъ съ черною бородой, повидимому, докторъ. Пахло лѣкарствами. Около двери въ кабинетъ стоялъ Коростелевъ и правую рукой крутилъ лѣвый усь.

— Къ нему, извините, я васъ не пушу, — угрюмо сказалъ онъ Ольгѣ Ивановнѣ. — Заразиться можно. Да и не къ чему вамъ, въ сущности. Онъ все равно въ бреду.

— У него настоящій дифтеритъ? — спросила шопотомъ Ольга Ивановна.

— Тѣхъ, кто на рожонъ лѣзетъ, по-настоящему подь судъ отдавать надо, — пробормоталъ Коростелевъ, не отвѣчая на вопросъ Ольги Ивановны. — Знаете, отчего онъ заразился? Во вторникъ у мальчика высасывалъ черезъ трубочку дифтеритныя пленки. А къ чему? Глупо... Такъ, сдуру...

— Опасно? Очень? — спросила Ольга Ивановна.

— Да, говорятъ, что форма тяжелая. Надо бы за Шрекомъ послать, въ сущности.

Приходилъ маленькій, рыженькій, съ длиннымъ носомъ и съ еврейскимъ акцентомъ, потомъ высокій, сутулый, лохматый, похожій на протодьякона; потомъ молодой, очень полный съ краснымъ лицомъ и въ очкахъ. Это врачи приходили дежурить около своего товарища. Коростелевъ, отдежуривъ свое время, не уходилъ домой, а оставался, и какъ тѣнь, бродилъ по всѣмъ комнатамъ. Горничная подавала дежурившимъ докторамъ чай и часто бѣгала въ аптеку, и некому было убрать комнату. Было тихо и уныло.

Ольга Ивановна сидѣла у себя въ спальнѣ и думала о томъ, что это Богъ ее наказываетъ за то, что она обманывала мужа. Молчаливое, безропотное, непонятное существо, обезличенное своею кротостью, безхарактерное, слабое отъ излишней доброты, глухо страдало гдѣ-то тамъ у себя на диванѣ и не жаловалось. А если бы оно пожаловалось, хотя бы въ бреду, то дежурные доктора узнали бы, что виноватъ тутъ не одинъ только дифтеритъ. Спросили бы они Коростелева: онъ знаетъ все и не даромъ на жену своего друга смотреть такими глазами, какъ будто она-то и есть самая главная, настоящая злодѣйка, а дифтеритъ только ея сообщникъ. Она уже не помнила ни луннаго вечера на Волгѣ, ни объясненій въ любви, ни поэтической жизни въ избѣ, а помнила только, что она изъ пустой прихоти, изъ баловства, вся, съ руками и ногами, выма-

залась во что-то грязное, липкое, отъ чего никогда ужъ не отмоешься...

«Ахъ, какъ я странно солгала!—думала она, вспоминая о безпокойной любви, какаѣ у нея была съ Рябовскимъ.— Будь оно все проклято!..»

Въ четыре часа она обѣдала вмѣстѣ съ Коростелевымъ. Онъ ничего не ѣлъ, пилъ только красное вино и хмурился. Она тоже ничего не ѣла. То она мысленно молилась и давала обѣтъ Богу, что если Дымовъ выздоровѣетъ, то она полюбитъ его опять и будетъ вѣрною женой. То, забывшись на минуту, она смотрѣла на Коростелева и думала: «Неужели нескучно быть простымъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ, да еще съ такимъ памятымъ лицомъ и съ дурными манерами?» То ей казалось, что ее сію минуту убьетъ Богъ за то, что она, боясь заразиться, ни разу еще не была въ кабинетѣ у мужа. А въ общемъ было тупое унылое чувство и увѣренность, что жизнь уже испорчена и что ничѣмъ ея не исправитъ...

Послѣ обѣда наступили потемки. Когда Ольга Ивановна вышла въ гостиную, Коростелевъ спалъ на кушеткѣ, подложивъ подъ голову шелковую подушку, шитую золотомъ. «Кхи-пуа...—храпѣлъ онъ:—кхи-пуа».

И доктора, приходившіе дежурить и уходившіе, не замѣчали этого безпорядка. То, что чужой человѣкъ спалъ въ гостиной и храпѣлъ, и этюды на стѣнахъ, и причудливая обстановка, и то, что хозяйка была непричесана и неряшливо одѣта — все это не возбуждало теперь ни малѣйшаго интереса. Одинъ изъ докторовъ печально чему-то засмѣялся, и какъ-то странно и робко прозвучалъ этотъ смѣхъ, даже жутко сдѣлалось.

Когда Ольга Ивановна въ другой разъ вышла въ гостиную, Коростелевъ уже не спалъ, а сидѣлъ и курилъ.

— У него дифтеритъ носовой полости, — сказалъ онъ вполголоса.—Уже и сердце не важно работаетъ. Въ сущности, плохи дѣла.

— А вы пошлите за Шрекомъ, — сказала Ольга Ивановна.

— Былъ уже. Онъ-то и замѣтилъ, что дифтеритъ перешелъ въ носъ. Э, да что Шрекъ! Въ сущности ничего Шрекъ. Онъ Шрекъ, я Коростелевъ—и больше ничего.

Время тянулось ужасно долго. Ольга Ивановна лежала одѣтая въ неубранной съ утра постели и дремала. Ей чу-

дилось, что вся квартира от полу до потолка занята громаднымъ кускомъ желѣза, и что стѣить только вынести вонъ желѣзо, какъ всѣмъ станетъ весело и легко. Очнувшись, она вспомнила, что это не желѣзо, а болѣзнь Дымова.

«Nature morte, портъ... — думала она, опять впадая въ забытье:—спортъ... курортъ... А какъ Шрекъ? Шрекъ, грекъ, врекъ... крекъ. А гдѣ-то теперь мои друзья? Знають ли они, что у насъ горе? Господи, спаси... избави. Шрекъ, грекъ...»

И опять желѣзо... Время тянулось длинно, а часы въ нижнемъ этажѣ били часто. И то и дѣло слышались звонки; приходили доктора... Вошла горничная съ пустымъ стаканомъ на подносѣ и спросила:

— Барыня, постель прикажете постлать?

И, не получивъ отвѣта, вышла. Пробыли внизу часы, приснился дождь на Волгѣ, и опять кто-то вошелъ въ спальню. кажется, посторонній. Ольга Ивановна вскочила и узнала Коростелева.

— Который часъ?—спросила она.

— Около трехъ.

— Ну что?

— Да что! Я пришелъ сказать: кончается...

Онъ всхлипнулъ, сѣлъ на кровать рядомъ съ ней и вытеръ слезы рукавомъ. Она сразу не поняла, но вся похолодѣла и стала медленно креститься.

— Кончается... — повторилъ онъ тонкимъ голоскомъ и опять всхлипнулъ. — Умираеть, потому что пожертвовалъ собой... Какая потеря для науки!—сказалъ онъ съ горечью.— Это, если всѣхъ насъ сравнить съ нимъ, былъ великій, необыкновенный человекъ! Какія дарованія! Какія надежды онъ подавалъ намъ всѣмъ! — продолжалъ Коростелевъ, ломая руки.—Господи Боже мой, это былъ бы такой ученый, какого теперь съ огнемъ не найдешь. Оська Дымовъ, Оська Дымовъ, что ты надѣлалъ! Ай-ай, Боже мой!

Коростелевъ въ отчаяніи закрылъ обѣими руками лицо и покачалъ головой.

— А какая нравственная сила! — продолжалъ онъ, все больше и больше озлобляясь на кого-то.—Добрая, чистая, любящая душа—не человекъ, а стекло! Служилъ наукѣ и умеръ отъ науки. А работалъ, какъ волъ, день и ночь, никто его не щадилъ, и молодой ученый, будущій профессоръ, долженъ былъ искать себѣ практику и по ночамъ за-

ниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлым тряпки!

Коростелевъ поглядѣлъ съ ненавистью на Ольгу Ивановну, ухватился за простыню обѣими руками и сердито рвануль, какъ будто она была виновата.

— И самъ себя не щадиль, и его не щадили. Э, да что, въ сущности!

— Да, рѣдкій человѣкъ!—сказалъ кто-то басомъ въ гостиной.

Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь съ нимъ, отъ начала до конца, со всѣми подробностями, и вдругъ поняла, что это былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенный, рѣдкій и, въ сравненіи съ тѣми, кого она знала, великій человѣкъ. И вспомнивъ, какъ къ нему относились ея покойный отецъ и всѣ товарищи-врачи, она поняла, что всѣ они видѣли въ немъ будущую знаменитость. Стѣны, потолокъ, лампа и коверъ на полу замигали ей насмѣшливо, какъ бы желая сказать: «Прозѣвала! Прозѣвала!» Она съ плачемъ бросилась изъ спальни, шмыгнула въ гостиной мимо какого-то незнакомаго человѣка и вбѣжала въ кабинетъ къ мужу. Онъ лежалъ неподвижно на турецкомъ диванѣ, покрытый до пояса одѣяломъ. Лицо его страшно осунулось, похудѣло и имѣло сѣровато-желтый цвѣтъ, какого никогда не бываетъ у живыхъ; и только по лбу, по чернымъ бровямъ, да по знакомой улыбкѣ можно было узнать, что это Дымовъ. Ольга Ивановна быстро ошупала его грудь, лобъ и руки. Грудь еще была тепла, но лобъ и руки были непріятно холодны. И полуоткрытые глаза смотрѣли не на Ольгу Ивановну, а на одѣяло.

— Дымовъ!—позвала она громко.—Дымовъ!

Она хотѣла объяснить ему, что то была ошибка, что не все еще потеряно, что жизнь еще можетъ быть прекрасной и счастливой, что онъ рѣдкій, необыкновенный, великій человѣкъ, и что она будетъ всю жизнь благоговѣть предъ нимъ, молиться и испытывать священный страх...

— Дымовъ!—звала она его, трепля его за плечо и не вѣря тому, что онъ уже никогда не проснется.—Дымовъ, Дымовъ же!

А въ гостиной Коростелевъ говорилъ горничной:

— Да что тутъ спрашивать? Вы ступайте въ церковную сторожку и спросите, гдѣ живутъ богадѣлки. Онѣ и обмоютъ тѣло и уберутъ—все сдѣлають, что нужно.

ЧЕРНЫЙ МОНАХЪ.

I.

Андрей Васильевичъ Ковринъ, магистръ, утомился и разстроилъ себѣ нервы. Онъ не лѣчился, но какъ-то вскользь, за бутылкой вина, поговорилъ съ пріятелемъ докторомъ, и тотъ посоветовалъ ему провести весну и лѣто въ деревнѣ. Кстати же пришло длинное письмо отъ Тани Песоцкой, которая просила его пріѣхать въ Борисовку и погостить. И онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно проѣхать.

Сначала — это было въ апрѣлѣ — онъ поѣхалъ къ себѣ, въ свою родовую Ковринку, и здѣсь прожилъ въ уединеніи три недѣли; потомъ дождавшись хорошей дороги, отправился на лошадахъ къ своему бывшему опекуну и воспитателю Песоцкому, извѣстному въ Россіи садоводу. Отъ Ковринки до Борисовки, гдѣ жили Песоцкіе, считалось не больше семидесяти верстъ, и ѣхать по мягкой весенней дорогѣ въ покойной рессорной коляскѣ было истиннымъ наслажденіемъ.

Домъ у Песоцкаго былъ громадный, съ колоннами, со львами, на которыхъ облупилась штукатурка, и съ фронтоннымъ лакеемъ у подъѣзда. Старинный паркъ, угрюмый и строгій, разбитый на англійскій манеръ, тянулся чуть ли не на цѣлую версту отъ дома до рѣки и здѣсь оканчивался обрывистымъ, крутымъ глинистымъ берегомъ, на которомъ росли сосны съ обнажившимися корнями, похожими на мохнатяя лапы; внизу нелюдимо блестяла вода, носилась съ жалобнымъ пискомъ кулики, и всегда тутъ было

такое настроеніе, что хоть садись и балладу пиши. Зато около самаго дома, во дворѣ и въ фруктовомъ саду, который вмѣстѣ съ питомниками занималъ десятинь тридцать, было весело и жизнерадостно даже въ дурную погоду. Такихъ удивительныхъ розъ, лилій, камелій, такихъ тюльпановъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная съ ярко-бѣлаго и кончая чернымъ какъ сажа, вообще такого богатства цвѣтовъ, какъ у Песоцкаго, Коврину не случалось видѣть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Весна была еще только въ началѣ, и самая настоящая роскошь цвѣтниковъ пряталась еще въ теплицахъ, но ужъ и того, что цвѣло вдоль аллей и тамъ и сямъ на клумбахъ, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя въ царствѣ ивжныхъ красокъ, особенно въ ранніе часы, когда на каждомъ лепесткѣ сверкала роса.

То, что было декоративною частью сада и что самъ Песоцкій презрительно обзывалъ пустяками, производило на Коврина когда-то въ дѣтствѣ сказочное впечатлѣніе. Какіхъ только тутъ не было причудъ, изысканныхъ уродствъ и издѣвательствъ надъ природой! Тутъ были шпалеры изъ фруктовыхъ деревьевъ, группа, имѣвшая форму пирамидальнаго тополя, шаровидные дубы и липы, зонть изъ яблони, арки, вензеля, канделябры и даже 1862 изъ сливъ — цифра, означавшая годъ, когда Песоцкій впервые занялся садоводствомъ. Попадались тутъ и красивыя стройныя деревца съ прямыми и крѣпкими, какъ у пальмъ, стволами, и, только пристально всмотрѣвшись, можно было узнать въ этихъ деревцахъ крыжовникъ или смородину. Но что больше всего веселило въ саду и придавало ему оживленный видъ, такъ это постоянное движеніе. Отъ ранняго утра до вечера около деревьевъ, кустовъ, на аллеяхъ и клумбахъ, какъ муравьи, копошились люди съ тачками, мотыками, лейками...

Ковринъ пріѣхалъ къ Песоцкимъ вечеромъ, въ десятомъ часу. Таню и ея отца, Егора Семеныча, онъ засталъ въ большой тревогѣ. Ясное, звѣздное небо и термометръ пророчили морозъ къ утру, а между тѣмъ, садовникъ Иванъ Карлычъ уѣхалъ въ городъ, и положиться было не на кого. За ужиномъ говорили только объ утренникѣ и было рѣшено, что Таня не ляжетъ спать и въ первомъ часу пройдетъ по саду и посмотритъ, все ли въ порядкѣ, а Егоръ Семенычъ встанетъ въ три часа и даже раньше.

Ковринъ просидѣлъ съ Таней весь вечеръ и послѣ полуночи отправился съ ней въ садъ. Было холодно. Во дворѣ уже сильно пахло гарью. Въ большомъ фруктовомъ саду, который назывался коммерческимъ и приносилъ Егору Семенову ежегодно нѣсколько тысячъ чистаго дохода, стался по землѣ черный, густой, ѣдкій дымъ и, обволакивая деревья, спасалъ отъ мороза эти тысячи. Деревья тутъ стояли въ шапечномъ порядкѣ, ряды ихъ были прямы и правильны, точно шеренги солдатъ, и эта строгая педагогическая правильность и то, что всѣ деревья были одного роста и имѣли совершенно одинаковые кроны и стволы, дѣлала картину однообразной и даже скучной. Ковринъ и Таня прошли по рядамъ, гдѣ тлѣли костры изъ навоза, соломы и всякихъ отбросовъ, и изрѣдка имъ встрѣчались работники, которые бродили въ дыму, какъ тѣни. Цвѣли только вишни, сливы и нѣкоторые сорта яблонь, но весь садъ утопалъ въ дыму, и только около питомниковъ Ковринъ вздохнулъ полной грудью.

— Я еще въ дѣтствѣ чихалъ здѣсь отъ дыма,—сказалъ онъ, пожимая плечами: — но до сихъ поръ не понимаю, какъ это дымъ можетъ спасти отъ мороза.

— Дымъ замѣняетъ облака, когда ихъ нѣтъ...—отвѣтила Таня.

— А для чего нужны облака?

— Въ пасмурную и облачную погоду не бываетъ утренниковъ.

— Вотъ какъ!

Онъ засмѣялся и взялъ ее за руку. Ея широкое, очень серьезное, озябшее лицо съ тонкими черными бровями, поднятый воротникъ пальто, мѣшавшій ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, въ подобранномъ отъ росы платьѣ, умиляла его.

— Господи, она уже взрослая!—сказалъ онъ.—Когда я уѣзжалъ отсюда въ послѣдній разъ, пять лѣтъ назадъ, вы были еще совсѣмъ дитя. Вы были такая теща, длинноногая, простоволосая, носили короткое платьице, и я дразнилъ васъ цаплей... Что дѣлаетъ время!

— Да, пять лѣтъ!—вздохнула Таня.—Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Скажите, Андрюша, по совѣсти, — живо заговорила она, глядя ему въ лицо:—вы отвыкли отъ насъ? Впрочемъ, что же я спрашиваю? Вы мужчина, живете уже

своею, интересною жизнью, вы величина... Отчужденіе такъ естественно! Но какъ бы ни было, Андрюша, мнѣ хочется, чтобы вы считали насъ своими. Мы имѣемъ на это право.

— Я считаю, Таня.

— Честное слово?

— Да, честное слово.

— Вы сегодня удивлялись, что у насъ такъ много вашихъ фотографій. Вѣдь вы знаете, мой отецъ обожаетъ васъ. Иногда мнѣ кажется, что васъ онъ любитъ больше, чѣмъ меня. Онъ гордится вами. Вы ученый, необыкновенный человекъ, вы сдѣлали себѣ блестящую карьеру, и онъ увѣренъ, что вы вышли такой оттого, что онъ воспиталъ васъ. Я не мѣшаю ему такъ думать. Пусть.

Уже начинался разсвѣтъ, и это особенно было замѣтно по той отчетливости, съ какою стали выдѣляться въ воздухѣ клубы дыма и кроны деревьевъ. Пѣли соловьи, и съ полей доносился крикъ перепеловъ.

— Однако, пора спать,—сказала Таня.—Да и холодно.— Она взяла его подъ руку. — Спасибо, Андрюша, что пріѣхали. У насъ неинтересные знакомые, да и тѣхъ мало. У насъ только садъ, садъ, садъ,—и больше ничего. Штамбъ, полуштамбъ,—засмѣялась она:—апортъ, ранетъ, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла въ садъ, мнѣ даже ничего никогда не снится, кромѣ яблонь и грушъ. Конечно, это хорошо, полезно, но иногда хочется и еще чего-нибудь для разнообразія. Я помню, когда вы бывало пріѣзжали къ намъ на каникулы или просто такъ, то въ домѣ становилось какъ-то свѣжѣе и свѣтлѣе, точно съ люстры и съ мебели чехлы снимали. Я была тогда дѣвочкой и все-таки понимала.

Она говорила долго и съ большимъ чувствомъ. Ему почему-то вдругъ пришло въ голову, что въ теченіе лѣта онъ можетъ привязаться къ этому маленькому, слабому, многорѣчивому существу, увлечься и влюбиться,—въ положеніи ихъ обоихъ это такъ возможно и естественно! Эта мысль умлила и насмѣшила его; онъ нагнулся къ милому, озабоченному лицу и зашѣлъ тихо:

Онѣгнѣ, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну...

Когда пришли домой, Егоръ Семенычъ уже всталъ. Ков-

рину не хотѣлось спать, онъ разговорился со старикомъ и вернулся съ нимъ въ садъ. Егоръ Семенычъ былъ высокаго роста, широко въ плечахъ, съ большимъ животомъ и страдалъ одышкой, но всегда ходилъ такъ быстро, что за нимъ трудно было поспѣть. Видъ онъ имѣлъ крайне озабоченный, все куда-то торопился и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто опоздай онъ хоть на одну минуту, то все погибло!

— Вотъ, братъ, исторія...—началъ онъ, останавливаясь, чтобы перевести духъ. — На поверхности земли, какъ видишь, морозъ, а подними на палкѣ термометръ сажени на двѣ повыше земли, тамъ тепло... Отчего это такъ?

— Право, не знаю, — сказалъ Ковринъ и засмѣялся

— Гм... Всего знать нельзя, конечно... Какъ бы обширень умъ ни былъ, всего туда не помѣстишь. Ты вѣдь все больше насчетъ философіи?

— Да. Читаю психологію, занимаюсь же вообще философіей.

— И не прискучаетъ?

— Напротивъ, этимъ только я и живу.

— Ну, дай Богъ... — проговорилъ Егоръ Семенычъ, въ раздумьѣ поглаживая свои сѣдые бакены. — Дай Богъ... Я за тебя очень радъ... радъ, братецъ...

Но вдругъ онъ прислушался и, сдѣлавши страшное лицо, побѣжалъ въ сторону и скоро исчезъ за деревьями, въ облакахъ дыма.

— Кто это привязалъ лошадь къ яблонѣ?—послышался его отчаянный, душу раздирающій крикъ.—Какой это мерзавецъ и каналья осмѣлился привязать лошадь къ яблонѣ? Боже мой, Боже мой! Перепортили, перемерзили, пересквернили, перенакостили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ! Боже мой!

Когда онъ вериулся къ Коврину, лицо у него было изнеможенное, оскорбленное.

— Ну, что ты подѣлаешь съ этимъ анаемскимъ народомъ? — сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, разводя руками. — Степка возилъ ночью навозъ и привязалъ лошадь къ яблонѣ! Замоталъ, подлецъ, вожжищи туго-натуго, такъ что кора въ трехъ мѣстахъ потерлась. Каково! Говорю ему, а онъ—толкачъ толкачомъ и только глазами хлопаетъ! Повѣсить мало!

Успокоившись, онъ обнялъ Коврина и поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, дай Богъ... дай Богъ... — забормоталъ онъ. — Я очень радъ, что ты прѣехалъ. Несказанно радъ... Спасибо.

Потомъ онъ все тою же быстрою походкой и съ озабоченнымъ лицомъ обошелъ весь садъ и показалъ своему бывшему воспитаннику всѣ оранжереи, теплицы, грунтовые сараи и свои двѣ пасѣки, которыя называлъ чудомъ нашего столѣтія.

Пока они ходили, взошло солнце и ярко освѣтило садъ. Стало тепло. Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Ковринъ вспомнилъ, что вѣдь это еще только начало мая и что еще впереди цѣлое лѣто, такое же ясное, веселое, длинное, и вдругъ въ груди его шевельнулось радостное молодое чувство, какое онъ испытывать въ дѣтствѣ, когда бѣгалъ по этому саду. И онъ самъ обнялъ старика и нѣжно поцѣловалъ его. Оба растроганные пошли въ домъ и стали пить чай изъ старинныхъ фарфоровыхъ чашекъ, со сливками, съ сытными, сдобными крекделями — и эти мелочи опять напомнили Коврину его дѣтство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшіяся въ немъ впечатлѣнія прошлаго сливались вмѣстѣ; отъ нихъ въ душѣ было тѣсно, но хорошо.

Онъ дождался, когда проснулась Таня, и вмѣстѣ съ нею выпилъ кофе, погулялъ, потомъ пошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ за работу. Онъ внимательно читалъ, дѣлалъ замѣтки и изрѣдка поднималъ глаза, чтобы взглянуть на открытыя окна или на свѣжіе, еще мокрые отъ росы цвѣты, стоявшіе въ вазахъ на столѣ, и опять опускалъ глаза въ книгу, и ему казалось, что въ немъ каждая жилочка дрожитъ и играетъ отъ удовольствія.

II.

Въ деревнѣ онъ продолжалъ вести такую же нервную и безпокойную жизнь, какъ въ городѣ. Онъ много читалъ и писалъ, учился итальянскому языку и, когда гулялъ, съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что скоро опять сядетъ за работу. Онъ спалъ такъ мало, что всѣ удивлялись; если нечаянно уснетъ днемъ на полчаса, то уже потомъ не спитъ всю ночь и послѣ безсонной ночи, какъ ни въ чемъ не бывало, чувствуетъ себя бодро и весело.

Онъ много говорилъ, пилъ вино и курилъ дорогія сигары. Къ Песоцкимъ часто, чуть ли не каждый день, прѣ-

ѣзжали барышни-сосѣдки, которыя вмѣстѣ съ Таней играли на роялѣ и пѣли; иногда прѣѣзжалъ молодой человѣкъ, сосѣдь, хорошо игравшій на скрипкѣ. Ковринъ слушалъ музыку и пѣніе съ жадностью и изнемогалъ отъ нихъ, и послѣднее выразалось физически тѣмъ, что у него слипались глаза и клонило голову на бокъ.

Однажды послѣ вечерняго чая онъ сидѣлъ на балконѣ и читалъ. Въ гостиной въ это время Таня—сопрано, одна изъ барышень—контральто и молодой человѣкъ на скрипкѣ разучивали извѣстную серенаду Брага. Ковринъ вслушивался въ слова — они были русскія, — и никакъ не могъ понять ихъ смысла. Наконецъ, оставивъ книгу и вслушавшись внимательно, онъ понялъ: дѣвушка, больная воображеніемъ, слышала ночью въ саду какіе-то таинственные звуки, до такой степени прекрасные и странные, что должна была признать ихъ гармоніей священной, которая намъ, смертнымъ, непонятна и потому обратно улетаетъ въ небеса. У Коврина стали слипаться глаза. Онъ всталъ и въ изнеможеніи прошелся по гостиной, потомъ по залѣ. Когда пѣніе прекратилось, онъ взялъ Таню подъ руку и вышелъ съ нею на балконъ.

— Меня сегодня съ самаго утра занимаетъ одна легенда,—сказалъ онъ.—Не помню, вычиталъ ли я ее откуда или слышалъ, но легенда какая-то странная, ни съ чѣмъ не сообразная. Начать съ того, что она не отличается ясностью. Тысячу лѣтъ тому назадъ какой-то монахъ, одѣтый въ черное, шелъ по пустынѣ, гдѣ-то въ Сиріи или Аравіи... За нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ онъ шелъ, рыбаки видѣли другого чернаго монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этотъ второй монахъ былъ миражъ. Теперь забудьте всѣ законы оптики, которыхъ легенда, кажется, не признаетъ, и слушайте дальше. Отъ миража получился другой миражъ, потомъ отъ другого третій, такъ что образъ чернаго монаха сталъ безъ конца передаваться изъ одного слоя атмосферы въ другой. Его видѣли то въ Африкѣ, то въ Испаніи, то въ Индіи, то на Дальнемъ Сѣверѣ... Наконецъ, онъ вышелъ изъ предѣловъ земной атмосферы и теперь блуждаетъ по всей вселенной, все никакъ не попадая въ тѣ условія, при которыхъ онъ могъ бы померкнуть. Быть-можетъ, его видятъ теперь гдѣ-нибудь на Марсѣ или на какой-нибудь звѣздѣ Южнаго

Креста. Но, милая моя, самая суть, самый гвоздь легенды заключается въ томъ, что ровно черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ монахъ шелъ по пустынѣ, миражъ опять попадетъ въ земную атмосферу и покажется людямъ. И будто бы эта тысяча лѣтъ уже на исходѣ... По смыслу легенды, чернаго монаха мы должны ждать не сегодня—завтра.

— Странный миражъ,—сказала Таня, которой не понравилась легенда.

— Но удивительнѣе всего,—засмѣялся Ковринъ:—что я никакъ не могу вспомнить, откуда попала мнѣ въ голову эта легенда. Читалъ гдѣ? Слышалъ? Или, быть-можетъ, черный монахъ снился мнѣ? Клянусь Богомъ, не помню. Но легенда меня занимаетъ. Я сегодня о ней цѣлый день думаю.

Отпустивъ Таню къ гостямъ, онъ вышелъ изъ дому и въ раздумьѣ прошелся около клумбъ. Уже садилось солнце. Цвѣты, оттого, что ихъ только-что полили, издавали влажный, раздражающій запахъ. Въ домѣ опять зашѣли, и издали скрипка производила впечатлѣніе человѣческаго голоса. Ковринъ, напрягая мысль, чтобы вспомнить, гдѣ онъ слышалъ или читалъ легенду, направился, не снѣша, въ паркъ и незамѣтно дошелъ до рѣки.

По тропинкѣ, обѣжавшей по крутому берегу мимо обнаженныхъ корней, онъ спустился внизъ къ водѣ, обезпokoилъ тутъ куликовъ, спугнулъ двухъ утокъ. На угрюмыхъ соснахъ кое-гдѣ еще отсвѣчивали послѣдніе лучи заходящаго солнца, но на поверхности рѣки былъ уже настоящій вечеръ. Ковринъ по лавамъ перешелъ на другую сторону. Передъ нимъ теперь лежало широкое поле, покрытое молодой, еще не цвѣтущею рожью. Ни человѣческаго жилья, ни живой души вдали, и кажется, что тропинка, если пойти по ней, приведетъ въ то самое неизвѣстное загадочное мѣсто, куда только-что опустилось солнце, и гдѣ такъ широко и величаво пламенѣетъ вечерняя заря.

«Какъ здѣсь просторно, свободно, тихо!—думалъ Ковринъ, идя по тропинкѣ.—И кажется, весь міръ смотритъ на меня. притаился и ждетъ, чтобы я понялъ его...»

Но вотъ по ржи пробѣжали волны, и легкій вечерній вѣтерокъ нѣжно коснулся его непокрытой головы. Черезъ минуту опять порывъ вѣтра, но уже сильнѣе, — зашумѣла рожь, и послышался сзади глухой ропотъ сосенъ. Ковринъ

остановился въ изумленіи. На горизонтѣ, точно вихрь или смерчъ, поднимался отъ земли до неба высокій черный столбъ. Контуры у него были неясны, но въ первое же мгновеніе можно было понять, что онъ не стоялъ на мѣстѣ, а двигался съ страшною быстротою, двигался именно сюда, прямо на Коврина, и чѣмъ ближе онъ подвигался, тѣмъ становился все меньше и яснѣе. Ковринъ бросился въ сторону, въ рожь, чтобы дать ему дорогу, и едва успѣлъ это сдѣлать...

Монахъ въ черной одеждѣ, съ сѣдою головою и черными бровями, скрестивъ на груди руки, пронесся мимо... Босыя ноги его не касались земли. Уже пронесся сажени на три, онъ оглянулся на Коврина, кивнулъ головою и улыбнулся ему ласково и въ то же время лукаво. Но какое блѣдное, страшно блѣдное, худое лицо! Опять начинала расти, онъ пролетѣлъ черезъ рѣку, неслышно ударился о глинистый берегъ и сосны и, пройдя сквозь нихъ, исчезъ какъ дымъ.

— Ну, вотъ видите ли... — пробормоталъ Ковринъ. — Значить, въ легендѣ правда.

Не стараясь объяснить себѣ странное явленіе, довольный однимъ тѣмъ, что ему удалось такъ близко и такъ ясно видѣть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, приятно взволнованный, онъ вернулся домой.

Въ паркѣ и въ саду покойно ходили люди, въ домѣ играли, — значить, только онъ одинъ видѣлъ монаха. Ему сильно хотѣлось рассказать обо всемъ Танѣ и Егору Семенычу, но онъ сообразилъ, что они навѣрное сочтутъ его слова за бредъ, и это испугаетъ ихъ; лучше промолчать. Онъ громко смѣялся, пѣлъ, танцевалъ мазурку, ему было весело, и всѣ, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что онъ очень интересенъ.

III.

Послѣ ужина, когда уѣхали гости, онъ пошелъ къ себѣ въ комнату и легъ на диванъ: ему хотѣлось думать о монахѣ. Но черезъ минуту вошла Таня.

— Вотъ, Андрюша, почитайте статьи отца, — сказала она, подавая ему пачку брошюръ и оттисковъ. — Прекрасныя статьи. Онъ отлично пишетъ.

— Ну, ужь и отлично! — говорил Егоръ Семенычъ, входя за ней и принужденно смѣясь; ему было совѣстно. — Не слушай, пожалуйста, не читай! Впрочемъ, если хочешь уснуть, то, пожалуй, читай: прекрасное спотворное средство.

— По-моему, великолѣпныя статьи, — сказала Таня съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Вы прочтите, Андрюша, и убѣдите палу писать почаще. Онъ могъ бы написать полный курсъ садоводства.

Егоръ Семенычъ напряженно захохоталъ, покраснѣлъ и сталъ говорить фразы, какія обыкновенно говорятъ конфузлящіеся авторы. Наконецъ, онъ сталъ сдаваться.

— Въ такомъ случаѣ прочти сначала статью Гоше и вотъ эти русскія статейки, — забормоталъ онъ, перебирая дрожащими руками брошюры: — а то тебѣ будетъ непонятно. Прежде чѣмъ читать мои возраженія, надо знать, на что я возражаю. Впрочемъ, ерунда... скучища. Да и спать пора, кажется.

Таня вышла. Егоръ Семенычъ подошелъ къ Коврину на диванъ и глубоко вздохнулъ.

— Да, братецъ ты мой... — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Такъ-то, любезнѣйшій мой магистръ. Вотъ я и статьи пишу, и на выставкахъ участвую, и медали получаю... У Песоцкаго, говорятъ, яблоки съ голову, и Песоцкій, говорятъ, садомъ себѣ состояніе нажилъ. Однимъ словомъ, богатъ и славенъ Кочубей. Но спрашивается: къ чему все это? Садъ, дѣйствительно, прекрасный, образцовый... Это не садъ, а цѣлое учрежденіе, имѣющее высокую государственную важность, потому что это, такъ сказать, ступень въ новую эру русскаго хозяйства и русско-промышленности. Но къ чему? Какая цѣль?

— Дѣло говорить само за себя.

— Я не въ томъ смыслѣ. Я хочу спросить: что будетъ съ садомъ, когда я помру? Въ томъ видѣ, въ какомъ ты видишь его теперь, онъ безъ меня не продержится и одного мѣсяца. Весь секретъ успѣха не въ томъ, что садъ великъ и рабочихъ много, а въ томъ, что я люблю дѣло — понимаю? — люблю, быть-можетъ, больше чѣмъ самого себя. Ты посмотри на меня: я все самъ дѣлаю. Я работаю отъ утра до ночи. Всѣ прививки я дѣлаю самъ, обрѣзку — самъ, посадки — самъ, все — самъ. Когда мнѣ помогаютъ,

я ревную и раздражаюсь до грубости. Весь секретъ въ любви, то-есть въ зоркомъ хозяйскомъ глазѣ да въ хозяйскихъ рукахъ, да въ томъ чувствѣ, когда поѣдешь куда-нибудь въ гости на часокъ, сидишь, а у самого сердце не на мѣстѣ, самъ не свой: боишься, какъ бы въ саду чего не случилось. А когда я умру, кто будетъ смотрѣть? Кто будетъ работать? Садовникъ? Работники? Да? Такъ вотъ что я тебѣ скажу, другъ любезный: первый врагъ въ нашемъ дѣлѣ не заяцъ, не хрущъ и не морозъ, а чужой человѣкъ.

— А Таня? — спросилъ Ковринъ, смѣясь. — Нельзя, чтобы она была вреднѣе, чѣмъ заяцъ. Она любитъ и понимаетъ дѣло.

— Да, она любитъ и понимаетъ. Если послѣ моей смерти ей достанется садъ, и она будетъ хозяйкой, то, конечно, лучшаго и желать нельзя. Ну, а если, не дай Богъ, она выйдетъ замужъ? — зашенталь Егоръ Семенычъ и испуганно посмотрѣлъ на Коврина. — То-то вотъ и есть! Выйдетъ замужъ, пойдутъ дѣти, тутъ ужъ о садѣ некогда думать. Я чего боюсь главнымъ образомъ: выйдетъ за какого-нибудь молодца, а тотъ сжадничаетъ и сдаетъ садъ въ аренду торговкамъ, и все пойдетъ къ чорту въ первый же годъ! Въ нашемъ дѣлѣ бабы — бичъ Божій!

Егоръ Семенычъ вздохнулъ и помолчалъ немного.

— Можетъ, это и эгоизмъ, но откровенно говорю: не хочу, чтобы Таня шла замужъ. Боюсь! Тутъ къ намъ ѣздитъ одинъ фертъ со скрипкой и пиликаетъ; знаю, что Таня не пойдетъ за него, хорошо знаю, но видѣть его не могу! Вообще, братъ, я большой-таки чудакъ. Сознаюсь.

Егоръ Семенычъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ, и видно было, что онъ хочетъ сказать что-то очень важное, но не рѣшается.

— Я тебя горячо люблю и буду говорить съ тобой откровенно, — рѣшился онъ, наконецъ, засовывая руки въ карманы. — Къ нѣкоторымъ щекотливымъ вопросамъ я отношусь просто и говорю прямо то, что думаю, и терпѣть не могу такъ-называемыхъ сокровенныхъ мыслей. Говорю прямо: ты единственный человѣкъ, за котораго я не побоялся бы выдать дочь. Ты человѣкъ умный, съ сердцемъ, и не далъ бы погибнуть моему любимому дѣлу. А главная причина — я тебя люблю какъ сына... и горжусь тобой.

Если бы у васъ съ Таней наладился какъ-нибудь романъ, то—что жъ? я былъ бы очень радъ и даже счастливъ. Говорю это прямо, безъ жеманства, какъ честный человѣкъ.

Ковринъ засмѣялся. Егоръ Семеновичъ открылъ дверь, чтобы выйти, и остановился на порогѣ.

— Если бы у тебя съ Таней сынъ родился, то я бы изъ него садовода сдѣлалъ, — сказалъ онъ, подумавъ. — Впрочемъ, сіе есть мечтаніе пустое... Спокойной ночи.

Оставившись одинъ, Ковринъ легъ поудобнѣе и принялся за статьи. У одной было такое заглавіе: «О промежуточной культурѣ», у другой: «Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. З. о перештыковкѣ почвы подъ новый садъ», у третьей: «Еще объ окулировкѣ спящимъ глазкомъ» — и все въ такомъ родѣ. Но какой непокойный, неровный тонъ, какой нервный, почти болѣзненный задоръ! Вотъ статья, кажется, съ самымъ мирнымъ заглавіемъ и безразличнымъ содержаніемъ: говорится въ ней о русской антоновской яблонѣ. Но начинается ее Егоръ Семеновичъ съ «audiat^r altera pars» и кончаетъ — «sapienti sat», а между этими изреченіями цѣлый фонтанъ разныхъ ядовитыхъ словъ по адресу «ученаго невѣжества нашихъ патентованныхъ гг. садоводовъ, наблюдающихъ природу съ высоты своихъ кафедръ», или г. Гоше, «усиѣхъ котораго созданъ профанами и дилетантами», и тутъ же некстати натянутое и неискреннее сожалѣніе, что музиковъ, ворующихъ фрукты и ломающихъ при этомъ деревья, уже нельзя драть розгами.

«Дѣло красивое, милое, здоровое, но и тутъ страсти и война, — подумалъ Ковринъ. — Должно-быть, вездѣ и на всѣхъ поприщахъ идейные люди нервны и отличаются повышенной чувствительностью. Вѣроятно, это такъ нужно».

Онъ вспомнилъ про Таню, которой такъ нравятся статьи Егора Семеновича. Небольшого роста, блѣдная, тощая, такъ что ключицы видно; глаза широко раскрытые, темные, умные, все куда-то вглядываются и чего-то ищутъ; походка, какъ у отца, мелкая, торопливая. Она много говоритъ, любитъ поспорить, и при этомъ всякую даже незначительную фразу сопровождаетъ выразительною мимикой и жестикоулящей. Должно-быть, нервна въ высшей степени.

Ковринъ сталъ читать дальше, но ничего не понялъ и бросилъ. Пріятное возбужденіе, то самое, съ какимъ онъ давеча танцевалъ мазурку и слушалъ музыку, теперь томно

его и вызывало въ немъ множество мыслей. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, думая о черномъ монахѣ. Ему пришло въ голову, что если этого страннаго, сверхъестественнаго монаха видѣлъ только онъ одинъ, то, значить, онъ боленъ и дошелъ уже до галлюцинацій. Это соображеніе испугало его, но не надолго.

«Но вѣдь мнѣ хорошо, и я никому не дѣлаю зла; значить, въ моихъ галлюцинаціяхъ нѣтъ ничего дурного», — подумалъ онъ, и ему опять стало хорошо.

Онъ сѣлъ на диванъ и обнялъ голову руками, сдерживая непонятную радость, наполнявшую все его существо, потомъ опять прошелся и сѣлъ за работу. Но мысли, которыя онъ вычитывалъ изъ книги, не удовлетворяли его. Ему хотѣлось чего-то гигантскаго, необъятнаго, поражающаго. Подъ утро онъ раздѣлся и нехотя легъ въ постель: надо же было спать!

Когда послышались шаги Егора Семеныча, уходившаго въ садъ, Ковринъ позвонилъ и приказалъ лакею принести вина. Онъ съ наслажденіемъ выпилъ нѣсколько рюмокъ лафита, потомъ укрылся съ головой; сознание его затуманилось и онъ уснулъ.

IV.

Егоръ Семенычъ и Таня часто ссорились и говорили другъ другу неприятности.

Какъ-то утромъ они о чемъ-то повздорили. Таня заплакала и ушла къ себѣ въ комнату. Она не выходила ни обѣдать, ни чай пить. Егоръ Семенычъ сначала ходилъ важный, надутый, какъ бы желая дать понять, что для него интересы справедливости и порядка выше всего на свѣтѣ, но скоро не выдержалъ характера и палъ духомъ. Онъ печально бродилъ по парку и все вздыхалъ: «ахъ, Боже мой, Боже мой!» и за обѣдомъ не сѣлъ ни одной крошки. Наконецъ, виноватый, замученный совѣстью, онъ постучалъ въ запертую дверь и позвалъ робко:

— Таня! Таня?

И въ отвѣтъ ему изъ-за двери послышался слабый, изнеможенный отъ слезъ и въ то же время рѣшительный голосъ:

— Оставьте меня, прошу васъ.

Томленіе хозяевъ отражалось на всемъ домѣ, даже на людяхъ, которые работали въ саду. Ковринъ былъ погру-

женъ въ свою интересную работу, но подъ конецъ и ему стало скучно и неловко. Чтобы какъ-нибудь развѣять общее дурное настроеніе, онъ рѣшилъ вмѣшаться и передъ вечеромъ постучался къ Танѣ. Его впустили.

— Ай-ай, какъ стыдно! — началъ онъ шутливо, съ удивленіемъ глядя на заплаканное, покрытое красными пятнами, скорбное лицо Тани. — Неужели такъ серьезно? Ай-ай!

— Но если бы вы знали, какъ онъ меня мучить! — сказала она, и слезы, горячія, обильныя слезы брызнули изъ ея большихъ глазъ. — Онъ замучилъ меня! — продолжала она, ломая руки. — Я ему ничего не говорила... ничего... Я только сказала, что нѣтъ надобности держать... лишнихъ работниковъ, если... если можно, когда угодно, имѣть поденщиковъ. Вѣдь... вѣдь работники уже дѣлю недѣлю ничего не дѣлаютъ... Я... я только это сказала, а онъ раскричался и наговорилъ мнѣ... много обиднаго, глубоко оскорбительнаго. За что?

— Полно, полно, — проговорилъ Ковринъ, поправляя ей прическу. — Побранились, поплакали и будетъ. Нельзя долго сердиться, это нехорошо... тѣмъ болѣе, что онъ васъ безконечно любитъ.

— Онъ мнѣ... мнѣ испортилъ всю жизнь, — продолжала Таня, всхлиывая. — Только и слышу одни оскорбленія и... и обиды. Онъ считаетъ меня лишней въ его домѣ. Что же? Онъ правъ. Я завтра уѣду отсюда, поступаю въ телеграфистки... Пусть...

— Ну, ну, ну... Не надо плакать, Таня. Не надо, милая... Вы оба вспыльчивы, раздражительны, и оба виноваты. Пойдемте, я васъ помню.

Ковринъ говорилъ ласково и убѣдительно, а она продолжала плакать, вздрагивая плечами и сжимая руки, какъ будто ее въ самомъ дѣлѣ постигло страшное несчастье. Ему было жаль ея тѣмъ сильнѣе, что горе у нея было не серьезное, а страдала она глубоко. Какихъ пустяковъ было достаточно, чтобы сдѣлать это созданіе несчастнымъ на цѣлый день. да и пожалуй на всю жизнь! Утѣшая Таню, Ковринъ думалъ о томъ, что кромѣ этой дѣвушки и ея отца, во всемъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь людей, которые любили бы его какъ своего, какъ родного; если бы не эти два человѣка, то, пожалуй, онъ, потерявшій отца и мать въ раннемъ дѣтствѣ, до самой смерти не узналъ бы,

что такое искренняя ласка и та наивная, не разсуждающая любовь, какую питають только къ очень близкимъ, кровнымъ людямъ. И онъ чувствовалъ, что его полюбильнымъ, издерганнымъ нервамъ, какъ желѣзо магниту, отвѣчаютъ нервы этой плачущей, вздрагивающей дѣвушки. Онъ никогда бы ужъ не могъ полюбить здоровую, крѣпкую, краснощекую женщину, но блѣдная, слабая, несчастная Таня ему нравилась.

И онъ охотно гладилъ ее по волосамъ и плечамъ, пожималъ ей руки и утиралъ слезы... Наконецъ, она перестала плакать. Она еще долго жаловалась на отца и на свою тяжелую, невыносимую жизнь въ этомъ домѣ, умоляя Коврина войти въ ея положеніе; потомъ стала мало-помалу улыбаться и вздыхать, что Богъ послалъ ей такой дурной характеръ, въ концѣ-концовъ, громко разсмѣявшись, назвала себя душой и выбѣжала изъ комнаты.

Когда немного погодя Ковринъ вышелъ въ садъ, Егоръ Семенычъ и Таня уже какъ ни въ чемъ не бывало гуляли рядышкомъ по аллеѣ и оба ѣли ржаной хлѣбъ съ солью, такъ какъ оба были голодны.

V.

Довольный, что ему такъ удалась роль миротворца, Ковринъ пошелъ въ паркъ. Сидя на скамьѣ и размышляя, онъ слышалъ стукъ экипажей и женскій смѣхъ — это прѣѣхали гости. Когда вечернія тѣни стали ложиться въ саду, неясно послышались звуки скрипки, поющіе голоса, и это напомнило ему про чернаго монаха. Гдѣ-то, въ какой странѣ или на какой планетѣ носится теперь эта оптическая несообразность?

Едва онъ вспомнилъ легенду и нарисовалъ въ своемъ воображеніи то темное привидѣніе, которое видѣлъ на ржаномъ полѣ, какъ изъ-за сосны, какъ разъ напротивъ, вышелъ неслышно, безъ малѣйшаго шороха, человекъ средняго роста съ непокрытою сѣдою головой, весь въ темномъ и босой, похожій на нищаго, и на его блѣдномъ, точно мертвомъ лицѣ рѣзко выдѣлялись черныя брови. Привѣтливо кивая головой, этотъ нищій или странникъ безшумно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ, и Ковринъ узналъ въ немъ чернаго монаха. Минуту оба смотрѣли другъ на друга — Ковринъ съ изу-

мленіемъ, а монахъ ласково и, какъ и тогда, немножко лукаво, съ выраженіемъ себѣ-на-умѣ.

— Но вѣдь ты миражъ,—проговорилъ Ковринъ.—Зачѣмъ же ты здѣсь и сидишь на одномъ мѣстѣ? Это не вяжется съ легендой.

— Это все равно,—отвѣтилъ монахъ не сразу, тихимъ голосомъ, обращаясь къ нему лицомъ. — Легенда, миражъ и я—все это продуктъ твоего возбужденнаго воображенія. И—призракъ.

— Значить, ты не существуешь?—спросилъ Ковринъ.

— Думай, какъ хочешь,—сказалъ монахъ и слабо улыбнулся.—Я существую въ твоёмъ воображеніи, а воображеніе твое есть часть природы, значить, я существую и въ природѣ.

— У тебя очень старое, умное и въ высшей степени выразительное лицо, точно ты въ самомъ дѣлѣ прожилъ больше тысячи лѣтъ,—сказалъ Ковринъ.—Я не зналъ, что мое воображеніе способно создавать такіе феномены. Но что ты смотришь на меня съ такимъ восторгомъ? Я тебѣ нравлюсь?

— Да. Ты одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые по справедливости называются избранниками Божиими. Ты служишь вѣчной правдѣ. Твои мысли, намѣренія, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носятъ на себѣ божественную, небесную печать, такъ какъ посвящены они разумному и прекрасному, то-есть тому, что вѣчно.

— Ты сказалъ: вѣчной правдѣ... Но развѣ людямъ доступна и нужна вѣчная правда, если нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть,—сказалъ монахъ.

— Ты вѣришь въ безсмертіе людей?

— Да, конечно. Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность. И чѣмъ больше на землѣ такихъ, какъ ты, тѣмъ скорѣе осуществится это будущее. Безъ васъ, служителей высшему началу, живущихъ сознательно и свободно, человѣчество было бы ничтожно; развиваясь естественнымъ порядкомъ, оно долго бы еще ждало конца своей земной исторіи. Вы же на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше введете его въ царство вѣчной правды—и въ этомъ ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое почило на людяхъ.

— А какаѣ цѣли вѣчной жизни?—спросилъ Ковринъ.

— Какъ и всякой жизни—наслажденіе. Истинное насла-

жденіе въ познаніи, а вѣчная жизнь представить безчисленныя и неисчерпаемыя источники для познанія, и въ этомъ смыслѣ сказано: въ дому Отца Моего обители многи суть.

— Если бы ты зналъ, какъ пріятно слушать тебя! — сказала Ковринъ, потирая отъ удовольствія руки.

— Очень радъ.

— Но я знаю: когда ты уйдешь, меня будетъ беспокоить вопросъ о твоей сущности. Ты призракъ, галлюцинація. Значитъ, я психически боленъ, ненормаленъ?

— Хотя бы и такъ. Что смущаться? Ты боленъ, потому что работалъ черезъ силу и утомился, а это значитъ, что свое здоровье ты принесъ въ жертву идеѣ, и близко время, когда ты отдашь ей и самую жизнь. Чего лучше? Это—то, къ чему стремятся всѣ вообще одаренные свыше благородныя натуры

— Если я знаю, что я психически боленъ, то могу ли я вѣрить себѣ?

— А почему ты знаешь, что геніальные люди, которымъ вѣрить весь свѣтъ, тоже не видѣли призраковъ? Говорятъ же теперь ученые, что геній сродни умопомѣшательству. Другъ мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображенія насчетъ нервнаго вѣка, переутомленія, вырожденія и т. п. могутъ серьезно волновать только тѣхъ, кто цѣль жизни видитъ въ настоящемъ, то-есть стадныхъ людей.

— Римляне говорили: *mens sana in corpore sano*.

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроеніе, возбужденіе, экстазъ—все то, что отличаетъ пророковъ, поэтовъ, мучениковъ за идею отъ обыкновенныхъ людей, противно животной сторонѣ человѣка, то-есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоровъ и нормаленъ, иди въ стадо.

— Странно, ты повторяешь то, что часто мнѣ самому приходится въ голову,—сказала Ковринъ.—Ты какъ будто подсмотрѣлъ и подслушалъ мои сокровенныя мысли. Но давай говорить не обо мнѣ. Что ты разумѣешь подъ вѣчною правдой?

Монахъ не отвѣтилъ. Ковринъ взглянулъ на него и не разглядѣлъ лица: черты его туманились и расплывались. Затѣмъ у монаха стали исчезать голова, руки; туловище

его смѣшалось со скамьей и съ вечерними сумерками, и онъ исчез совсѣмъ.

— Галлюцинація кончилась! — сказалъ Ковринъ и засмѣялся.—А жаль.

Онъ пошелъ назадъ къ дому веселый и счастливый. То немного, что сказалъ ему черный монахъ, льстило не самолюбію, а всей душѣ, всему существу его. Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлають человечество достойнымъ царствія Божія, то-есть избавять людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ все — молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага, —какой высокій, какой счастливый удѣлъ! У него пронеслось въ памяти его прошлое, чистое, цѣломудренное, полное труда, онъ вспомнилъ то, чему учился и чему самъ училъ другихъ, и рѣшилъ, что въ словахъ монаха не было преувеличенія.

Навстрѣчу по парку шла Таня. На ней было уже другое платье.

— Вы здѣсь?—сказала она.—А мы васъ ищемъ, ищемъ... Но что съ вами?—удивилась она, взглянувъ на его восторженное, сіяющее лицо, и на глаза, полные слезъ.—Какой вы странный, Андрюша.

— Я доволенъ, Таня,—сказалъ Ковринъ, кладя ей руки на плечи.—Я больше чѣмъ доволенъ, я счастливъ! Таня, милая Таня, вы чрезвычайно симпатичное существо. Милая Таня, я такъ радъ, такъ радъ!

Онъ горячо поцѣловалъ ей обѣ руки и продолжалъ:

— Я только-что пережилъ свѣтлыя, чудныя, неземныя минуты. Но я не могу рассказать вамъ всего, потому что вы назовете меня сумасшедшимъ, или не повѣрите мнѣ. Будемъ говорить о васъ. Милая, славная Таня! Я васъ люблю и уже привыкъ любить. Ваша близость, встрѣчи наши по десяти разъ на день стали потребностью моей души. Не знаю, какъ я буду обходиться безъ васъ, когда уйду къ себѣ.

— Ну!—засмѣялась Таня.—Вы забудете про насъ черезъ два дня. Мы люди маленькіе, а вы великій человекъ.

— Нѣтъ, будемъ говорить серьезно! — сказалъ онъ.—Я возьму васъ съ собой, Таня. Да? Вы поѣдете со мной? Вы хотите быть моей?

— Ну!—сказала Таня и хотѣла опять засмѣяться, но смѣха не вышло, и красныя пятна выступили у нея на лицѣ.

Она стала часто дышать и быстро-быстро пошла, но не къ дому, а дальше въ паркъ.

— Я не думала объ этомъ... не думала!—говорила она какъ бы въ отчаяніи сжимаемая руки.

А Ковринъ шелъ за ней и говорилъ все съ тѣмъ же сіяющимъ, восторженнымъ лицомъ:

— Я хочу любви, которая захватила бы меня всего, и эту любовь только вы, Таня, можете дать мнѣ. Я счастливъ! Счастливъ!

Она была ошеломлена, согнулась, съежилась и точно со-старилась сразу на десять лѣтъ, а онъ находилъ ее прекрасной и громко выражалъ свой восторгъ.

— Какъ она хороша!

VI.

Узнавъ отъ Коврина, что не только романъ наладился, но что даже будетъ свадьба, Егоръ Семенычъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, стараясь скрыть волненіе. Руки у него стали трястись, шея надулась и побагровѣла, онъ велѣлъ заложить бѣговыя дрожки и уѣхалъ куда-то. Таня, видѣвшая, какъ онъ хлеснулъ по лошади и какъ глубоко, почти на уши, надвинулъ фуражку, поняла его настроеніе, заперлась у себя и проплакала весь день.

Въ оранжереяхъ уже поспѣли персики и сливы; упаковка и отправка въ Москву этого нѣжнаго и прихотливаго груза требовала много вниманія, труда и хлопотъ. Благодаря тому, что лѣто было очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждое дерево, на что ушло много времени и рабочей силы, и появилась во множествѣ гусеница, которую работники и даже Егоръ Семенычъ и Таня, къ великому омерзѣнію Коврина, давили прямо пальцами. При всемъ томъ, нужно уже было принимать заказы къ осени на фрукты и деревья и вести большую переписку. И въ самое горячее время, когда, казалось, ни у кого не было свободной минуты, наступили полевые работы, которыя отняли у сада больше половины рабочихъ; Егоръ Семенычъ, сильно загорѣвшій, замученный, злой, скакалъ то въ садъ, то въ поле и кричалъ, что его разрываютъ на части, и что онъ пустить себѣ пулю въ лобъ.

А тутъ еще возня съ приданымъ, которому Песоцкіе при- давали не малое значеніе; отъ звяканья пожницъ, стука швейныхъ машинъ, угара утюговъ и отъ капризовъ модистки, нервной, обидчивой дамы, у всѣхъ въ домѣ кружились головы. И какъ нарочно, каждый день прѣзжали гости, которыхъ надо было забавлять, кормить и даже оставлять ночевать. Но вся эта каторга прошла незамѣтно, какъ въ туманѣ. Таня чувствовала себя такъ, какъ будто любовь и счастье захватили ее врасплохъ, хотя съ четырнадцати лѣтъ была увѣрена почему-то, что Ковринъ женится именно на ней. Она изумлялась, недоумѣвала, не вѣрила себѣ... То вдругъ нахлынетъ такая радость, что хочется улетѣть подъ облака и тамъ молиться Богу, а то вдругъ вспомнится, что въ августѣ придется разставаться съ роднымъ гнѣздомъ и оставлять отца, или, Богъ вѣсть откуда, придетъ мысль, что она ничтожна, мелка и недостойна такого великаго чело- вѣка, какъ Ковринъ,—и она уходитъ къ себѣ, запирается на ключъ и горько плачетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Когда бывають гости, вдругъ ей покажется, что Ковринъ необыкновенно красивъ и что въ него влюблены всѣ женщины и завидуютъ ей, и душа ея наполняется вос- торгомъ и гордостью, какъ будто она побѣдила весь свѣтъ, по стѣдитъ ему привѣтливо улыбнуться какой-нибудь барышнѣ, какъ она ужъ дрожить отъ ревности, уходитъ къ себѣ—и опять слезы. Эти новыя ощущенія завладѣли ею совершенно. она помогала отцу машинально и не замѣчала ни перси- ковъ, ни гусеницъ, ни рабочихъ, ни того, какъ быстро бѣ- жало время.

Съ Егоромъ Семенычемъ происходило почти то же самое. Онъ работалъ съ утра до ночи, все сбѣнилъ куда-то, вы- ходилъ изъ себя, раздражался, но все это въ какомъ-то волшебномъ полуснѣ. Въ немъ уже сидѣло какъ будто бы два челоуѣка: одинъ былъ настоящий Егоръ Семенычъ, который, слушая садовника Ивана Карлыча, докладывав- шаго ему о безпорядкахъ, возмущался и въ отчаяніи хваталъ себя за голову, и другой не настоящий, точно полупьяный который вдругъ на полусловѣ прерывалъ дѣловой разговоръ, трогалъ садовника за плечо и начиналъ бормотать:

— Что ни говори, а кровь много значить. Его мать была удивительная, благороднѣйшая, умнѣйшая женщина. Было наслажденіемъ смотрѣть на ея доброе, ясное, чистое лицо

какъ у ангела. Она прекрасно рисовала, писала стихи, говорила на пяти иностранныхъ языкахъ, пѣла... Бѣдняжка, царство ей небесное, скончалась отъ чахотки.

Не настоящій Егоръ Семенычъ вздыхалъ и, помолчавъ, продолжалъ:

— Когда онъ былъ мальчикомъ и росъ у меня, то у него было такое же ангельское лицо, ясное и доброе. У него и взглядъ, и движенія, и разговоръ нѣжны и изящны, какъ у матери. А умъ? Онъ всегда поражалъ насъ своимъ умомъ. Да и то сказать, не даромъ онъ магистръ! Не даромъ! А погоди, Иванъ Карлычъ, каковъ онъ будетъ лѣтъ черезъ десять! Рукой не достанешь!

Но тутъ настоящій Егоръ Семенычъ, спохватившись, дѣлалъ страшное лицо, хваталъ себя за голову и кричалъ:

— Черти! Пересквернили, перепоганили, перемерзили! Пропалъ садъ! Погибъ садъ!

А Ковринъ работалъ съ прежнимъ усердiемъ и не замѣчалъ суетоки. Любовь только подлила масла въ огонь. Послѣ каждаго свиданiя съ Таней, онъ, счастливый, восторженный, шелъ къ себѣ и съ тою же страстностью, съ какою онъ только-что цѣловалъ Таню и объяснялся ей въ любви, брался за книгу или за свою рукопись. То, что говорилъ черный монахъ объ избранникахъ Божiихъ, вѣчной правдѣ, о блестящей будущности человечества и проч., придавало его работѣ особенное, необыкновенное значенiе и наполняло его душу гордостью, сознаниемъ собственной высоты. Разъ или два въ недѣлю, въ паркѣ или въ домѣ, онъ встрѣчался съ чернымъ монахомъ и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, но это не пугало, а, напротивъ, восхищало его, такъ какъ онъ былъ уже крѣпко убѣжденъ, что подобныя видѣнiя посѣщаютъ только избранныхъ, выдающихся людей, посвятившихъ себя служенiю идеѣ.

Однажды монахъ явился во время обѣда и сѣлъ въ столовой у окна. Ковринъ обрадовался и очень ловко завелъ разговоръ съ Егоромъ Семенычемъ и съ Таней о томъ, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушалъ и привѣтливо кивалъ головой, а Егоръ Семенычъ и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозревая, что Ковринъ говоритъ не съ ними, а со своей галлюцинацiей.

Незамѣтно подошелъ Успенскiй постъ, а за нимъ скоро

и день свадьбы, которую, по настойчивому желанію Егора Семеныча отпраздновали «съ трескомъ», то-есть съ безтолковою гульбой, продолжавшеюся двое сутокъ. Съѣли и выпили тысячи на три, но отъ плохой наемной музыки, крикливыхъ тостовъ и лакейской бѣготни, отъ шума и тѣсноты не поняли вкуса ни въ дорогихъ винахъ, ни въ удивительныхъ закускахъ, выписанныхъ изъ Москвы.

VII.

Какъ-то въ одну изъ длинныхъ зимнихъ ночей Ковринъ лежалъ въ постели и читалъ французскій романъ. Бѣдняжка Таня, у которой по вечерамъ болѣла голова отъ непривычки жить въ городѣ, давно уже спала и изрѣдка въ бреду произносила какія-то безсвязныя фразы.

Пробило три часа. Ковринъ потушилъ свѣчу и легъ; долго лежалъ съ закрытыми глазами, но уснуть не могъ оттого, какъ казалось ему, что въ спальнѣ было очень жарко и бредила Таня. Въ половинѣ пятаго онъ опять зажегъ свѣчу и въ это время увидѣлъ чернаго монаха, который сидѣлъ въ креслѣ около постели.

— Здравствуй,—сказалъ монахъ и, помолчавъ немного, спросилъ:—о чемъ ты теперь думаешь?

— О славѣ,—отвѣтилъ Ковринъ.—Во французскомъ романѣ, который я сейчасъ читалъ, изображенъ человекъ, молодой ученый, который дѣлаетъ глупости и чахнетъ отъ тоски по славѣ. Миѣ эта тоска непонятна.

— Потому что ты уменъ. Ты къ славѣ относишься безразлично, какъ къ игрушкѣ, которая тебя не занимаетъ.

— Да, это правда.

— Извѣстность не улыбается тебѣ. Что лестнаго или забавнаго, или поучительнаго въ томъ, что твое имя вырѣжутъ на могильномъ памятникѣ и потомъ время сотретъ эту надпись вмѣстѣ съ позолотой? Да и къ счастью, вась слишкомъ много, чтобы слабая человѣческая память могла удержать ваши имена.

— Понятно,—согласился Ковринъ.—Да и зачѣмъ ихъ помнить? Но давай поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Напримѣръ, о счастьѣ. Что такое счастье?

Когда часы били пять, онъ сидѣлъ на кровати, свѣсивъ ноги на коверъ, и говорилъ, обращаясь къ монаху:

— Въ древности одинъ счастливый человекъ въ концѣ

концовъ испугался своего счастья — такъ оно было велико! — и, чтобы умиловить боговъ, принесъ имъ въ жертву свой любимый перстень. Знаешь? И меня, какъ Поликрата, начинаетъ немножко беспокоить мое счастье. Мнѣ кажется страннымъ, что отъ утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняетъ всего меня и заглушаетъ всѣ остальные чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль или скука. Вотъ я не сплю, у меня бессонница, но мнѣ не скучно. Серьезно говорю: я начинаю недоумѣвать.

— Но почему? — изумился монахъ. — Развѣ радость сверхъестественное чувство? Развѣ она не должна быть нормальнымъ состояніемъ человѣка? Чѣмъ выше человѣкъ по умственному и нравственному развитію, чѣмъ онъ свободнѣе, тѣмъ большее удовольствіе доставляетъ ему жизнь. Сократъ, Діогенъ и Маркъ Аврелій испытывали радость, а не печаль. И апостолъ говоритъ: постоянно радуйтесь. Радуйся же и будь счастливъ.

— А вдругъ прогниваются боги? — пошутилъ Ковринъ и засмѣялся. — Если они отнимутъ у меня комфортъ и заставятъ меня зябнуть и голодать, то это едва ли придется мнѣ по вкусу.

Таня, между тѣмъ, проснулась и съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣла на мужа. Онъ говорилъ, обращаясь къ креслу, жестикулировалъ и смѣялся; глаза его блестя, и въ смѣхѣ было что-то странное.

— Андрюша, съ кѣмъ ты говоришь? — спросила она, хватая его за руку, которую онъ протянулъ къ монаху. — Андрюша! Съ кѣмъ?

— А? Съ кѣмъ? — смутился Ковринъ. — Вотъ съ нимъ... Вотъ онъ сидитъ, — сказалъ онъ, указывая на чернаго монаха.

— Никого здѣсь нѣтъ... никого! Андрюша, ты боленъ!

Таня обняла мужа и прижалась къ нему, какъ бы защищая его отъ видѣній, и закрыла ему глаза рукой.

— Ты боленъ! — зарыдала она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Прости меня, милый, дорогой, но я давно уже замѣтила, что душа у тебя разстроена чѣмъ-то... Ты психически боленъ, Андрюша...

Дрожь ея сообщилась и ему. Онъ взглянулъ еще разъ на кресло, которое уже было пусто, почувствовалъ вдругъ

слабость въ рукахъ и ногахъ, испугался и сталъ одѣваться.

— Это ничего, Таня, ничего...—бормоталъ онъ, дрожа.— Въ самомъ дѣлѣ я немножко нездоровъ... пора уже со- знаться въ этомъ.

— Я уже давно замѣчала... и папа замѣтилъ, — говорила она, стараясь сдержать рыданія.— Ты самъ съ собой говоришь, какъ-то странно улыбаешься... не спишь. О, Боже мой, Боже мой, спаси насъ! — проговорила она въ ужасѣ.— Но ты не бойся, Андрюша, не бойся, Бога ради не бойся...

Она тоже стала одѣваться. Только теперь, глядя на нее, Ковринъ понялъ всю опасность своего положенія, понялъ, что значать черный монахъ и бесѣды съ нимъ. Для него теперь было ясно, что онъ сумасшедшій.

Оба, сами не зная зачѣмъ, одѣлись и пошли въ залу: она впереди, онъ за ней. Тутъ ужъ, разбуженный рыданіями, въ халатѣ и со свѣчой въ рукахъ стоялъ Егоръ Семенычъ, который гостилъ у нихъ.

— Ты не бойся Андрюша,—говорила Таня, дрожа какъ въ лихорадкѣ: -- не бойся... Папа, это все пройдетъ... все пройдетъ...

Ковринъ отъ волненія не могъ говорить. Онъ хотѣлъ сказать тестю шутивымъ тономъ:

— Поздравьте, я, кажется, сошелъ съ ума, — но пошевелилъ только губами и горько улыбнулся.

Въ девять часовъ утра на него надѣли пальто и шубу, окутали его шалью и повезли въ каретѣ къ доктору. Онъ сталъ лечиться.

VIII.

Опять наступило лѣто, и докторъ приказалъ ѣхать въ деревню. Ковринъ уже выздоровѣлъ, пересталъ видѣть чернаго монаха и ему оставалось только подкрѣпить свои физическія силы. Живя у тестя въ деревнѣ, онъ пилъ много молока, работалъ только два часа въ сутки, не пилъ вина и не курилъ.

Подъ Ильинъ день вечеромъ въ домъ служили всенощную. Когда дьячокъ подалъ священнику кадило, то въ старомъ громадномъ залѣ запахло точно кладбищемъ, и Коврину стало скучно. Онъ вышелъ въ садъ. Не замѣчая

роскошныхъ цвѣтовъ, онъ погулялъ по саду, посидѣлъ на скамьѣ, потомъ проишелся по парку; дойдя до рѣки, онъ спустился внизъ и тутъ постоялъ въ раздумьѣ, глядя на воду. Угрюмыя сосны съ мохнатыми корнями, которыя въ прошломъ году видѣли его здѣсь такимъ молодымъ, радостнымъ и бодрымъ, теперь не шептались, а стояли неподвижныя и нѣмыя, точно не узнавали его. И въ самомъ дѣлѣ, голова у него острижена, длинныхъ красивыхъ волосъ уже нѣтъ, походка вялая, лицо, сравнительно съ прошлымъ лѣтомъ, пополнило и поблѣднѣло.

По лавамъ онъ перешелъ на тотъ берегъ. Тамъ, гдѣ въ прошломъ году была рожь, теперь лежалъ въ рядахъ скошенный овесъ. Солнце уже зашло, и на горизонтѣ пылало широкое красное зарево, предвѣщавшее на завтра вѣтреную погоду. Было тихо. Всмотриваясь по тому направлению, гдѣ въ прошломъ году показался впервые черный монахъ, Ковринъ постоялъ минутъ двадцать, пока не начала тускнуть вечерняя заря...

Когда онъ вялый, неудовлетворенный, вернулся домой, всенощная уже кончилась. Егоръ Семенычъ и Таня сидѣли на ступеняхъ террасы и пили чай. Они о чемъ-то говорили, но, увидѣвъ Коврина, вдругъ замолчали, и онъ заключилъ по ихъ лицамъ, что разговоръ у нихъ шелъ о немъ.

— Тебѣ, кажется, пора уже молоко пить, — сказала Таня мужу.

— Пить, не пора... — отвѣчалъ онъ, садясь на самую нижнюю ступень. — Пей сама. Я не хочу.

Таня тревожно переглянулась съ отцомъ и сказала виноватымъ голосомъ:

— Ты самъ замѣчаешь, что молоко тебѣ полезно.

— Да, очень полезно! — усмѣхнулся Ковринъ. — Поздравляю васъ: послѣ пятницы во мнѣ прибавился еще одинъ фунтъ вѣсу. — Онъ крѣпко сжалъ руками голову и проговорилъ съ тоской: — Зачѣмъ, зачѣмъ вы меня лѣчили? Бромистые препараты, праздность, теплыя ванны, надзоръ, малодушный страхъ за каждый глотокъ, за каждый шагъ — все это въ концѣ концовъ доведетъ меня до идиотизма. Я сходилъ съ ума, у меня была манія величія, но зато я былъ веселъ, бодръ и даже счастливъ, я былъ интересенъ и оригиналенъ. Теперь я сталъ разсудительнѣе и солиднѣе, но зато я такой, какъ всѣ: я — посредственность, мнѣ

скучно жить... О, какъ вы жестоко поступили со мной! Я видѣлъ галлюцинаціи, но кому это мѣшало? Я спрашиваю: кому это мѣшало?

— Богъ знаетъ, что ты говоришь! — вздохнулъ Егоръ Семенычъ. — Даже слушать скучно.

— А вы не слушайте.

Присутствіе людей, особенно Егора Семеныча, теперь ужъ раздражало Коврина, онъ отвѣчалъ ему сухо, холодно и даже грубо и иначе не смотрѣлъ на него, какъ насмѣшливо и съ ненавистью, а Егоръ Семенычъ смущался и виновато покашливалъ, хотя вины за собой никакой не чувствовалъ. Не понимая, отчего такъ рѣзко измѣнились ихъ милыя, благодушныя отношенія, Таня жалась къ отцу и съ тревогой заглядывала ему въ глаза; она хотѣла понять и не могла, и для нея ясно было только, что отношенія съ каждымъ днемъ становятся все хуже и хуже, что отецъ въ послѣднее время сильно постарѣлъ, а мужъ сталъ раздражителенъ, капризенъ, придирчивъ и неинтересенъ. Она уже не могла смѣяться и пить, за обѣдомъ ничего не ѣла, не спала по цѣлымъ ночамъ, ожидая, чего-то ужаснаго, и такъ измучилась, что однажды пролежала въ обморокѣ отъ обѣда до вечера. Во время всеобщей ей показалось, что отецъ плакалъ, и теперь, когда они втроемъ сидѣли на террасѣ, она дѣлала надъ собой усилія, чтобы не думать объ этомъ.

— Какъ счастливы Будда и Магометъ или Шекспиръ, что добрые родственники и доктора не лѣчили ихъ отъ экстаза и вдохновенія — сказала Ковринъ. — Если бы Магометъ принималъ отъ первовъ бромистый калий, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собаки. Доктора и добрые родственники въ концѣ концовъ сдѣлаютъ то, что человѣчество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться гениемъ и цивилизація погибнетъ. Если бы вы знали, — сказала Ковринъ съ досадою: — какъ я вамъ благодаренъ!

Онъ почувствовалъ сильное раздраженіе и, чтобы не сказать лишняго, быстро всталъ и пошелъ въ домъ. Было тихо, и въ открытыя окна несся изъ сада аромать табака и ядаины. Въ громадномъ темномъ залѣ на полу и на рояли зелеными пятнами лежалъ лунный свѣтъ. Коврину

припомнились восторги прошлаго лѣта, когда такъ же пахло яланпой и въ оклахъ свѣтилась луна. Чтобы вернуть прошлогоднее настроеніе, онъ быстро пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, закурилъ крѣпкую сигару и приказалъ лакею принести вина. Но отъ сигары во рту стало горько и противно, а вино оказалось не такого вкуса, какъ въ прошломъ году. И что значить отвыкнуть! Отъ сигары и двухъ глотковъ вина у него закружилась голова и началось сердцебіеніе, такъ что понадобилось принимать бромистый калий.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Таня говорила ему:

— Отецъ обожаетъ тебя. Ты на него сердился за что-то, и это убиваетъ его. Посмотри: онъ старѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Умоляю тебя, Андрюша, Бога ради, ради своего покойнаго отца, ради моего покоя, будь съ нимъ ласковъ!

— Не могу и не хочу.

— Но почему?—спросила Таня, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.—Объясни мнѣ, почему?

— Потому, что онъ мнѣ не симпатиченъ, вотъ и все,— небрежно сказалъ Ковринъ и пожалъ плечами:—но не будемъ говорить о немъ: онъ твой отецъ.

— Не могу, не могу понять! — проговорила Таня, сжимая себѣ виски и глядя въ одну точку.—Что-то непостижимое, ужасное происходитъ у насъ въ домѣ. Ты измѣнился, сталъ на себя не похожъ... Ты, умный, необыкновенный человекъ, раздражаешься изъ-за пустяковъ, вмѣшиваешься въ дразги... Такія мелочи волнуютъ тебя, что иной разъ просто удивляешься и не вѣришь: ты ли это? Ну, ну, не сердись, не сердись, — продолжала она, пугаясь своихъ словъ и цѣлуя ему руки.— Ты умный, добрый, благородный. Ты будешь справедливъ къ отцу. Онъ такой добрый!

— Онъ не добрый, а добродушный. Водевпльные дядюшки, въ родѣ твоего отца, съ сытыми добродушными физиономіями, необыкновенно хлѣбосольные и чудаковатые, когда-то умляли меня и смѣшили и въ новѣстяхъ, и въ водевилахъ, и въ жизни, теперь же они мнѣ противны. Это эгоисты до мозга костей. Противнѣе всего мнѣ ихъ сытость и этотъ желудочный, чисто бычій или кабаній оптимизмъ.

Таня сѣла на постель и положила голову на подушку.

— Это пытка,—проговорила она, и по ея голосу видно было, что она уже крайне утомлена и что ей тяжело говорить.—Съ самой зимы ни одной покойной минуты... Вѣдь это ужасно, Боже мой! Я страдаю...

— Да, конечно, я — Продь, а ты и твой папенька — египетскіе младенцы. Конечно!

Его лицо показалось Танѣ некрасивымъ и непріятнымъ. Ненависть и насмѣшливое выраженіе не шли къ нему. Да и раньше она замѣчала, что на его лицѣ уже чего-то недостаетъ, какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ онъ остригся, измѣнилось и лицо. Ей захотѣлось сказать ему что-нибудь обидное, но тотчасъ же она поймала себя на непріязненнымъ чувствѣ, испугалась и пошла изъ спальни.

IX.

Ковринъ получилъ самостоятельную кафедру. Вступительная лекція была назначена на второе декабря, и объ этомъ было вывѣщено объявленіе въ университетскомъ коридорѣ. Но въ назначенный день онъ извѣстилъ инспектора студентовъ телеграммой, что читать лекціи не будетъ по болѣзни.

У него шла горломъ кровь. Онъ плевалъ кровью, но случалось раза два въ мѣсяцъ, что она текла обильно, и тогда онъ чрезвычайно слабѣлъ и впадалъ въ сонливое состояніе. Эта болѣзнь не особенно пугала его, такъ какъ ему было извѣстно, что его покойная мать жила точно съ такою же болѣзнию десять лѣтъ, даже больше; и доктора увѣряли, что это не опасно, и совѣтовали только не волноваться, вести правильную жизнь и поменьше говорить.

Въ январѣ лекція опять не состоялась по той же причинѣ, а въ февралѣ было уже поздно начинать курсъ. Пришлось отложить до будущаго года.

Жилъ онъ уже не съ Таней, а съ другой женщиной, которая была на два года старше его и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ. Настроеніе у него было мирное, покорное: онъ охотно подчинялся, и когда Варвара Николаевна—такъ звали его подругу—собралась везти его въ Крымъ, то онъ согласился, хотя предчувствовалъ, что изъ этой поѣздки не выйдетъ ничего хорошаго.

Они приѣхали въ Севастополь вечеромъ и остановились въ гостиницѣ, чтобы отдохнуть и завтра ѣхать въ Ялту. Обоихъ утомила дорога. Варвара Николаевна напилась чаю, легла спать и скоро уснула. Но Ковринъ не ложился. Еще дома, за часъ до отъѣзда на вокзалъ, онъ получилъ отъ Тани письмо и не рѣшился его распечатать, и теперь оно лежало у него въ боковомъ карманѣ, и мысль о немъ неприятно волновала его. Искренно, въ глубинѣ души, свою женитьбу на Танѣ онъ считалъ теперь ошибкой, былъ доволенъ, что окончательно разошелся съ ней, и воспоминаніе объ этой женщинѣ, которая въ концѣ концовъ обратилась въ ходячія живыя мончи, и въ которой, какъ кажется, все уже умерло, кромѣ большихъ, пристально вглядывающихся, умныхъ глазъ, воспоминаніе о ней возбуждало въ немъ одну только жалость и досаду на себя. Почеркъ на конвертѣ напомнилъ ему, какъ онъ года два назадъ былъ несправедливъ и жестокъ, какъ вымещалъ на ни въ чемъ неповинныхъ людяхъ свою душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью. Кстати же онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ рвалъ на мелкіе клочки свою диссертацию и всѣ статьи, написанныя за время болѣзни, и какъ бросалъ въ окно, и клочки, летая по вѣтру, цѣплялись за деревья и цвѣты; въ каждой строчкѣ видѣлъ онъ странныя, ни на чемъ не основанныя претензіи, легкомысленный задоръ, дерзость, манію величія, и это производило на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ читалъ описаніе своихъ пороковъ; но когда послѣдняя тетрадка была разорвана и полетѣла въ окно, ему почему-то вдругъ стало досадно и горько, онъ пошелъ къ женѣ и наговорилъ ей много неприятнаго. Боже мой, какъ онъ изводилъ ее! Однажды, желая причинить ей боль, онъ сказалъ ей, что ея отецъ игралъ въ ихъ романѣ непривлекательную роль, такъ какъ просилъ его жениться на ней; Егоръ Семенычъ нечаянно подслушалъ это, вбѣжалъ въ комнату и съ отчаянія не могъ выговорить ни одного слова, и только топтался на одномъ мѣстѣ и какъ-то странно мычалъ, точно у него отнялся языкъ, а Таня, глядя на отца, вскрикнула раздирающимъ голосомъ и упала въ обморокъ. Это было безобразно.

Все это приходило на память при взглядѣ на знакомый почеркъ. Ковринъ вышелъ на балконъ; была тихая теплая погода и нахло моремъ. Чудесная бухта отражала въ себѣ

луну и огни и имѣла цвѣтъ, которому трудно подобрать названіе. Это было нѣжное и мягкое сочетаніе синяго съ зеленымъ; мѣстами вода походила цвѣтомъ на синій купоросъ, а мѣстами, казалось, лунный свѣтъ ступился и вмѣсто воды наполнялъ бухту, а въ общемъ какое согласіе цвѣтовъ, какое мирное, покойное и высокое настроеніе!

Въ нижнемъ этажѣ, подъ балкономъ, окна, вѣроятно, были открыты, потому что отчетливо слышались женскіе голоса и смѣхъ. Повидимому, тамъ была вечеринка.

Ковринъ сдѣлалъ надъ собой усилие, распечаталъ письмо и, войдя къ себѣ въ номеръ, прочелъ:

«Сейчасъ умеръ мой отецъ. Этимъ я обязана тебѣ, такъ какъ ты убилъ его. Нашъ садъ погибаетъ, въ немъ хозяйничаютъ уже чужіе, то-есть происходитъ то самое, чего такъ боялся бѣдный отецъ. Этимъ я обязана тоже тебѣ. Я ненавижу тебя всею моею душой и желаю, чтобы ты скорѣе погибъ. О, какъ я страдаю! Мою душу жжетъ невыносимая боль... Будь ты проклятъ. Я приняла тебя за необыкновеннаго человѣка, за генія, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшимъ...»

Ковринъ не могъ дальше читать, изорвалъ письмо и бросилъ. Имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ. За ширмами спала Варвара Николаевна, и слышно было, какъ она дышала; изъ нижняго этажа доносились женскіе голоса и смѣхъ, но у него было такое чувство, какъ будто во всей гостиницѣ кромѣ него не было ни одной живой души. Оттого, что несчастная, убитая горемъ Таня въ своемъ письмѣ проклинала его и желала его погибели, ему было жутко, и онъ мелькомъ взглядывалъ на дверь, какъ бы боясь, чтобы не вошла въ номеръ и не распорядилась имъ опять та невѣдомая сила, которая въ какіе-нибудь два года произвела столько разрушеній въ его жизни и въ жизни близкихъ.

Онъ уже по опыту зналъ, что когда разгуляются нервы, то лучшее средство отъ нихъ—это работа. Надо сѣсть за столъ и заставить себя, во что бы то ни стало, сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли. Онъ досталъ изъ своего краснаго портфеля тетрадку, на которой былъ набросанъ конспектъ небольшой компилятивной работы, придуманной имъ на случай, если въ Крыму покажется скучно безъ дѣла. Онъ сѣлъ за столъ и занялся этимъ конспектомъ, и ему казалось, что къ нему возвращается его мирное, по-

корное, безразличное настроеніе. Тетрадка съ конспектомъ навела даже на размышленіе о суетѣ мірской. Онъ думалъ о томъ, какъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку. Напримѣръ, чтобы получить подъ сорокъ лѣтъ каѳедру, быть обыкновеннымъ профессоромъ, излагать вялымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ обыкновенныя и притомъ чужія мысли,—однимъ словомъ, для того, чтобы достигнуть положенія посредственнаго ученаго, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лѣтъ, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болѣзнь, пережить неудачный бракъ и продѣлать много всякихъ глупостей и несправедливостей, о которыхъ пріятно было бы не помнить. Ковринъ теперь ясно сознавалъ, что онъ—посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что онъ есть.

Конспектъ совсѣмъ-было успокоилъ его, но разорванное письмо бѣлѣло на полу и мѣшало ему сосредоточиться. Онъ всталъ изъ-за стола, подобралъ клочки письма и бросилъ въ окно, но подулъ съ моря легкій вѣтеръ, и клочки рассыпались по подоконнику. Опять имъ овладѣло безпокойство, похожее на страхъ, и стало казаться, что во всей гостиницѣ кромѣ него нѣтъ ни одной души... Онъ вышелъ на балконъ. Бухта, какъ живая, глядѣла на него множествомъ голубыхъ, синихъ, бирюзовыхъ и огненныхъ глазъ и манила къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было жарко и душно и не мѣшало бы выкупаться.

Вдругъ въ нижнемъ этажѣ подъ балкономъ заиграла скрипка, и заплѣли два нѣжныхъ женскихъ голоса. Это было что-то знакомое. Въ романсѣ, который плѣли внизу, говорилось о какой-то дѣвушкѣ, больной воображеніемъ, которая слышала ночью въ саду таинственные звуки и рѣшила, что это гармонія священная, намъ, смертнымъ, непонятная... У Коврина захватило дыханіе, и сердце сжалось отъ грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой онъ давно уже забылъ, задрожала въ его груди.

Черный высокій столбъ, похожій на вихрь или смерчъ, показался на томъ берегу бухты. Онъ съ страшною быстротою двигался черезъ бухту по направленію къ гостиницѣ, становясь все меньше и темнѣе, и Ковринъ едва успѣлъ посторониться, чтобы дать дорогу... Монахъ съ непокрытою

сѣдою головой и съ черными бровями, босой, скрестивши на груди руки, пронесся мимо и остановился среди комнаты.

— Отчего ты не повѣрилъ мнѣ?—спросилъ онъ съ укоризной, глядя ласково на Коврина.—Если бы ты повѣрилъ мнѣ тогда, что ты геній, то эти два года ты провелъ бы не такъ печально и скудно.

Ковринъ уже вѣрилъ тому, что онъ избранникъ Божій и геній, онъ живо припомнилъ всѣ свои прежніе разговоры съ чернымъ монахомъ и хотѣлъ говорить, но кровь текла у него изъ горла прямо на грудь, и онъ, не зная, что дѣлать, водилъ руками по груди, и манжетки стали мокрыми отъ крови. Онъ хотѣлъ позвать Варвару Николаевну, которая спала за ширмами, сдѣлалъ усиліе и проговорилъ:

— Таня!

Онъ упалъ на полъ и, поднимаясь на руки, опять позвалъ:

— Таня!

Онъ звалъ Таню, звалъ большой садъ съ роскошными цвѣтами, обрызганными росой, звалъ паркъ, сосны съ мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смѣлость, радость, звалъ жизнь, которая была такъ прекрасна. Онъ видѣлъ на полу около своего лица большую лужу крови и не могъ уже отъ слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо. Внизу подъ балкономъ играли серенаду, а черный монахъ шепталъ ему, что онъ геній, и что онъ умираетъ потому только, что его слабое человѣческое тѣло уже потеряло равновѣсіе и не можетъ больше служить оболочкой для генія.

Когда Варвара Николаевна проснулась и вышла изъ-за ширмъ, Ковринъ былъ уже мертвъ и на лицѣ его застыла блаженная улыбка.

СКРИПКА РОТШИЛЬДА.

Городокъ былъ маленькій, хуже деревни, и жили въ немъ почти одни только старики, которые умирали такъ рѣдко, что даже досадно. Въ больницу же и въ тюремный замокъ гробовъ требовалось очень мало. Однимъ словомъ, дѣла были скверныя. Если бы Яковъ Ивановъ былъ гробовщикомъ въ губернскомъ городѣ, то, навѣрное, онъ имѣлъ бы собственный домъ и звали бы его Яковомъ Матвѣичемъ; здѣсь же въ городишкѣ звали его просто Яковомъ, уличное прозвище у него было почему-то—Бронза, а жилъ онъ ѳдно, какъ простой мужикъ, въ небольшой старой избѣ, гдѣ была одна только комната, и въ этой комнатѣ помѣщались онъ, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстакъ и все хозяйство.

Яковъ дѣлалъ гробы хорошіе, прочныя. Для мужиковъ и мѣщанъ онъ дѣлалъ ихъ на свой ростъ и ни разу не ошибся, такъ какъ выше и крѣиче его не было людей нигдѣ, даже въ тюремномъ замкѣ, хотя ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Для благородныхъ же и для женщинъ дѣлалъ по мѣркѣ и употреблялъ для этого желѣзныя аршинъ. Заказы на дѣтскіе гробики принималъ онъ очень неохотно и дѣлалъ ихъ прямо безъ мѣрки, съ презрѣніемъ, и всякій разъ, получая деньги за работу, говорилъ:

— Признаться, не люблю заниматься чепухой.

Кромѣ мастерства, небольшой доходъ приносила ему также игра на скрипкѣ. Въ городкѣ на свадьбахъ игралъ обыкновенно жидовскій оркестръ, которымъ управлялъ лудиль-

щикъ Моисей Ильичъ Шахкесъ, бравшій себѣ больше половины дохода. Такъ какъ Яковъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ, особенно русскія пѣсни, то Шахкесъ иногда приглашалъ его въ оркестръ съ платою по пятьдесятъ копеекъ въ день, не считая подарковъ отъ гостей. Когда Бронза сидѣлъ въ оркестрѣ, то у него прежде всего потѣло и багровѣло лицо; было жарко, пахло чеснокомъ до духоты, скрипка взвизгивала, у праваго уха хрипѣлъ контрабасъ, у лѣваго— плакала флейта, на которой игралъ рыжій тощій жидъ съ цѣлою сѣтью красныхъ и синихъ жлоковъ на лицѣ, носившій фамилію извѣстнаго богача Ротшильда. И этотъ проклятый жидъ даже самое веселое умудрялся играть жалобно. Безъ всякой видимой причины Яковъ мало-по-малу проникался ненавистью и презрѣніемъ къ жидамъ, а особенно къ Ротшильдъ; онъ начиналъ придирагься, бранить его пехорошими словами и разъ даже хотѣлъ побить его, и Ротшильдъ обидѣлся и проговорилъ, глядя на него свирѣло:

— Если бы я не уважалъ васъ за талантъ, то вы бы давно полетѣли у меня въ окошке.

Потомъ заплалалъ. Поэтому Бронзу приглашали въ оркестръ не часто, только въ случаѣ крайней необходимости, когда недоставало кого-нибудь изъ евреевъ.

Яковъ никогда не бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ ему постоянно приходилось терпѣть страшные убытки. Напримѣръ, въ воскресенья и праздники грѣшно было работать, понедѣльникъ—тяжелый день, и такимъ образомъ въ году набиралось около двухсотъ дней, когда поневолѣ приходилось сидѣть сложа руки. А вѣдь это какой убытокъ! Если кто-нибудь въ городѣ игралъ свадьбу безъ музыки или Шахкесъ не приглашалъ Якова, то это тоже былъ убытокъ. Полицейскій надзиратель былъ два года боленъ и чахнулъ, и Яковъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ умретъ, но надзиратель уѣхалъ въ губернскій городъ лѣчиться и взялъ да тамъ и умеръ. Вотъ вамъ и убытокъ, по меньшей мѣрѣ рублей на десять, такъ какъ гробъ пришлось бы дѣлать дорогой, съ глазетомъ. Мысли объ убыткахъ донимали Якова особенно по ночамъ; онъ клалъ рядомъ съ собою на постели скрипку и, когда всякая чепуха лѣзла въ голову, трогалъ струны, скрипка въ темнотѣ издавала звукъ, и ему становилось легче.

Шестого мая прошлаго года Марѳа вдругъ закемогла.

Старуха тяжело дышала, пила много воды и пошатывалась, но все-таки утромъ сама истопила печь и даже ходила по воду. Къ вечеру же слегла. Яковъ весь день игралъ на скрипкѣ; когда же совсѣмъ стемнѣло, взялъ книжку, въ которую каждый день записывалъ свои убытки, и отъ скуки сталъ подводить годовой итогъ. Получилось больше тысячи рублей. Это такъ потрясло его, что онъ хватилъ счетами о полъ и затоналъ ногами. Потомъ поднималъ счеты и опять долго щелкалъ и глубоко, напряженно вздыхалъ. Лицо у него было багрово и мокро отъ пота. Онъ думалъ о томъ, что если бы эту пронащую тысячу рублей положить въ банкъ, то въ годъ проценту накопилось бы самое малое—сорокъ рублей. Значить, и эти сорокъ рублей тоже убытокъ. Однимъ словомъ, куда ни повернись, вездѣ только убытки и больше ничего.

— Яковъ!—позвала Марѳа неожиданно.—Я умираю!

Онъ оглянулся на жену. Лицо у нея было розовое отъ жара, необыкновенно ясное и радостное. Бронза, привыкшій всегда видѣть ея лицо блѣднымъ, робкимъ и несчастнымъ, теперь смутился. Похоже было на то, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ умирала и была рада, что, наконецъ, уходитъ навѣки изъ этой избы, отъ гробовъ, отъ Якова... И она глядѣла въ потолокъ и шевелила губами, и выраженіе у нея было счастливое, точно она видѣла смерть, свою избавительницу, и шепталась съ ней.

Быль уже разсвѣтъ, въ окно видно было, какъ горѣла утренняя заря. Глядя на старуху, Яковъ почему-то вспомнилъ, что за всю жизнь онъ, кажется, ни разу не приласкалъ ее, не пожалѣлъ, ни разу не догадался кушать ей платочекъ, или принести со свадьбы чего-нибудь сладенькаго, а только кричалъ на нее, бранилъ за убытки, бросался на нее съ кулаками; правда, онъ никогда не билъ ее, но все-таки пугалъ, и она всякій разъ цѣпенѣла отъ страха. Да, онъ не велѣлъ ей пить чай, потому что и безъ того расходы большіе, и она пила только горячую воду. И онъ понялъ, отчего у нея теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко.

Дождавшись утра, онъ взялъ у сосѣда лошадь и повезъ Марѳу въ больницу. Тутъ больныхъ было немного и потому пришлось ему ждать недолго, часа три. Къ его великому удовольствію, въ этотъ разъ принималъ больныхъ не док-

торъ, который самъ былъ боленъ, а фельдшеръ Максимъ Николаичъ, старикъ, про котораго всѣ въ городѣ говорили, что хотя онъ и льющій и дерется, но понимаетъ больше, чѣмъ докторъ.

— Здравія желаемъ,—сказалъ Яковъ, вводя старуху въ пріемную.—Извините, все беспокоимъ васъ, Максимъ Николаичъ, своими пустяжными дѣлами. Вотъ, изволите видѣть, захворалъ мой предметъ. Подруга жизни, какъ это говорится, извините за выраженіе...

Нахмуривъ сѣдыя брови и поглаживая бакены, фельдшеръ сталъ оглядывать старуху, а она сидѣла на табуретѣ сгорбившись и тощая, остроносая, съ открытымъ ртомъ походила въ профиль на итицу, которой хочется пить.

— М-да... Такъ...—медленно проговорилъ фельдшеръ и вздохнулъ.—Инфлуэнца, а можетъ и горячка. Теперь по городу тифъ ходитъ. Что жъ? Старушка пожила, слава Богу... Сколько ей?

— Да безъ года семьдесятъ, Максимъ Николаичъ.

— Что жъ? Пожила старушка. Пора и честь знать.

— Оно, конечно, справедливо изволили замѣтить, Максимъ Николаичъ, —сказалъ Яковъ, улыбаясь изъ вѣжливости:—и чувствительно васъ благодаримъ за вашу пріятность, но позвольте вамъ выразиться, всякому насѣкомому жить хочется.

— Мало ли чего! —сказалъ фельдшеръ такимъ тономъ, какъ будто отъ него зависѣло жить старухѣ или умереть.—Ну, такъ вотъ, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компрессъ и давай вотъ эти порошки по два въ день. А за симъ досвиданція, бонжуръ.

По выраженію его лица Яковъ видѣлъ, что дѣло плохо и что ужъ никакими порошками не поможешь; для него теперь ясно было, что Марѳа помретъ очень скоро, не сегодня—завтра. Онъ слегка толкнулъ фельдшера подъ локоть, подмигнулъ глазомъ и сказалъ вполголоса:

— Ей бы, Максимъ Николаичъ, банки поставить.

— Некогда, некогда, любезный. Бери свою старуху и уходи съ Богомъ. Досвиданція.

— Сдѣлайте такую милость,—взмолился Яковъ.—Сами изволите знать, если бъ у нея, скажемъ, животъ болѣлъ, или какая внутренность, ну, тогда порошки и капли, а то

вѣдь въ ней простуда! При простудѣ первое дѣло — кровь гнать, Максимъ Николаичъ.

А фельдшеръ уже вызвалъ слѣдующаго больного, и въ пріемную входила баба съ мальчикомъ.

— Ступай, ступай...—сказалъ онъ Якову, хмурясь.—Нечего тѣбѣ наводить.

— Въ такомъ случаѣ поставьте ей хоть пивки! Заставьте вѣчно Бога молить!

Фельдшеръ вспылилъ и крикнулъ:

— Поговори мнѣ еще! Дубина...

Яковъ тоже вспылилъ и побагровѣлъ весь, но не сказалъ ни слова, а взялъ подъ руку Марю и повелъ ее изъ пріемной. Только когда ужъ садлись въ телѣгу, онъ сурово и насмѣшливо поглядѣлъ на больницу и сказалъ:

— Насажали васъ тутъ артистовъ! Богатому небось поставили бы банки, а для бѣднаго человѣка и одной пивки пожалѣлъ. Проды!

Когда пріѣхали домой, Марю, войдя въ избу, минутъ десять простояла, держась за печку. Ей казалось, что если она ляжетъ, то Яковъ будетъ говорить объ убыткахъ и бранить ее за то, что она все лежитъ и не хочетъ работать. А Яковъ глядѣлъ на нее со скукой и вспоминалъ, что завтра Юанна Богослова, послѣзавтра Николая Чудотворца, а потомъ воскресенье, потомъ понедѣльникъ—тяжелый день. Четыре дня нельзя будетъ работать, а навѣрное Марю умретъ въ какой-нибудь изъ этихъ дней; значить, гробъ надо дѣлать сегодня. Онъ взялъ свой желѣзный аршинъ, подошелъ къ старухѣ и снялъ съ нея мѣрку. Потомъ она легла, а онъ перекрестился и сталъ дѣлать гробъ.

Когда работа была кончена, Бронза надѣлъ очки и записалъ въ свою книжку:

«Марю Ивановой гробъ—2 р. 40 к.».

И вздохнулъ. Старуха все время лежала молча съ закрытыми глазами. Но вечеромъ, когда стемнѣло, она вдругъ позвала старика.

— Помнишь, Яковъ?—спросила она, глядя на него радостно.—Помнишь, пятьдесятъ лѣтъ назадъ намъ Богъ далъ ребеночка съ бѣлогурными волосиками? Мы съ тобой тогда все на рѣчкѣ сидѣли и иѣсни пѣли... подъ вербой. --- И, горько усмѣхнувшись, она добавила:—Умерла дѣвочка.

Яковъ напрягъ память, но никакъ не могъ вспомнить ни ребеночка, ни вербы.

— Это тебѣ мерещится,—сказаль онъ.

Приходилъ батюшка, приобщаль и собореваль. Потомъ Марѳа стала бормотать что-то непонятное и къ утру скончалась.

Старухи-сосѣдки обмыли, одѣли и въ гробъ положили. Чтобы не платить лишняго дьячку, Яковъ самъ читаль псалтырь, и за могилку съ него ничего не взяли, такъ какъ кладбищенскій сторожъ былъ ему кумъ. Четыре мужика несли до кладбища гробъ, но не за деньги, а изъ уваженія. Шли за гробомъ старухи, нищіе, двое юродивыхъ, встрѣчный народъ набожно крестился... И Яковъ былъ очень доволенъ, что все такъ честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь въ послѣдній разъ съ Марѳой, онъ потрогалъ рукой гробъ и подумаль: «Хорошая работа!»

Но когда онъ возвращался съ кладбища, его взяла сильная тоска. Ему что-то нездоровилось: дыханіе было горячее и тяжкое, ослабѣли ноги, тянуло къ питью. А тутъ еще полѣзли въ голову всякія мысли. Вспомнилось опять, что за всю свою жизнь онъ ни разу не пожалѣлъ Марѳы, не приласкалъ. Пятьдесятъ-два года, пока они жили въ одной избѣ, тянулись долго-долго, но какъ-то такъ вышло, что за все это время онъ ни разу не подумаль о ней, не обратилъ вниманія, какъ будто она была коника или собака. А вѣдь она каждый день топила печь, варила и пекла, ходила по воду, рубила дрова, спала съ нимъ на одной кровати, а когда онъ возвращался пьяный со свадебъ, она всякій разъ съ благоговѣніемъ вѣшала его скринку на стѣну и укладывала его спать и все это молча, съ робкимъ, заботливымъ выраженіемъ.

Навстрѣчу Якову, улыбаясь и кланяясь, шель Ротшильдъ.

— А я васъ ищу, дяденька!—сказаль онъ.—Кланялись вамъ Мойсей Ильичъ и велѣли вамъ заразъ приходить къ нимъ.

— Якову было не до того. Ему хотѣлось плакать.

— Отстань!—сказаль онъ и пошелъ дальше.

— А какъ же это можно? — встревожился Ротшильдъ, забѣгая впередъ.—Мойсей Ильичъ будутъ обижаться! Они велѣли заразъ!

Якову показалось противно, что жидъ запыхался, моргаетъ и что у него такъ много рыжихъ веснушекъ. И было гадко глядѣть на его зеленыи сюртукъ съ темными латками и на всю его хрупкую, деликатную фигуру.

— Что ты лѣзешь ко мнѣ, чеснокъ?—крикнулъ Яковъ.— Не приставай!

Жидъ разсердился и тоже крикнулъ:

— Но вы пожалуйста потише, а то вы у меня черезъ заборъ пометите!

— Прочь съ глазъ долой!—заревѣлъ Яковъ и бросился на него съ кулаками.— Життя нѣтъ отъ пархатыхъ!

Ротшильдъ помертвѣлъ отъ страха, присѣлъ и замахалъ руками надъ головой, какъ бы защищаясь отъ ударовъ, потомъ вскочилъ и побѣжалъ прочь что есть духу. На бѣгу онъ подпрыгивалъ, всплескивалъ руками, и видно было, какъ вздрагивала его длинная, тонкая синна. Мальчишки обрадовались случаю и бросились за нимъ съ криками: «Жидъ! Жидъ!» Собаки тоже погнались за нимъ съ лаемъ. Кто-то захохоталъ, потомъ свистнулъ, собаки залаяли громче и дружиѣе... Затѣмъ, должно-быть, собака укусила Ротшильда, такъ какъ послышался отчаянный, болѣзненный крикъ.

Яковъ погулялъ по выгону, потомъ пошелъ по краю города, куда глаза глядятъ, и мальчишки кричали: «Бронза идетъ! Бронза идетъ!» А вотъ и рѣка. Тутъ съ пискомъ поехали кулики, крякали утки. Солнце сильно припекало, и отъ воды шло такое сверканье, что было больно смотрѣть. Яковъ прошелся по тропинкѣ вдоль берега и видѣлъ, какъ изъ купальни вышла полная краснощечая дама, и подумалъ про нее: «Ишь ты, выдра!» Недалеко отъ купальни мальчишки ловили на мясо раковъ; увидѣвъ его, они стали кричать со злобой: «Бронза! Бронза!» А вотъ широкая старая верба съ громаднымъ дуломъ, а на ней вороньи гнѣзда... И вдругъ въ памяти Якова, какъ живой, выросъ младенчикъ съ бѣлокурыми волосами и верба, про которую говорила Марѳа. Да, это и есть та самая верба—зеленая, тихая, грустная... Какъ она постарѣла, бѣдная!

Онъ сѣлъ подъ нее и сталъ вспоминать. На томъ берегу, гдѣ теперь заливной лугъ, въ ту пору стоялъ крупный березовый лѣсъ, а вонъ на той лысой горѣ, что виднѣется на горизонтѣ, тогда синѣлъ старый-старый сосновый боръ.

По рѣкѣ ходили барки. А теперь все ровно и гладко, и на томъ берегу стоитъ одна только березка, молоденькая и стройная, какъ барышня, а на рѣкѣ только утки да гуси, и не похоже, чтобы здѣсь когда-нибудь ходили барки. Кажется, противъ прежняго и гусей стало меньше. Яковъ закрылъ глаза, и въ воображеніи его одно навстрѣчу другому понеслись громадныя стада бѣлыхъ гусей.

Онъ недоумѣвалъ, какъ это вышло такъ, что за послѣднія сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ своей жизни онъ ни разу не былъ на рѣкѣ, а если, можетъ, и былъ, то не обратилъ на нее вниманія? Вѣдь рѣка порядочная, не пустячная; на ней можно было бы завести рыбныя ловли, а рыбу продавать купцамъ, чиновникамъ и буфетчику на станціи и потомъ класть деньги въ банкъ: можно было бы плавать въ лодкѣ отъ усадьбы къ усадьбѣ и играть на скринкѣ, и народъ всякаго званія платилъ бы деньги; можно было бы попробовать опять гонять барки — это лучше, чѣмъ гробы дѣлать; наконецъ, можно было бы разводять гусей, бить ихъ и зимой отправлять въ Москву; небось одного пуху въ годъ набралось бы рублей на десять. Но онъ прозѣвалъ, ничего этого не сдѣлалъ. Какіе убытки! Ахъ, какіе убытки! А если бы все вмѣстѣ — и рыбу ловить, и на скринкѣ играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капиталъ! Но ничего этого не было даже во снѣ, жизнь прошла безъ пользы, безъ всякаго удовольствія, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назадъ — тамъ ничего, кромѣ убытковъ, и такихъ страшныхъ, что даже ознобъ беретъ. И почему человѣкъ не можетъ жить такъ, чтобы не было этихъ потерь и убытковъ? Спрашивается, зачѣмъ срубили березнякъ и сосновый боръ? Зачѣмъ даромъ гуляетъ выгонъ? Зачѣмъ люди дѣлаютъ всегда именно не то, что нужно? Зачѣмъ Яковъ всю свою жизнь бранился, рычалъ, бросался съ кулаками, обижалъ свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугалъ и оскорбилъ жида? Зачѣмъ вообще люди мѣшчаютъ жить другъ другу? Вѣдь отъ этого какіе убытки! Какіе страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имѣли бы другъ отъ друга громадную пользу.

Вечеромъ и ночью мерещились ему младенчикъ, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая въ профиль на птицу,

которой хочется пить, и блѣдное, жалкое лицо Ротшильда, и какія-то морды надвигались со всѣхъ сторонъ и бормотали про убытки. Онъ ворочался съ боку на бокъ и разъ пять вставалъ съ постели, чтобы поиграть на скрипкѣ.

Утромъ черезъ силу поднялся и пошелъ въ больницу. Тотъ же Максимъ Николаичъ приказалъ ему прикладывать къ головѣ холодный компрессъ, далъ порошки, и по выраженію его лица и по тону, Яковъ понялъ, что дѣло плохо и что ужъ никакими порошками не поможешь. Идя потомъ домой, онъ соображалъ, что отъ смерти будетъ одна только польза: не надо ни ѣсть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а такъ какъ человѣкъ лежитъ въ могилкѣ не одинъ годъ, а сотни, тысячи лѣтъ, то, если сосчитать, польза окажется громадная. Отъ жизни человѣку—убытокъ, а отъ смерти—польза. Это соображеніе, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачѣмъ на свѣтѣ такой страшный порядокъ, что жизнь, которая дается человѣку только одинъ разъ, проходить безъ пользы?

Не жалко было умирать, но какъ только дома онъ увидѣлъ скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко. Скрипку нельзя взять съ собой въ могилу, и теперь она останется сиротой, и съ нею случится то же, что съ березнякомъ и съ сосновымъ боромъ. Все на этомъ свѣтѣ пропадало и будетъ пропадать! Яковъ вышелъ изъ избы и сѣлъ у порога, прижимая къ груди скрипку. Думая о пропащей, убыточной жизни, онъ заигралъ, самъ не зная, что, но вышло жалобно и трогательно, и слезы потекли у него по щекамъ. И чѣмъ крѣпче онъ думалъ, тѣмъ печальнѣе пѣла скрипка.

Скрипнула щеколда разъ-другой, и въ калиткѣ показался Ротшильдъ. Половину двора прошелъ онъ смѣло, но, увидѣвъ Якова, вдругъ остановился, весь съежился и, должно-быть, отъ страха, сталъ дѣлать руками такіе знаки, какъ будто хотѣлъ показать на пальцахъ, который теперь часъ.

— Подойди, ничего,—сказалъ ласково Яковъ и поманилъ его къ себѣ.—Подойди!

Глядя недовѣрчиво и со страхомъ, Ротшильдъ сталъ подходить и остановился отъ него на сажень.

— А вы, едѣлайте милость, не бейте меня! — сказалъ онъ, присѣдая.—Меня Мойсей Ильичъ опять послали. Не бойся, говорятъ, поди опять до Якова и скажи, говорятъ,

что безъ ихъ никакъ невозможно. Въ среду швадьба... Да-а! Господинъ Шаповаловъ выдаютъ дочку жа хорошаго цело-вѣка... И швадьба будетъ богатая, у-у!—добавилъ жидъ и прищурилъ одинъ глазъ.

— Не могу...— проговорилъ Яковъ, тяжело дыша. — Захвораль, братъ.

И опять заигралъ, и слезы брызнули изъ глазъ на скрипку. Ротшильдъ внимательно слушалъ, ставши къ нему бокомъ и скрестивъ на груди руки. Испуганное, недоумѣвающее выраженіе на его лицѣ мало-по-малу смѣнилось скорбнымъ и страдальческимъ, онъ закатилъ глаза, какъ бы испытывая мучительный восторгъ, и проговорилъ: «Ваххх!..» И слезы медленно потекли у него по щекамъ и закапали на зеленый сюртукъ.

И потомъ весь день Яковъ лежалъ и тосковалъ. Когда вечеромъ батюшка, исповѣдуя, спросилъ его, не помнитъ ли онъ за собою какого-нибудь особеннаго грѣха, то онъ, на-прягая слабѣющую память, вспомнилъ опять несчастное лицо Марѳы и отчаянный крикъ жида, котораго укусила собака, и сказалъ едва слышно:

— Скрипку отдайте Ротшильду.

— Хорошо,—отвѣтилъ батюшка.

И теперь въ городѣ всѣ спрашиваютъ: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка? Купилъ онъ ее или укралъ, или, быть-можетъ, она попала къ нему въ закладъ? Онъ давно уже оставилъ флейту и играетъ теперь только на скрипкѣ. Изъ-подъ смычка у него льются такіе же жалобные звуки, какъ въ прежнее время изъ флейты, но когда онъ старается повторить то, что игралъ Яковъ, сидя на порогѣ, то у него выходитъ нѣчто такое унылое и скорбное, что слушатели плачутъ, и самъ онъ подъ конецъ закатываетъ глаза и говоритъ: «Ваххх!..» И эта новая пѣсня такъ понравилась въ городѣ, что Ротшильда приглашаютъ къ себѣ наперерывъ купцы и чиновники и заставляютъ играть ее по десяти разъ.

INSTYTUT

BADAN LITERARNYCH I
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 72

Tel. 26-68-63

Оглавление

IX ТОМА.

	СТР.		СТР.
Страх	1	Бабе царство	104
Разсказъ неизвѣстнаго чело- вѣка	16	Попрыгунья	144
Хорошіе люди	93	Черный монахъ	169
		Скрипка Ротшильда	201

F

24.113/8⁹